

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

№

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
· ВЕДЕНИЕ

2005

журналу

40

лет

«НАУКА»

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

2
2005

МАРТ

АПРЕЛЬ

Содержание

СТАТЬИ

<i>Васильев М.А.</i> (Москва). Анты, словене, немцы, греки: славянский культурно-лингвистический мир и его соседи в раннесредневековое время	3
<i>Турилов А.А.</i> (Москва). “Не где князь живет, но вне” (Болгарское общество конца IX века в “Сказании о железном кресте”)	20
<i>Михеев С.М.</i> (Москва). Золотая гривна Бориса и родовое проклятье Инглингов: к проблеме варяжских источников древнерусских текстов	28
<i>Флоря Б.Н.</i> (Москва). Русско-шведские мирные переговоры в Валиесаре (1658 г.) и Речь Посполитая	43
<i>Корзо М.А.</i> (Москва). О структуре и содержании букварных катехизисов московской печати XVII – начала XVIII века	61

СООБЩЕНИЯ

<i>Коновалова И.Г.</i> (Москва). Восточная Европа в географическом сочинении Абу-л-Фиды .	72
<i>Муртузалиев С.И.</i> (Махачкала). Религиозно-правовая политика Порты и роль налоговой системы в исламизации балканских народов (XV – начало XVII века)	83
<i>Иванова-Цоцова Б.</i> (София). Средневековые компоненты в структуре живописного портрета на заре Нового времени в странах Восточной и Юго-Восточной Европы	88
<i>Кузнецова И.В.</i> (Чебоксары). Мифологические корни устойчивых сравнений	99

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Куркина Л.В.</i> R.O. Richards. The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian	110
<i>Зямятин Д.Н.</i> А.В. Подосинов. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий	116

<i>Шанова З.К.</i> Е.Ю. Иванова. Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации.....	119
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти Яна Гавранека	124
Памяти Людмилы Николаевны Титовой (1934–2004)	125
Новые книги Института славяноведения РАН	126

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru

© 2005 г. М. А. ВАСИЛЬЕВ

АНТЫ, СЛОВЕНЕ, НЕМЦЫ, ГРЕКИ: СЛАВЯНСКИЙ КУЛЬТУРНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ МИР И ЕГО СОСЕДИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЕ ВРЕМЯ

Проблемы этногенеза и ранней этнической истории славянства, состояния и состава славянского культурно-лингвистического мира в начале раннего средневековья, бесспорно, являются одними из наиболее сложных в мировой науке. Они дискутируются уже буквально столетия и, вероятно, обречены оставаться остро обсуждаемыми еще неопределенно долгое время. Далее мы сформулируем свою точку зрения по некоторым, на наш взгляд, ключевым вопросам указанной проблематики.

В первую очередь необходимо обсудить, что следует понимать под термином “славянский культурно-лингвистический мир” для раннесредневекового времени, несет ли он этническое или иное содержание.

С нашей точки зрения, славофоны не были единой метаэтнической/суперэтнической общностью в какой-то период раннего средневековья, по крайней мере в V – части VII в. Первый хронологический рубеж определяется временем сложения пражско-корчакской и пеньковской археологических культур (которые, на наш взгляд, в историографии правомерно связываются соответственно со словенцами и антами), а также косвенными соображениями, опирающимися на письменные источники; вторая временная грань – последними упоминаниями антов – для событий 602 г. [1. С. 42/43, 270/271] и в титулатуре византийского императора Ираклия в 612 г. [2. С. 260–262], хотя грань эта, разумеется, условна. Иначе говоря, мы полагаем, что в указанное время не существовало единого метаэтноса/суперэтноса (т.е. этнического образования, включающего несколько более дробных этнических (этносоциальных) общностей и объединяющего их через общее этническое самосознания и общее самоназвание) с самонаименованием **slověne*, которое охватывало *весь*, особо подчеркнем это, указанный мир. Исходя из высказанного суждения, далее по возможности мы будем избегать употреблять термин “славяне” в его обычной, так сказать, топосной научной трактовке как обозначение населения *всего* рассматриваемого мира в данный период, дабы не создавать терминологических коллизий и иллюзий. С этнологической точки зрения, такое

Васильев Михаил Александрович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

употребление этого термина далеко не всегда правомерно и ведет к еще большему запутыванию и без того крайне непростой проблемы.

С такого же порядка понятийными, терминологическими коллизиями, порождающими ложные образы, искажающие историческую реальность, исследователям нередко приходится сталкиваться и в других областях исторического этнологического знания. Ограничимся двумя примерами. Как писал А.Н. Анфертьев, «специалисты по физической антропологии, так же как и археологи, применяют ради удобства (на наш взгляд, мнимого) лингвистическую номенклатуру, не понимая ее существа ... на территории... Ингерманландии (по-шведски буквально “земля ижор”, финноязычного прибалтийского племени. – М.В.), и те и другие систематически “обнаруживают” финно-угров, хотя присутствие здесь угорского компонента более чем неправдоподобно. Мы сталкиваемся в этом случае с механическим перенесением термина из области сравнительно-исторического языкознания на совсем иной по своей природе материал. Впрочем, и такие термины, как *славянское жилище* или *балтский антропологический тип*, не менее далеко уводят в сторону от подлинного понимания этнических процессов» [3. С. 67]. По сложившейся в прошлом веке в археологической литературе традиции, отмечала Л.Т. Яблонская, «такие этноокрашенные клише, как “скифы” и “скифоидные культуры”, довольно часто, но совсем неоправданно употребляются при публикации соответствующих материалов... Фактически исследователи конца XX столетия следуют в этом плане традиции древних авторов, которые обозначали этнонимом “скифы” гетерогенный и разнокультурный конгломерат степных кочевников и скотоводов. Инверсия, сложившаяся в археологии с этим этнонимом, сослужила плохую службу науке – она подвела психологическую базу для теории о существовании некоего единства культуры ранних кочевников на территории от Дуная до Монголии. В специальной литературе представление об этом единстве терминологически подчеркивается такими словосочетаниями, как “скифо-сибирский звериный стиль” и “скифо-сибирский мир”, “историческое единство скифо-сибирского мира”, “скифо-сибирское историко-культурное единство»» [4. С. 57].

Итак, с нашей точки зрения, применительно к указанному периоду раннего средневековья, V – началу VII в., нет достаточных оснований говорить о *славянах*, подразумевая под этим понятием *весь* славяноязычный мир. Да, его сельники были славянами с точки зрения языка (праславянский диалектный континуум) и культуры (в первую очередь духовной, материальная же, во всяком случае, археологически доступные ее остатки, различалась порою весьма существенно). Но в строгом *этнологическом* значении следует говорить не о славянах вообще, а о *словенах*, *этнических словенах*, специально подразумевая под этими терминами только *часть* славянского культурно-лингвистического мира того времени, а именно ту, у которой завершился процесс этногенеза, сложилась этническая самоидентификация, венчаемая самоназванием **slověne*. (Показательно в данной связи, что А.А. Шахматов, например, называл в своих работах “склавенон”, “склавонов” греко- и латиноязычных раннесредневековых письменных источников не “славянами”, а “словенами” [5. С. 46 и сл.]) Вполне правомерно, как уже говорилось, с этническими словенами для того времени обычно связывают носителей пражско-корчакской археологической культуры (V–VII вв.).

Когда же мы употребляем термины “*славянский культурно-лингвистический мир*”, “*славянская культурно-лингвистическая общность*”, “*славяноязыч-*

ный мир”, то не вкладываем в них сугубо этническое значение, подразумеваем, что они не идентичны для рассматриваемого времени *словенам, этническим словенам*. Славянская культурно-лингвистическая общность в научном и терминологическом отношении – понятие более широкое, “родовое”, охватывающее *весь* именно *лингво-культурный* мир тогдашнего славянства, лишь *одним из* “видовых” компонентов которого являлись *этнические словене*.

Сегодня археологи, особо активно занимающиеся “славянскими древностями”, для V–VI вв. выделяют несколько культур, которые по устоявшейся в науке традиции называют “славянскими”. Например, согласно В.В. Седову, их было около семи (см.: [6. С. 203 и след.]), В.Д. Баран пишет о пяти культурах [7. С. 9, 31–32], в историографии присутствуют и иные точки зрения. Но реальную возможность достаточно обоснованно рассуждать об *этническом* лице носителей тех или иных “славянских” археологических культур мы имеем лишь в одном случае, ибо располагаем не только археологически добытыми материальными артефактами, но и весьма репрезентативным корпусом раннесредневековых греко- и латиноязычных письменных источников. Речь идет о пражско-корчакской археологической культуре, носители которой назывались в этих источниках *склавинами* (иноязычная передача самоназвания **slověne*) (впервые у Прокопия Кесарийского при описании событий около 512 г. [2. С. 176/177] и Иордана, оба писали в VI в.), и о насельниках пеньковской археологической культуры (V–VII вв.), имевших аутоэтноним *анты* (термин употреблен Иорданом при рассказе о событиях еще конца IV в. [2. С. 112/113–114/115]), хотя по-прежнему в специальной литературе нередко высказываются суждения, согласно которым *анты* – это не самонаименование (см. далее).

В первой половине 1990-х годов и позднее в ряде работ [8; 9. Приложение 1] нами было выдвинуто и, как полагаем, обосновано положение, согласно которому в том этническом и этногенетическом “котле”, который “кипел” в “варварской” Европе в эпоху Великого переселения народов, *в славянском культурно-лингвистическом мире по историческим меркам практически одновременно* (по крайней мере) *родились и некоторое время существовали параллельно две равноправные и равноценные славяноязычные метаэтнические общности – словене и анты*. При этом *этнические анты ни по каким параметрам не могут полагаться частью этнических словен* (ср. мнение С.А. Арутюнова, высказанное в связи с этими построениями: “Все это, конечно, гипотезы, но гипотезы эти хорошо обоснованы и по меньшей мере имеют право на существование” [10. С. 183]). Против суждения, согласно которому *анты* являлись частью *словен* и которое до сих пор господствует в мировой славистике (укажем, однако, что постепенно наша точка зрения находит признание, см.: [11. С. 2; 12. С. 218]), свидетельствуют *все без исключения* имеющиеся в нашем распоряжении письменные источники; археологи, к какому бы из научных направлений в изучении этногенеза славянства они не принадлежали, единодушны в том, что пеньковская археологическая культура, надежно связываемая с антами, не выводима из пражско-корчакской культуры, носителями которой являлись словене (подробнее см.: [9. Приложение 1]).

Мы не считаем возможным здесь еще раз развернуто аргументировать нашу точку зрения на то, что анты, как и словене, являлись метаэтническим образованием, отсылая заинтересованного читателя к указанным работам. Сейчас важно подчеркнуть следующее – из развиваемого нами построения прямо вытекает, что с высокой степенью достоверности следует констатировать:

славяноязычный мир по крайней мере до начала VII в. включительно не образовывал единой метаэтнической общности с самоназванием **slověne* и соответствующей самоидентификацией.

Из-за отсутствия аутентичных источников что-либо однозначно достоверное относительно словенского этнического самосознания других компонентов данного мира мы сегодня сказать не беремся. (Только к этническим словенам и антам в начальный период раннего средневековья славянский культурно-лингвистический мир, конечно, не сводился. Например, его частью являлось население суковско-дзедзицкой археологической культуры, которую так же, как и пеньковскую, невозможно возводить к пражско-корчакской. “Областью становления суковско-дзедзицкой культуры, – писал В.В. Седов, – были земли среднего течения Одера с бассейном Варты... Только в этом регионе зафиксированы наиболее ранние суковско-дзедзицкие памятники, нижние отложения которых могут быть отнесены к V – началу VI в.” [6. С. 328–329].) Проблема эта еще требует дополнительного изучения. Но никак нельзя отрицать того факта, что несколько позднее общеславянское этническое самосознание являлось реальным фактом, а не фикцией, на чем настаивали некоторые исследователи [13. С. 81; 14. С. 153; 7. С. 6, 118 и др.]. Механизмы его распространения на весь славянский культурно-лингвистический мир – тема специальная и еще нуждающаяся в глубоком осмыслении.

Этноним *анты* в языковом отношении, безусловно, не является славянским. Сегодня большинство ученых считают его по происхождению иранским и буквально означавшим “живущие на окраине, окраинные”, т.е. фактически “украинцы”, ср. др.-инд. *ánta-* ‘край, кайма, граница, конец, предел (в противовес середине)’, ведич. *ánta-* ‘близость, присутствие’ (< ‘нахождение напротив’). Иран. **ánta-* ‘край; кромка; предел; конец’ восходит к арийск. **anta-* ‘край, внешний предел (в противовес середине)’ и далее к индоевропейскому производному от и.-е. **ant-* ‘передняя сторона; лоб; против’ [15. С. 173].

Формы, восходящие к иран. **ánta-*, зафиксированы во многих иранских языках и диалектах. Особо репрезентативно они представлены в осетинском языке, являющемся потомком скифо-сармато-аланских языков и диалектов Восточной Европы. Весьма выразительно и важно то, что *только осетинский* сохранил в целом указанную выше семантику иран. и арийск. **ánta-*, ср. осет. *æddæ/ændæ* ‘вне, снаружи’, *æddag/ændag* ‘внешний, наружный’, *æddagon/ændagon* ‘внешний; чужой’, *æddætæ/ændætæ* ‘наружу; кроме’ [15. С. 173]. При этом в других иранских языках и диалектах не древнего периода распространение получили производные от иран. **anta-*, **ant-ia-* с иными значениями: ‘дверная рама; дверные стойки; столбы ворот; порог’ [15. С. 173–175].

Неславянское происхождение рассматриваемого этнонима, между тем, является одним из главных аргументов для той группы исследователей, которые полагают, что наименование *анты* аутоэтнонимом не являлось. О.Н. Трубачев, например, писал: “Ни венеды, ни анты никогда не были самоназванием славян и первоначально обозначали другие народы на славянской периферии... и лишь вторично были перенесены на славян в языках третьих народов” ([16. С. 89], см. также [17. С. 278; 18. С. 83–84]). Такие трактовки основываются в значительной степени на том, что антов полагают частью словенской метаэтнической общности с соответствующим (“славянским”) самонаименованием. Но, помимо поневоле кратко приведенных выше построений относительно этнического соот-

ношения словен и антов в V – начале VII в., подобные суждения весьма уязвимы для критики и в силу следующих причин.

Во-первых, для зафиксированной в письменных источниках этнической номенклатуры славофонов в раннем средневековье неславянские по происхождению самоназвания вообще были весьма характерны: ср. *хорваты*, праслав. **xъrvatъ* (от иран. **harvat-* ‘женский, изобилующий женщинами’ [19. С. 149–151] или *(*fsu-*)*haurvata* ‘страж скота’ [20. С. 262]); *северы*, *северяне* (от иран. **seu*, **sew* ‘черный’) [21. С. 130]; *сербы* (О.Н. Трубачев первоначально сблизил с индоарийской формой **servo-*, ср. др.-инд. *sarva-* ‘целый, весь’ [22. С. 61]; позднее он писал: “Ныне славянский – этноним сербов, видимо, происходит из среды индоарийского (праиндийского) по языку населения Прикубанья и северо-понтийских берегов, куда относятся древние племена синдов и меотов” [23. С. 75], и имел значение ‘головорезы’) [23. С. 74–75, 277]; *дулебы* (праслав. **dudleбъ*, из герм. **daud-laiba* ‘наследие умершего’) [24. С. 147–148]; *болгары*, этноним тюркского происхождения; сюда же следует присовокупить др.-русск. *русь* (через посредство прибалтийской финноязычной среды возводится к древнешведской форме, восходящей, в свою очередь, к др.-герм. **rōru* ‘гребля, весло, плавание на гребных судах’) [25. С. 297–298]. Так что в этом представительном ряду раннесредневековых *самоназваний* славянского культурно-лингвистического мира, в том числе иранских по происхождению, этноним *анты* – не исключение, но лишь один из его компонентов, притом наиболее ранний из письменно зафиксированных.

Во-вторых, указанные суждения уязвимы в силу того, что с этнологической точки зрения изначальное происхождение этнонима, ставшего самоназванием в другой языковой среде, сравнительно мало что значит. Зафиксированы далеко не единичные случаи, когда иноязычный этноним становился аутоэтнонимом, что подтверждает и приведенный выше материал.

В-третьих, наконец, письменные источники раннего средневековья не содержат никаких оснований для того, чтобы усматривать в содержащемся в них наименовании пеньковской группировки славяноязычного мира *анты* не самоназвание. Они однозначно, с нашей точки зрения, свидетельствуют в пользу противоположной трактовки (подробнее см.: [9. Приложение 1]).

Первоначально термин *анты* мог прилагаться иранцами восточноевропейских степей и лесостепей к той части ираноязычного населения, которая обитала на северных окраинах, границах этого региона. Но наличие в осетинском языке восходящих к иран. **ánta-* лексем со значениями ‘вне, внешний; снаружи, наружный, наружу; кроме’ и особенно ‘чужой’ делает вероятным и иной вариант интерпретации. Антами иранцы Восточной Европы могли называть своих неираноязычных соседей на юге ареала обитания тех. Ныне надежно установлено, что именно с ираноязычными сармато-аланами славофоны длительное время контактировали и активно взаимодействовали в этом регионе (ситуация так называемого славяно-иранского симбиоза, по терминологии В.В. Седова, который обращался к этой проблеме неоднократно, см, например: [6. С. 188 и след.]). В результате этих процессов иранский экзоэтноним превратился в самоназвание одной из частей славянского культурно-лингвистического мира.

Что касается этнонима *словене* (праслав. **slověne*), то его славянская языковая принадлежность находится вне всяких сомнений. Однако здесь зачастую возникают коллизии другого характера.

В вышедшей в 1982 г. и в 1997 г. увидевшей свет на русском языке монографии немецкий исследователь Г. Шрамм писал: «Правдоподобность того или иного объяснения этнонима *Slověne* должна быть морфологически и семантически продемонстрирована в контексте прочей славянской этнонимии. Что бы ни говорилось о происхождении термина *Slověne*, впредь это может быть убедительно только при условии, что он включается в ряд других племенных названий или просто лексем, построенных в морфологическом и семантической отношениях по тому же типу...

Особенно часто и с давних времен *Slověne* толкуются как “люди, обладающие словом”, т.е. “говорящие на понятном языке” в отличие от иноязычных “немых” народов (*нѣмци*). Но где, спрашивается, в славянской этнонимии хотя бы одна структурная и смысловая параллель этим “людям, владеющим словом”? где же ранние славянские этнонимы на *-ěnel-/jane*, которые были бы образованы от каких-либо иных корней, кроме обозначения таких сугубо материальных объектов (*Handgreiflichkeiten*), как реки или формы ландшафта, к примеру, слав. **polje*: др.-русск. *поляне*, слав. **dervo* “дерево”, др.-русск. *древляне*? Форма *нѣмци* структурно совершенно иная, нежели *Slověne*, и потому есть только кажущийся аргумент в пользу предложенной этимологии (“внятно говорящие”») [26. С. 72]. Сам Г. Шрамм возводил этноним **slověne* к названию верхнего течения Днепра **Slovuta*/**Slavuta* [26. С. 72–73 и др.].

Сомнения немецкого исследователя, однако, не представляются нам ни правомерными, ни убедительными. Не приходится спорить с тем, что “у славян, – как писала Р.А. Агеева, – четко выделяются лишь две семантические группы названий: ландшафтные и топонимические. По-видимому, для славян эти типы относительно поздние и характеризуют период разложения племенной организации. Наиболее же древние племенные названия, как правило, вызывают сомнения с точки зрения их собственно славянской этимологии; большинство из них заимствовано из других языков” [27. С. 70] (примеры см. выше). Как отметил в этой же связи А.А. Горский, «древнейшими, явно “дорасселенческими”, вероятнее всего, надо считать названия “не по месту обитания”, которые встречаются в разных регионах славянского расселения (свидетельствуя тем самым о распаде старого племени)... Все они бессуффиксные. Очевидно, эти этнонимы и восходят к праславянскому периоду. Появление же названий с суффиксами следует отнести к периоду Расселения» [28. С. 173]. (Кстати, это является лишним аргументом в пользу того, что словенская суперэтническая общность – образование сравнительно позднее. Подобное приурочивание завершающей хронологической грани процесса славянского этногенеза (сравнительно незадолго до первого упоминания словен в письменных источниках), разделяемое нами [9. С. 269–271], имеет сегодня немало сторонников [29. С. 105–106; 30. С. 354; 2. С. 58; 31. С. 101; 32. С. 122]. Следует лишь уточнить, что речь должна идти не о финале этногонии “славян” вообще, как то говорится в указанных работах, а о завершении этногенеза и начале собственно этнической истории группировки с самонаименованием *словене*.)

С нашей точки зрения, Г. Шрамм подошел к проблеме этнонима **slověne* только с формальной, сугубо лингвистической точки зрения. Но в данном случае этот прямолинейно-формальный подход не применим, так как анализируемый этноним – это не название какого-либо союза племен “периода Расселения”, для V–VI вв. мы имеем самонаименование общности иного порядка и

иного характера. И с точки зрения этнологии и этнической ономастики, такая общность, “надплеменная” *по самой своей сути*, т.е. не потестарно-политического, а иного порядка, могла носить название, морфологически и семантически отличное от “традиционных” “племенных”. В рамках одной лингво-культурной общности, одного культурно-лингвистического мира подобное этническое наименование *единично, уникально* и потому не может автоматически включаться “в ряд племенных названий или просто лексем, построенных в морфологическом и семантическом отношениях по тому же типу”. В случае с аутоэтнонимом *словене* требуются иные, этнологический и лингво-этнологический подходы.

Приведенные выкладки Г. Шрамма существенны для темы статьи потому, что являются собой лишь частный случай следующего общего обстоятельства: различные этимологические интерпретации имени *словене* существовали, существуют и, надо думать, будут предприниматься в дальнейшем. Поэтому полагаем бесполезным еще раз обратиться к данной проблеме, привлекая при этом некоторые материалы, которые пока “славистам-древникам” малоизвестны или практически не известны.

Одним из важных общетеоретических положений отечественной культурной антропологии (этнологии) является следующее. «...Этническое самосознание, – писал, например, М.В. Крюков, – всегда строится на контрверзе “мы – они”. Но характер этого противопоставления существенно различен на разных этапах развития общества. Представляется, что для самосознания этнической общности доклассового общества характерен признак попарного противопоставления. Каждая общность осознает свое отличие от других, себе подобных...еще не наделяя всю их совокупность какими-либо общими признаками...» Общее название для “они” возникает «одновременно с появлением общего самоназвания для “нашей” этнической общности, типологически уже не аналогичной племени». Такой уровень этнического самосознания, по мнению М.В. Крюкова, “соответствует этапу разложения родо-племенной структуры и вызреванию предпосылок классового общества” [33. С. 61, 62].

Лингво-этнологический анализ позволяет конкретизировать и уточнить эти положения применительно к словенской суперэтнической общности в начальный период эпохи раннего средневековья. Относительно данной общности парное противопоставление “мы – они” выражено более чем отчетливо. “Мы” – это *словене*, т.е. “ясно, понятно говорящие, владеющие словом, истинной речью”.

Трактовка названия **slověne* как первоначально означавшего ‘ясно говорящие’, писал О.Н. Трубачев, адекватно отражает древнее этническое самосознание с его первостепенной актуальностью самоидентификации по принципу “мы – они”. Поэтому, в частности, попытка Г. Шрамма, осмысливающего термин **slověne* как производное от названия Днепра **Slovuta/*Slavuta*, т.е. как ‘днепряне’, “не может вызвать нашего сочувствия ни с формальной стороны, ни со стороны этнолингвистической, чем, видимо, и вызвано то, что Шрамм до сего времени, к его огорчению, не получил положительного отклика...” [16. С. 85].

Заметим также, что, вопреки Г. Шрамму, существуют термины (хотя и не подлинные этнонимы), построенные “в морфологическом и семантическом отношениях по тому же типу”, что и *словене*. Еще П. Шафарик связывал данный этноним с лексемой *слово* при помощи аналогии с др.-русск. *кличане* [16. С. 38].

Славяне называли себя ‘ясно говорящими, владеющими словом, истинной речью’ в отличие от ‘говорящих непонятно’ или ‘неговорящих’ (немцев). Вяч.Вс. Иванов и В.Н. Топоров относили данную реализацию оппозиции “мы – они” к элементарным этнонимическим парным противопоставлениям, “в пределах которых один этноним необъясним вне его соотношения с другими”. “Микрополя, образуемые такими этнонимами, соответствовали в какой-то степени самосознанию определенной этнической группы в ее наиболее актуальных отношениях с соседями” [34. С. 12]. Исследователи считали возможным этимологизировать праслав. *nětьсь* как сочетание отрицания типа **ne-* и корня глагола говорения типа **ten-*, ср. др.-русск. *мьнити* ‘говорить’. “Сочетание **ne-ten* первоначально, видимо, могло относиться к малым детям, еще не овладевшим речью, и к животным, не умеющим говорить” [34. С. 17, прим. 12]. В той же связи О.Н. Трубачев писал: «Чужих, иноплеменных оказалось удобным и естественным обозначать как “невнятно бормочущих”, а также – с некоторым преувеличением – как “немых”. Ясно в таком случае, что ‘своих’ объединяла в первую очередь взаимопонимаемость речи», что лингво-этнологически и объясняет имя **slověne* [16. С. 90].

Богатый материал, позволяющий глубже понять принципы образования дихотомической этнонимической пары *словене* – *немцы*, был собран А.Ф. Журавлевым. Он проанализировал в ряде публикаций русские “коллективные прозвища, выделяющие те или иные территориальные группы населения (признак территориальной общности носителей прозвища является для данной разновидности коллективных имен обязательным, но не обязательно единственным; он может сочетаться с факультативными признаками социальной и культурной однородности)”. Со времен И.П. Сахарова и В.И. Даля за этой разновидностью ономастической лексики закрепилось наименование “присловья” [35. С. 49].

Термин “микроэтноним” применительно к рассмотренному А.Ф. Журавлевым материалу по русским “присловьям” был предложен О.Н. Трубачевым в дискуссии по докладу А.Ф. Журавлева на совещании в Вологде в мае 1983 г. «О.Н. Трубачев счел “присловья” удачным (в силу непосредственной его наблюдаемости) аналогом “настоящих” этнонимов, позволяющим моделировать мотивы и обстоятельства возникновения последних и отражающим многие из тех принципов номинации, которые демонстрирует древняя экзогенная этнонимия. В сущности, считает О.Н. Трубачев, экзогенная этнонимия представляет собою прозвища, в том числе нередко... нелестные для их носителей (курсив в цитате наш. – М.В.) (в отличие от эндогенной этнонимии – самоназваний)» [35. С. 50].

В основу номинации этнографических и территориальных групп населения с помощью прозвищ-“микроэтнонимов”, регионально-групповых прозваний, согласно А.Ф. Журавлеву, в русском языке кладутся разнообразные признаки: они могут строиться с опорой на топонимию; отражать положение местности, в которой проживают носители прозвищ; характерные для нее природные условия; в “микроэтнонимах” могут рефлексироваться как реальные исторические события (миграционные процессы, факты местной истории, связь жителей с тем или иным этносом и т.д.), так и история “апокрифическая”, прежде всего события анекдотического свойства; развитые здесь или там промыслы и занятия; гастрономические пристрастия; типы одежды и обуви и манера их но-

шения; достаточно обычны в регионально-групповых прозвищах психологические мотивы и т.д. [35. С. 50–51].

«Особого внимания заслуживает стихийная “диалектология” – наблюдения, как правило, весьма тонкие и точные, над фонетическими, грамматическими и лексическими отличиями говора соседей от соотносительных характеристик своего диалекта... Пласт “микроэтнонимов”, мотивационно апеллирующих к тем или иным диалектным чертам, свойственным речи соседних субэтнических образований, *принадлежит к наиболее мощным в рассматриваемой ономастической лексике* (курсив наш. – М.В.)» [35. С. 51].

«Народные “наблюдения” над диалектными различиями, – писал А.Ф. Журавлев в другой работе, – кристаллизуются, в конечном счете, в прозвищах: “словарь” русских неофициальных микроэтнонимов изобилует “обзываниями”, намекающими на отличительные черты говоров» [36. С. 125]. Вот лишь несколько тому примеров.

«Во многих русских говорах известно фонетическое явление, называемое цоканьем; оно представляет собой неразличение звуков *ц* и *ч*. По этой черте жители Мещерской стороны, к северу от Оки, в бывшей Рязанской губернии, получили насмешливое название *цоки*, жители села Скрипино Владимирской области – *цырепушки*, а жители бывшего Себежского уезда Витебской губернии... – *цвикуны*. “Цокальщики” называют в некоторых местах также *цуканами*...» [36. С. 125]. “Жителей Вятки... дразнили *ошишоками* по особому произношению ими частицы *еще*. Жители города Сарапула называли вятчан *щёкалами*, так как те слово *что* произносят как *щё*. Та же особенность в произношении местоимения *что* отличает и воронежцев, за что им дали насмешливое прозвище *щекуны*” [36. С. 126]. «Южных великорусов, особенно калужан, дразнят *ажноками* – за частое употребление слова *ажно* – “аж, даже”» [36. С. 127] и т.д.

В связи с русскими коллективными “обзывательными” “микроэтнонимами”, опирающимися на диалектные различия и составляющими наиболее многочисленную группу “присловий”, регионально-групповых прозвищ отметим, что они вполне адекватно иллюстрируют принципы номинации, в праславянский период использованные при выработке экзогенного этнонима *немцы*. Как и рассмотренная группа “микроэтнонимов”, данный термин явным образом носит пейоративный (“обзывательный”) характер, указывает на “неполноценность” тех, к кому он прилагался. Кроме того, сами эти речевые “микроэтнонимы” “молчаливо” подразумевают, что дающие их соседям говорят правильно (> владеют истинной речью, т.е. являются людьми “полноценными”), что в принципиальном плане хорошо корреспондирует с дихотомической парой *словене/немцы*.

«Теория этногенеза, – отмечал О.Н. Трубачев, – настоятельно требует обращения к типологическому аспекту, причем более показательны отношения менее соседские, то есть более “чистые” и не затемненные “помехами” длительного общения. Смысл типологии этногенеза – выявить неуникальность славянской эволюции, поскольку всякая уникальность вправе вызывать сомнения» [16. С. 9].

Применительно к нашей проблеме укажем на следующие случаи, свидетельствующие о неисключительности самоназвания **slověne*. Это аутоэтноним албанцев *shqipëtar* (*shqiptaret*) ‘ясно говорящие’, который, впрочем, вероятнее всего, как раз отягощен “помехами” многовекового общения со славяноязычным населением. И если данный этноним возник под непосредственным влия-

нием самонаименования *словене*, то это является дополнительным аргументом в пользу трактовки его как “ясно, понятно говорящие”. Но безусловно “чистыми” являются следующие примеры.

Неоднократно обращалось внимание на то, что в Мексике фиксируется этноним *tojolabal* со значением ‘ясная речь, ясное слово’ [34. С. 17, прим. 13; 27. С. 31]. Можно указать на аналогичное по смыслу самоназвание, до сих пор слави́стами к рассмотрению анализируемой проблемы почти не привлекавшееся. Это самонаименование басков *эускалдунак* (*euskaldunak*) ‘люди, говорящие на языке *эскуала*’, ‘те, кто говорят на языке басков’ [37. Р. 9], т.е., по существу, ‘ясно, понятно говорящие’, ‘владеющие истинной речью’ (см.: [12. С. 221]).

Пока еще не востребовано при рассмотрении проблематики этногенеза славянства следующее суждение. Согласно мнению некоторых исследователей, самоназвание *манси*, которым те называют и хантов, считая их своими ближайшими родственниками, предполагает семантику ‘говорящий человек’ (ср. хантский диалектный глагол *тáйś* ‘рассказывать’, *тóнś* ‘сказка’ у некоторых групп хантов; ср. также название одного из родов современных ненцев *Сёхой*, возможно, происходит от ненецкого глагола *сёхось* ‘издавать горловые звуки, откашливаться’, но может быть связано и с существительным *сё* ‘песня’ [38. С. 39]). «Обские угры, – писала Р.А. Агеева, – рано отделились от уральской языковой общности. Их этническая консолидация происходила среди чуждых им этнических групп, и языки этих групп были для угров совсем чужими. Поэтому в качестве самоназвания они стали применять понятие “говорящий человек” – в отличие от своих “немых” и “глухих” соседей» [39. С. 207].

Что касается термина “немцы” как обозначения “они”, то не уникален и он (приводимый ниже материал в оборот славяноведения пока не вошел). К затемненным “помехами” длительного общения может быть отнесен следующий пример. Цыгане переняли у славян обычай иначе говорящих соседей обозначать как “немых”. Немецкие цыгане называют литовцев *lalero* (ср. цыган. *laldro* ‘немой’), норвежские цыгане называют финнов и саами *lall*, а немецких цыган – *laldres* [27. С. 81].

Однако бесспорно “чистыми”, по терминологии О.Н. Трубачева, являются следующие случаи. Согласно одной из вероятных гипотез, экзоэтноним эвенков *тунгуз* объясняется из якутского языка: от якутского корня *тонг-* (ср. *тонгу* ‘холод’, *тонг* ‘мерзлый’ и т.д.) и якут. *уос* ‘губы, рот’. В таком случае термином *тонг-оус* первоначально могли обозначать «человека с “мерзлой губой”», т.е. говорящего непонятно, не понимающего по-якутски [39. С. 397]. Бытующий в русском языке этноним *юкагиры* не является их самоназванием. По мнению некоторых исследователей, основа *юка* производится из тунгус. *юка* (искажение слова *дюкэ* ‘лед’); таким образом, *юкагиры* – это “ледяные” или “мерзлые” люди, т.е. говорящие на непонятном языке [39. С. 414].

Типологически (и не только) весьма существенны для рассматриваемой темы и материалы литовского языка. Слово *gudai* ‘гуды’ восходит в нем к названию племенного союза, во главе которого стояли германцы готы. Они (носители вельбарской археологической культуры) в конце II – конце IV в. соседствовали с предками современных литовцев [40. С. 158–160].

Литовская лексема имеет передвигающуюся шкалу значений, инвариантом которой можно считать ‘не обладающие нашей, истинной речью’. Конкретно это общее значение реализуется в зависимости от ситуации:

1. Нелитовцы-белорусы по отношению к литовцам в целом (славяне заняли те территории, населенниками которых ранее являлись члены готского племенного союза).

2. Аукштайты по отношению к жемайтям.

3. Внутри аукштайтов восточные соседи по отношению к обитающему западнее населению, например обитатели Купишек по отношению к жителям Паневежиса, ср.: «Они – “гуды”, когда говорят, иного слова даже понять нельзя», «Возле Гегужины “гуды”, они по-чужому (иначе) говорят»; *gūdas* ‘восточный аукштайт’ в жемайтийском говоре северо-восточных дунининков.

4. Дети, еще не научившиеся говорить, по отношению к тем, кто владеет речью, ср. чешск. *nemluvňatko, nemlumnè* ‘грудной младенец’ (ср. также приводимое ниже одно из значений русского диалектного производного от праслав. **něťka*).

Первые два употребления отражены в производных, например *gudūoti* ‘неправильно говорить по-литовски’, ‘говорить “по-гудски”, ‘говорить на чужом диалекте’ ([34. С. 18–19], см. также: [41. С. 81, 287–288]).

Принципиально важно для понимания процесса словенской этногонии постараться ответить на следующие вопросы: кого первоначально этнические словене называли немцами (праслав. **něťсь*)? применялся ли этот термин на самых ранних этапах их этнической истории ко всем “чужим” вообще или лишь к представителям какого-то определенного культурно-лингвистического мира?

Обширный материал, собранный в двадцать пятом выпуске “Этимологического словаря славянских языков”, позволяет, на наш взгляд, прийти к следующему заключению. В языках всех трех групп современного славянства производные от праславянской лексемы **něťсь* имеют два абсолютно доминирующих значения. С одной стороны, это ‘немой человек’, ‘человек, говорящий неясно, непонятно’ и т.д. (македонский, сербско-хорватский, словенский, старочешский, чешский, старословацкий, словацкий, древнерусский, русский, белорусский). С другой стороны, – ‘немец’, ‘человек, принадлежащий к немецкой национальности’ (церковнославянский, болгарский, сербско-хорватский, старочешский, чешский, старословацкий, словацкий, верхнелужицкий, нижнелужицкий, польский, русский, украинский, белорусский) [42. С. 103–104]. Во втором указанном значении термин немец был широко заимствован в неславянские языки, вплоть до арабского [43. С. 64, 87, прим. 33].

Такое же семантическое распределение характерно и для производных от праслав. **něťka*: ‘немая’ (словенский, польский, украинский, белорусский диалектн. также ‘немой человек’, ‘глухонемая’, русский со значениями ‘не говорящий по-русски’, диалектн. ‘немой человек’, ‘человек, говорящий не по-русски’, ‘невнятно, неясно говорящий человек’, ‘ребенок, еще не умеющий говорить’), ‘немка’ (чешский, словацкий, верхнелужицкий, польский, словинский, украинский, белорусский, русский со значениями ‘всякий иностранец с запада, европеец; в частности же германец’) [42. С. 102] и от праслав. **něťkuni*: ‘немая’ (сербско-хорватский, русский диалектн., украинский, белорусский диалектн.), ‘немка’ (болгарский, сербско-хорватский, старочешский, словацкий, польский, русский диалектн., украинский) [42. С. 102–103].

Первое из значений праслав. **něťсь* непротиворечиво объясняет то, что термины *словене* и *немцы* структурно разнятся; а именно это, наряду с иными соображениями, вызвало отрицание Г. Шраммом этимологии лексемы *slověne*

как 'внятно говорящие'. Если данный этноним является *сравнительно поздним праславянским новообразованием*, то в случае с лексемой *немцы* мы имеем дело с иной ситуацией, с вполне очевидным семантическим развитием архаичного праславянского термина: 'немой, говорящий непонятно, невнятно' > 'немец, германец, человек, принадлежащий к немецкой национальности'. (В славянской этнической ономастике этнонимы с финалом *-ци/-цы* не редки, ср., например, *тиверьци/тѣверци*, *дунайци* (дунайские славяне), *половци*, *греци*, *веньдици* (венецианцы), к ним примыкают лексемы *бѣлозерци*, *выгошевици* (жители Выгошева), *вышегородьци* (жители Вышгорода) и т.д. ("Повесть временных лет"); *белоруцы* (в источниках по крайней мере с первой половины XVII в.) (подробнее см.: [44. С. 21–24]); *испанцы*, *итальянцы*, *норвежцы*, *австралийцы* и т.д.) Таким образом, в случае с праслав. **netьь* и др. славофоны использовали уже имевшийся языковой ресурс, произошло лишь весьма тривиальное и прозрачное развитие семантики термина – при сохранении его исходного значения вплоть до современности.

Мы не видим никаких весомых оснований полагать, что на этапе завершения этногенеза и начала этнической истории словен ситуация была качественно иной. И позднее *немцами* насельники Славии никогда (насколько позволяют судить источники) не называли своих балто-, финно-угро-, тюрко-, ирано-, грекоязычных соседей, почти никогда – романоязычных. *Немец – это, как правило, не иностранец, не "чужой" вообще, это человек, принадлежащий к германоязычному миру.*

Исходя из того, что этнонимическая пара *словене – немцы* принадлежит к элементарным парным противопоставлениям, в пределах которых один этноним необъясним вне его соотношения с другим (см. приведенные выше суждения Вяч.Вс. Иванова и В.Н. Топорова, ср. также указанное мнение М.В. Крюкова), того, что эта пара являлась результатом лингво-культурной рефлексии собственно славяноязычной среды (равно как германоязычная среда использовала в качестве обобщающего наименования для представителей славянского культурно-лингвистического мира термин *венеды*), а также того, как то вытекает из лексического материала, что под *немцами* славофоны подразумевали германцев, можно полагать следующее. *На завершающем этапе этногенеза словен одним из важнейших факторов сложения их метаэтнической общности, этнической самоидентификации являлось взаимодействие с какой-то частью германского лингво-культурного мира и противопоставление ей.* (Кто были эти германцы – можно только умозрительно предполагать.)

В пользу такой трактовки говорят и некоторые общетеоретические соображения. Согласно Ю.М. Лесману, причина этногенеза – устойчивая актуальность для членов общности осознания своего единства и отличия от окружающих. Актуальность эта может диктоваться как внутренними, так и внешними факторами. Возможны несколько типичных ситуаций, когда необходимо укрепление единства общности путем осознания этого единства. Одна из них – "внешняя по отношению к общности экспансия (завоевание или его опасность, миграции, проходящие через территорию общности, дискриминация членов общности), когда объединение и взаимопомощь больших групп людей позволяет сохранить как уровень жизни, так и самоё жизнь малых коллективов (реально связанных в хозяйственной и иных сферах) и отдельных людей" [31. С. 99]. Вероятно, таковой либо сходной и была ситуация на завершающем этапе этногонии словен в их взаимоотношениях с частью "немцев"-германцев.

Называли ли анты германцев немцами? Не исключено. Однако их этническое самосознание оформилось в иных условиях, чем словенское, и для него оппозиция с германцами, видимо, не имела столь существенной роли, как для сложения этнической самоидентификации словен.

В современной отечественной историографии имеется точка зрения, согласно которой решающую роль в окончательном оформлении славянского (сохраняем оригинальную терминологию) самосознания сыграл выход славян к Дунаю и их столкновение с Византийской империей на этом рубеже. Наиболее последовательно она была сформулирована В.Я. Петрухиным: содержащееся в “Повести временных лет” предание о дунайской “прародине” славян “отражает продвижение праславян к дунайской границе Византии в VI в. и формирование общеславянского этнического самосознания в процессе столкновения с иной культурой (византийской цивилизацией)” ([45. С. 146], см. также: [46. С. 15; 47. С. 162–163, 329–330]).

Опорой для подобного суждения исследователя послужили работы представителей той научной школы в области изучения этногенеза и ранней этнической истории славянства, которую условно можно назвать ленинградской/санкт-петербургской. (В самом общем виде развивавшаяся ими гипотеза может быть представлена следующим образом. В лесной зоне Восточной Европы к началу I тыс. н.э. существовал балто-(пра-, прото)славянский культурно-лингвистический массив. В результате внешних потрясений от него отрываются предки славян, праславяне. Как следствие их движения на юг и на запад происходит окончательное сложение славян в качестве самостоятельной отдельной этнической и лингвистической общности.)

Согласно В.Я. Петрухину, «в недавно вышедшем междисциплинарном сборнике исследований по этногенезу славян (речь идет о книге “Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник” (Л., 1989). – М.В.) археологи (М.Б. Шукин, Г.С. Лебедев, Д.А. Мачинский, Ю.М. Лесман) придают особое значение противостоянию славян и Византии на Дунае для формирования культуры Прага – Корчак в пограничье балто-славянского мира: славяне выделились из балто-славянской общности, столкнувшись с Византией, выйдя “из лесов и болот” на “исторические рубежи»» [46. С. 13]. Но в публикациях М.Б. Шукина [48] и Ю.М. Лесмана [49] в указанном сборнике подобного не содержится, а Г.С. Лебедев лишь очень кратко упомянул о “дунайском эпизоде” со ссылкой на статью Д.А. Мачинского 1981 г. [29. С. 112].

Что касается точки зрения Д.А. Мачинского, то и она не являлась столь радикальной и категоричной, как то представляется ученому. В упомянутой публикации 1981 г. Д.А. Мачинский писал: “...именно в Прикарпатье и Подунавье с середины V по середину VII в., в условиях некоторой обособленности и удаленности от родственного и довольно аморфного балто-славянского массива на северо-востоке, в условиях консолидации праславянских племен в борьбе с сильными иноязычными и инокультурными противниками, и происходит окончательное оформление наиболее активных юго-западных групп праславян в самосознающее свое единство историческое славянство...” [50. С. 116]. «В конце V в. славяноязычные “словене” и “анты” большими массами стали переселяться с севера на левобережье Дуная, где наиболее активные их группы, объединенные в союзы племен, при контакте и конкуренции с наиболее сильными соседями впервые отчетливо осознали себя как самостоятельные этнические

единства; воспоминание о выходе на Дунай и о пребывании на нем – древнейшее отчетливое “историческое воспоминание” славянства» [50. С. 168].

В статье в сборнике 1989 г. исследователь сформулировал эту мысль следующим образом: «Разгром готов гуннами и последующая “эпоха великого переселения” создают широкие возможности для продвижения на юг и на запад, завершающегося в конце V – первой трети VI в. их массовым расселением в Восточном Прикарпатье и по левобережью нижнего Дуная, где славяне в тесном взаимодействии с разными этносами и этносоциумами вступают в период кристаллизации своего самосознания. Только в это время можно говорить о сложении в Подунавье и Прикарпатье ядра исторического славянства, чье самосознание совпадает с этнонимом, которым его обозначают южные соседи (Византия)...» [32. С. 121–122]; именно на “дунайском этапе” своей истории славяне приобретают отчетливое этническое самосознание [32. С. 129].

Против точки зрения В.Я. Петрухина, помимо приведенных историко-научных оснований, могут быть выдвинуты следующие соображения.

Формирование пражско-корчакской археологической культуры, которая, с нашей точки зрения, для рассматриваемого времени только одна может быть надежно увязана с метаэтнической общностью, имевшей самоназвание **slověne*, ныне относится археологами к V ст., т.е. ко времени более раннему, чем фиксируемое в письменных памятниках массовое появление *этнических словен* (склавинов) на дунайском порубежье Византии. Причем и ядро данной культуры сформировалось в регионе, достаточно далеко отстоящем от Дуная к северу (по мнению В.В. Седова, областью становления пражско-корчакской культуры являлся Севернокарпатский регион от верхнего течения Одера на западе до Верхнего Поднестровья на востоке (см.: [17; 18; 6]), в целом там же локализует “эмбрион” данной культуры В.Д. Баран (см.: [30; 51; 7])).

Как явствует из сочинений раннесредневековых авторов (Прокорпий Кесарийский, Иордан), к VI в., надежно письменному зафиксированному времени выхода к дунайскому лимесу Византийской империи, носители пражско-корчакской культуры уже определяли себя как **slověne*, так как именно под этим аутоэтнонимом они стали известны греко- и латиноязычным писателям.

Следовательно, оформление словенской метаэтнической общности, внешним маркером существования которой выступал соответствующий этноним, словенской этнической самоидентификации произошло ранее указанного времени, вне и помимо прямых массовых контактов и конфронтации с Империей ромеев.

Наконец, как о том подробно говорилось выше, оформление этнической самоидентификации общности с аутоэтнонимом **slověne* неотрывно связано с взаимодействием ее представителей с *немцами*, в которых с максимальной вероятностью целесообразно видеть германцев. Греков же, населявших европейскую часть Византии в V–VI вв., славофоны, насколько мы знаем, немцами никогда не именовали.

«Как известно, – писал Г.Г. Литаврин, – византийцы последовательно (по крайней мере вплоть до XIII в.) называли себя “ромеями” (т.е. римлянами), а империю – “Романией” (т.е. Римской державой), вкладывая в эти понятия глубокий идейно-политический и конфессиональный смысл...» [52. С. 81]. «Малейшие попытки в праве византийцев называться “ромеями” вели к дипломатическим и серьезным политическим осложнениям в отношениях с папством, с Каролингской (затем с Германской) империей. Государственные и политиче-

ские деятели запада упорно именовали императора Константинополя императором “греков”, его империю – “греческой”, подданных – “греками”, подчеркивая тем самым отсутствие прав у “василевса греков” на римское наследство и римский престиж... Мало того, в латиноязычной литературе непрерывно почти со II в. до н.э. вплоть до... VI–X вв... термину “греки” и “Греция” (наряду с нейтрально этническим и географическим смыслом) часто придавался пейоративный, уничижительный оттенок... Примечательно ... то, что это обозначение византийцев восприняли от римлян и от романизированных жителей римских провинций и “варварские” народы, в том числе славяне. “Варвары” усвоили при этом не только узкоэтнический смысл, но и созданный римлянами отрицательный стереотип греков. Тесное последующее общение славян с “империей ромеев” (т.е. римлян) не привело к восприятию ими излюбленного византийцами самоназвания... Термин “греки” с пейоративным оттенком зафиксирован и в ранних древнерусских письменных памятниках (“Повесть временных лет”. – М.В.)... Весьма важно, что в древнейших письменных памятниках, созданных ближайшими учениками первоучителей славянства, – в житиях Константина (Кирилла) и Мефодия и в “Сказании” Черноризца Храбра “О письменах” жители империи последовательно обозначаются как “греки”» ([52. С. 82], см. также: [53. С. 594 и след.]).

Таким образом, есть веские основания полагать, что не непосредственные контакты с византийской цивилизацией и конфронтация с Империей ромеев на Дунае стали главной причиной формирования словенского метаэтнического самосознания (> суперэтнуса **slověne*), возникшего до первого упоминания *словен* в письменных источниках (применительно к событиям около 612 г.). Совсем иной вопрос – то, что словенская этническая самоидентификация, не исключено, в ходе такого взаимодействия могла укрепиться, хотя ни прямых, ни косвенных подтверждений тому в нашем распоряжении не имеется.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т. II: (VII–IX вв.).
2. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1991. Т. I: (I–VI вв.).
3. *Анфертьев А.Н.* Прологомены к изучению этнической истории // Этнос и этнические процессы. Памяти Р.Ф. Итса. Сб. статей. М., 1993.
4. *Яблонская Л.Т.* Скифы, сарматы и другие в контексте достижений отечественной археологии XX века // Российская археология. 2001. № 1.
5. *Шахматов А.А.* Введение в курс истории русского языка. Пг., 1916. Ч. I: Исторический процесс образования русских племен и наречий.
6. *Седов В.В.* Славяне: Историко-археологическое исследование. М., 2002.
7. *Баран В.Д.* Давні слов’яни. Кипв, 1998. (= Украпна кризь віки. Т. 3).
8. *Васильев М.А.* Следует ли начинать этническую историю славян с 512 года? // Славяноведение. 1992. № 2; *Васильев М.А.* Славяне и анты: к проблемам этногенетических и раннеэтноисторических процессов в славяноязычном мире // Славяноведение. 1993. № 2; *Васильев М.А.* Этногенетические и раннеэтноисторические процессы в славяноязычном мире в позднеримское и раннесредневековое время: анты и словене // Славяно-германские исследования. М., 2000. Т. 1/2.
9. *Васильев М.А.* Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999.
10. *Арутюнов С.А.* Рец. на: М.А. Васильев. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. М., 1999 // Этнографическое обозрение. 2000. № 5.
11. *Иванов С.* Антский шкаф с тумбочкой // Еженедельный журнал. 2002. № 21.

12. *Назин С.В.* Славяне и Рим. К вопросу о дунайской прародине славян // Сборник русского исторического общества. М., 2002. Т. 5 (153).
13. *Горский А.А.* Этнический состав и формирование этнического самосознания древнерусской знати // Элита и этнос средневековья. М., 1995.
14. *Петров Н.И.* О “племенах” в “Повести временных лет” (этническая группа и термин письменного источника) // Элита и этнос средневековья. М., 1995.
15. *Расторгуева В.С., Эдельман Д.И.* Этимологический словарь иранских языков. М., 2000. Т. 1: а-â.
16. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистические исследования. М., 1991.
17. *Седов В.В.* Славяне в древности. М., 1994.
18. *Седов В.В.* Славяне в раннем средневековье. М., 1995.
19. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1981. Вып. 8.
20. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. М., 1973. Т. IV.
21. *Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970. (= Материалы и исследования по археологии СССР. № 163).
22. *Трубачев О.Н.* Ранние славянские этнонимы – свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.
23. *Трубачев О.Н.* Indoīpanica в Северном Причерноморье. М., 1999.
24. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1979. Вып. 5.
25. *Константин Багрянородный.* Об управлении империей/Текст, перевод, комментарий. М., 1989.
26. *Шрам Г.* Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках. М., 1997.
27. *Агеева Р.А.* Страны и народы: происхождение названий. М., 1990.
28. *Горский А.А.* Славянское расселение и эволюция общественного строя славян // Буланова В.П., Горский А.А., Ермолаева И.Е. Великое переселение народов. Этнополитические и социальные аспекты. М., 1999.
29. *Лебедев Г.С.* Археолого-лингвистическая гипотеза славянского этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. Л., 1989.
30. Славяне Юго-Восточной Европы в предгосударственный период. Киев, 1990.
31. *Лесман Ю.М.* К теории этногенеза: этногенез древнерусской народности // Скифы. Сарматы. Славяне. Русь. Сборник археологических статей в честь 56-летия Дмитрия Алексеевича Мачинского. СПб., 1993 (= Петербургский археологический вестник. № 6).
32. *Мачинский Д.А.* Территория “Славянской прародины” в системе географического и историко-культурного членения Евразии в VIII в. до н.э – XI в. н.э. (контуры концепции) // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. Л., 1989.
33. *Крюков М.В.* Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. М., 1976. Вып. 6.
34. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* О древнерусских этнонимах (Основные проблемы и перспективы) // Славянские древности (Этногенез. Материальная культура Древней Руси). Сб. научных трудов. Киев, 1980.
35. *Журавлев А.Ф.* Русская “микроэтнонимия” и этническое самосознание // Этническое и языковое самосознание. Материалы конференции (Москва, 13–15 декабря 1995 г.). М., 1995.
36. *Журавлев А.Ф.* Областные прозвища // Русская речь. 1984. № 5.
37. *Collins R.* The Basgues. New York, 1987.
38. *Кващин Ю.Н.* Тазовские ненцы (этнографическая характеристика) // Этнографическое обозрение. 2003. № 3.
39. *Агеева Р.А.* Какого мы роду-племени? Народы России: имена и судьбы. Словарь-справочник. М., 2000.
40. *Седов В.В.* Миграция готов в Причерноморье (Археологический комментарий к труду Иордана “Гетика”) // ΓΕΝΝΑΔΙΟΣ. К 70-летию академика Г.Г. Литаврина. М., 1999.
41. *Мыльников А.С.* Картина славянского мира: взгляд из Восточной Европы. Представление об этнической номинации и этничности XVI – начала XVIII века. М., 1999.

42. Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1999. Вып. 25.
43. Мишин Д.Е. *Сакалиба* (славяне) в исламском мире в раннее средневековье. М., 2002.
44. Флоря Б.Н. О некоторых особенностях этнического самосознания восточных славян в эпоху Средневековья – раннего Нового времени // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
45. Петрухин В.Я. Дунай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
46. Петрухин В.Я. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск; М., 1995.
47. Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки истории народов России в древности и средние века. М., 1998.
48. Шукин М.Б. Семь миров древней Европы и проблема этногенеза славян // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. Л., 1989.
49. Лесман Ю.М. К постановке методических вопросов реконструкции этногенетических процессов // Славяне. Этногенез и этническая история (Междисциплинарные исследования). Межвузовский сборник. Л., 1989.
50. Мачинский Д.А. “Дунай” русского фольклора на фоне восточнославянской истории и мифологии // Русский Север. Проблемы этнографии и фольклора. Л., 1981.
51. Баран В.Д. Венеди, склавіни та анти у світлі археологічних джерел // Труды VI Международного конгресса славянской археологии. М., 1997. Т. 1: Проблемы славянской археологии.
52. Литаврин Г.Г. К вопросу о культурном облике славян по данным византийских авторов VI–X вв. // Славянские культуры и мировой культурный процесс: Материалы Международной научной конференции ЮНЕСКО. Минск, 1985.
53. Литаврин Г.Г. Византийцы и славяне – взаимные представления // Литаврин Г.Г. Византийцы и славяне (сборник статей). СПб., 1999.

© 2005 г. А. А. ТУРИЛОВ

“НЕ ГДЕ КНЯЗЬ ЖИВЕТ, НО ВНЕ” (БОЛГАРСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦА IX ВЕКА В “СКАЗАНИИ О ЖЕЛЕЗНОМ КРЕСТЕ”)

Светлой памяти Б.Ст. Ангелова

Открытие и публикация Б.Ст. Ангеловым¹ “Сказания о чудесах святого великого и славного мученика Христова Георгия” [1] (“Сказание инок Христо-дула”), включающего цикл болгарских сюжетов, связанных с именем рассказчика – инок Георгия Болгарина (“Сказание о железном кресте”² (далее – СЖК), дало в руки исследователям уникальный источник по истории внутренней жизни Болгарии середины 890-х годов, времени прихода князя Симеона к власти и болгаро-венгерских войн. К сожалению, из-за исходно неверной оценки памятника как компиляции, складывавшейся в течение продолжительного времени, и из-за повышенного интереса к фактам политической истории этот неброский на первый взгляд материал так и не был, в сущности, оценен по достоинству. Между тем, сам уровень среза общественной жизни, представленный в болгарских сюжетах Сказания, не имеет аналогий в достаточно скудной в целом источниковой базе по данной проблеме.

Лейтмотивом здесь вполне могут служить слова рассказчика Георгия в пространной редакции “Чуда о кресте и болгарине”, содержащие ответ на вопрос слушателя – архимандрита Петра: “Аз, отче, сана не имел никоегоже, ни есмь жил, где князь живет, но вне, (и в) людех своим конем воевах”³. Это видно даже по текстам давно известных исследователям повестей цикла – “Чуда о

Турилов Анатолий Аркадьевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

¹ Впервые памятник был открыт в двух списках П.М. Строевым при описании рукописного собрания И.Н. Царского в 1848 г. и специально отмечен им как болгарский (“Соч. Болгарин”) [2. С. 768. № 717; С. 781. № 728], однако сам исследователь по неизвестной причине в дальнейшем не стал им заниматься. Не обратил на него внимания и архим. Леонид (Кавелин), без изменений (даже с сохранением внутренних отсылок) включивший сведения Строева в свой каталог собрания А.С. Уварова, куда целиком вошла коллекция Царского [3. Ч. 4. С. 45]. В результате Сказание (в полном объеме, а не в виде отдельных повестей-“чудес”) на 120 лет оказалось забыто в палеоболгаристике.

² Уместно напомнить, что Б.Ст. Ангелов при публикации дал название “Сказание о железном кресте” всему циклу. О разграничении этих понятий и авторстве памятника см.: [4. С. 81–93; 5. 420–424].

³ Эпизод опущен во всех полных или относительно полных списках цикла (о них см.: [4. С. 84]), кроме РГБ, Унд. 571 (по которому он здесь и приводится), но известен в ранних (XIV в.) отдельных списках “Чуда” пространной редакции (см.: [6. С. 20; 7. С. 226]).

кресте и болгарине” и следующего непосредственно за ним “Чуда о жене”, но особенно ясно стало с открытием и публикацией полного текста памятника, где в этом отношении весьма информативны также рассказы-“чудеса” “О бесном отроке”, “О пастусе (юноше, отроке), его змия уяде” и “О Клименте”. Действие болгарских чудес протекает географически возможно и недалеко от столиц⁴, но столица (да и вообще город) как активная среда в них по сути не фигурирует. Дистанция между болгарскими героями чудес и их правителями столь огромна, что до Бога и святых безусловно ближе. Достаточно напомнить, что Климент, лишившийся в сражении на время зрения и лишь различающий голоса, слышит слова Христа, по молитве посылающего ему на помощь великомученика Георгия, и полагает, что это “некто от бояр” (даже не князь)⁵. Эта отстраненность героев болгарских “чудес” цикла от мира власть имущих подчеркнута их судьбой и поступками. И Георгий и Климент выступают даже не свидетелями, а живым воплощением заступничества великомученика Георгия (и через него Христа) за болгар и Болгарию в войне с язычниками: первый становится обладателем чудотворного креста, скованного из железных обручей, обретенных воином на ноге своего коня, чудесно исцеленного святым [1. С. 85–86], второй в день злосчастной для своих соплеменников битвы слышит утешительное предсказание о грядущих победах и славе князя Симеона⁶.

Патриотический момент здесь несомненно присутствует, но столь же явно оба персонажа чудес с жаром неопитов осознают себя прежде всего христианами, не ищущими благ и наград от земного владыки. Ни Георгий, ни Климент не стремятся доставить чудесный крест и бесценное для князя пророчество ни светским, ни церковным властям. Вести не идут дальше сельского или приходского священника. Климент поведал о пророчестве лишь духовнику на смертном одре [1. С. 91–92], Георгий рассказал историю креста священнику, чтобы убедить его воспользоваться чудодейственной силой реликвии для исцеления бесноватого [1. С. 87]; приняв вскоре монашество, он унес святыню за пределы страны – сначала под Несебр, а затем в монастырь близ Никеи.

Разумеется, при анализе этих известий ни в коем случае не следует упускать из вида сложную историю текста СЖК, дважды переведенного и прошедшего через посредство трех рассказчиков, двое из которых не были болгарскими. Первым переводчиком (со славянского либо (что менее вероятно) протоболгарского на греческий) был сам повествователь – инок Григорий Болгарин, поведавший по-гречески о чудесах от креста архимандриту Петру в монастыре под Никеей, вторым – безымянный болгарский книжник, переведший уже записанный греческий текст на славянский в начале X в. (либо позднее, уже в царствование Петра, но первый вариант представляется мне более предпочтительным [4. С. 94; 5. С. 420]). Рассказ Георгия вскоре после его смерти в устной же форме по-гречески был передан архимандритом Петром общему автору цикла иноку Христудулу, а тот, в свою очередь, записал его вместе с другими чудесами великомученика Георгия, услышанными во время паломничества [4. С. 83–84]. Не-

⁴ Речь может идти в равной степени и о Плиске, и о Преславе.

⁵ «И в той час яко некоторый властелин яром гласом, яко к меньшему или к рабу, рече: “Пойми человека сего и настави на путь”. Глас слышах, а не вижю, кто есть... Ведом же, помышлях, яко некто от наших бояр пристави слугу ко мне» [1. С. 92].

⁶ “Слыши же, Клименте, по сем уже удолеет Семион князь врагам своим силою Христовою, и попрет я подножие ногама своима, и тако его Бог прославит, яко никогоже в роде Болгарсте” [4. С. 96. Примеч. 1].

трудно заметить, что на всех этапах пересказа и перевода (за исключением последнего) возникает опасность исчезновения (“вымывания”) элементов национального своеобразия в быту и повседневной жизни. На первом (рассказ Георгия) – это продиктовано необходимостью сделать бытовые детали доступными для понимания иноязычного слушателя, на втором и третьем (промежуточный рассказ Петра, кодификация повествования Христодулом) – в игру вступают инациональные (греческие) стереотипы, еще в большей степени адаптирующие особенности национального колорита исходного устного текста. Правда, обратный перевод с греческого, выполненный, вероятно, вскоре после возникновения письменного текста, мог сопровождаться частичной “реставрацией” исходного, но вероятность этого все же меньше, чем предшествующие невольные искажения. Остается лишь радоваться, что бытование древнеболгарского текста начала X в. в позднейшей (полные списки цикла не ранее середины XVI в. [4. С. 84]), почти исключительно восточнославянской рукописной традиции не привело к сколь-либо заметным искажениям в рассматриваемой здесь области (в отличие, например, от столь хрупкого сюжета как географическая номенклатура [8. С. 41–52] и отчасти даже ономастика [5. С. 420–424]). Однако даже при всех этих оговорках для исследования заглавной темы памятник остается в полной мере уникальным⁷.

В настоящее время можно лишь удивляться тому, с каким завидным упорством столь тонкий и чуткий исследователь как В.Н. Златарский мог отстаивать мнение, что в “Чуде о кресте и болгарине” рассказчик (инок Георгий Болгарин) был до пострига “внешним боярином” [9. С. 305–309], а не простым свободным воином-ополченцем (как справедливо полагал до него Х.М. Лопарев [6. С. 1], а позже И. Снегаров [7. С. 222]). Этому противоречит весь текст даже в объеме названного “Чуда”, за исключением, пожалуй, свидетельств о материальном достатке героя, который мог не только приобрести себе запасного коня, отправляясь в поход⁸, но и заколоть для раздачи нищим по обету лучшего вола и по десятку овец и свиней⁹. Все другие аргументы, приводившиеся В.Н. Златарским¹⁰ в поддержку его гипотезы, либо носят мнимый характер, либо в реальности работают против такого утверждения. К первым относится свидетельство о том, что Георгия крестил епископ (“...молитвами святого мученика Георгия – твоим именам призвал мя епископ, твой есмь раб...” [6. С. 22; 9. С. 308]). Это ин-

⁷ Необходимо заметить также (хотя отчасти это противоречит сказанному выше), что известной гарантией сохранности текста применительно именно к бытовым эпизодам служила достаточная близость обиходной сельской жизни балканских народов, обусловленная сходством природных условий и системы хозяйствования (во всяком случае в области скотоводства, о котором только и идет речь в СЖК). Например, в чуде о пастухе, укушенном змеею [1. С. 89–90], невозможно без насилия над источником определить национальную принадлежность главного персонажа, пашего овец (в том числе общинных) неподалеку от Месемврии-Несебра, в горах, “иже на межи от Болгар” [5. С. 92; 8. С. 44–46]. Здесь упоминается также денежная цена ягненка-“овнеца” (“продах бо овнец вчера на трех серебраницех” [1. С. 90]).

⁸ “Яко же ми заповеда святыи, купих ин конь, двема бо конема воевах” [1. С. 86]. Но при этом событие явно рассматривается как экстраординарное, вызванное предсказанием св. Георгия о скорой смерти старого коня. Ясно, что если бы Георгий Болгарин был боярином, покупать запасного коня ему не было бы нужды – достаточно было взять его из конюшни.

⁹ “И заколох вол, иже бяше дорожий, и от овец и свиний по десятеру, и раздаях нищим” [1. С. 86].

¹⁰ Отчасти, несомненно, вывод В.Н. Златарского был спровоцирован тем обстоятельством, что в списке, изданном Х.М. Лопаревым [6. С. 20], писцом были опущены слова “воевах своим конем”.

дивидуальное чтение позднего (XVII в.) списка сокращенной редакции повести в настоящее время поддерживается только списком полного текста цикла – Унд. – одним из самых ранних, но отличающимся обилием ошибок и индивидуальных чтений¹¹. Остальные списки дают несомненно более древнее (с точки зрения грамматики) и исправное чтение: “прозвал мя есть поп”¹². Эта исходная форма без труда объясняет появление ошибки, поскольку “есть поп” написанное с выносным *c*, легко может быть прочитано как “еп(с)п” (поэтому не следует предполагать генетической связи между списками с ошибочным чтением, в обоих случаях они вполне могли возникнуть независимо друг от друга).

О том, что Георгий был именно рядовым воином в рамках повести-“чуда” наглядно свидетельствует поведение его спутников – “дружины” в эпизодах бегства с поля боя и во время второго похода против венгров. Когда конь Георгия ослабел (а затем и сломал ногу), уходившие от преследования вместе с ним бросили его на произвол судьбы¹³, что весьма маловероятно в отношении боярина – командира отряда. Во втором походе против венгров спутники Георгия выражали недовольство по поводу того, что он хотел задержаться и ободрать ногу павшего коня¹⁴. Такое, разумеется, возможно лишь между людьми равного социального положения¹⁵. Окончательно убеждает в небоярском происхождении Георгия его обращение к кузнецу в “Чуде о жене”: “Скуй ми, *брате* (курсив мой. – А.Т.), крест”¹⁶. Об этом на первый взгляд свидетельствует и набор оружия героя – лук (“рожанец”) со стрелами [1. С. 85] и топор [1. С. 86] при отсутствии упоминания меча. Нельзя, однако, исключить вероятности того, что упомянуть меч просто не случилось повода, поскольку использование других элементов вооружения прямо обусловлено сюжетом. Лишившись коня, Георгий собирался отстреливаться от венгров (“и напряг рожанец, и стрелы в руку дръжа, побегох от коня к долу”), с помощью же топора (инструмента в данном смысле несомненно более функционального, чем меч) герой и его спутники раздробили конскую кость, чтобы снять чудесно явившиеся на ней железные обручи (“и обрезавше кость ту, и на камени положивше, и топоры избивше на дробно, ти тако возмогохом одва отъяти железа”). Поэтому оружейный сюжет лишен силы аргумента.

¹¹ О списках цикла и отдельных повестей подробнее см.: [4. С. 84, 97]; специально об особенностях списка Унд. см.: [4. С. 84, 85, 91, 97, 98; 5. С. 421–422; 8. С. 45, 47].

¹² См.: [1. С. 85; 6. С. 20; 7. С. 226]. Аналогичная картина без исключения наблюдается и в других списках полного цикла и отдельного “Чуда о кресте и болгарине”.

¹³ “И в той год пропадеса нога коню в землю, предняя с десныя страны, и преломися. И отбегоша от мене дружина” [1. С. 85]; ср.: [6. С. 20, 22–23; 7. С. 226].

¹⁴ “И начаша дружина тоснутися, и не дати ми одрати” [1. С. 87]; “И начаша тшатися дружина и не дати мне одрати ноги” [6. С. 21]; “Начеше дружина тшатися и не дати ми одрати” [7. С. 227]. Показательно во всех случаях (см. и предыдущее примечание) молчание текста о военных слугах Георгия.

¹⁵ О том, какая дистанция существовала между боярами и рядовыми дружинниками наглядно свидетельствует уже упоминавшийся выше эпизод “Чуда о Клименте”, когда его герой, услышав во время битвы глас Божий, обращенный к великомученику Георгию, принимает его за приказ боярина своему слуге [1. С. 92].

¹⁶ Обращение опущено в опубликованном списке цикла [1. С. 86], но присутствует в Музейском и Новосибирском, отличающихся (в тех случаях, когда их текст не сокращен путем исключения отдельных повестей-чудес) большей полнотой и исправностью текста [10. С. 220–222], и в совпадающем с ними в данном случае списке Ундольского. То же чтение содержит и сокращенная редакция “Чуда о кресте и болгарине” [6. С. 24].

Сведения других повестей цикла, которые до открытия полного текста Б.Ст. Ангеловым оставались неизвестны исследователям, не содержат никаких сведений в поддержку мнения В.Н. Златарского. Георгий предстает на страницах цикла весьма зажиточным сельским хозяином (может быть, самым богатым в своей “веси”, но не более). Решив вместе с женой постричься в монахи, они “разделихове имение и работня своя свободихове до 15 душ человеческих, давшие им потребу, о чем пребывати” [1. С. 88]. Но достаточно зажиточны и их соседи: получивший исцеление от креста бесноватый юноша (“Чудо 6, о бесном отроке”), своим пострижением подавший пример семье Георгия, “еже име в работе, свободи до 4 душ” (судя по тому, что он “пол имения взем” для раздачи нищим [1. С. 88], освобожденные им рабы тоже составляли скорее всего половину семейного имущества). Поскольку рабы упоминаются в тексте лишь попутно, в связи с принятием их хозяевами монашества, о их происхождении, разумеется, ничего не сообщается. Можно лишь предполагать (судя по их числу), что речь идет скорее о военнопленных, чем о должниках. На фоне этих упоминаний о рабах показательное молчание о домашних слугах (хотя возможностей упомянуть их текст предоставляет достаточно).

Разумеется, нельзя однозначно и бесспорно установить национальную принадлежность (славянин или протоболгарин) рассказчика Георгия, но совокупность деталей повествования свидетельствует скорее в пользу второго (то же, правда с еще большей степенью гипотетичности можно предположить о герое “чуда 9” – Клименте, выступающем по сути двойником повествователя). Георгий и его односельчане во время военных действий служат в кавалерии, основу его состояния явно составляет скот – достаточно вспомнить, что он раздавал нищим, отправляясь на войну (“закодох вол, иже бяше дорожий, и от овец и свиний по десятеру” [1. С. 86]); скорее всего, в скоте состояла и “потреба, о чем пребывати”, данная рабам при их освобождении [1. С. 88]. Однако герои ведут уже вполне оседлый образ жизни, что вовсе не удивительно, учитывая историческое время повествования. Селение, где живет Георгий, по крайней мере дважды называется по-славянски “весью”¹⁷, а жилище нейтрально “домом”¹⁸, в котором имеется горница, называемая в разных редакциях текста “клетью” (полные списки цикла [1. С. 85]), “хлевиной” (пространная редакция “Чуда о болгарине” [6. С. 21; 7. С. 226]), или “храминой” (сокращенная редакция той же повести [6. С. 231]). Очевидно, древнейшим из этих вариантов следует признать второй, и это объясняется не только большей древностью дошедших списков. Хотя в принципе слова “клеть” и “хлевина” являются синонимами и обладают одинаковой древностью [11. Т. 1. Стб. 1227–1228; Т. 3. Стб. 1374–1375], однако второе со временем, под влиянием одного из своих значений (хлев, загон для скота [11. Т. 3. Стб. 1375]), приобрело уничижительный оттенок и перестало употребляться по отношению к человеческому жи-

¹⁷ “В том часе бых у веси моя” [1. С. 85]; “В третий день в веси той впаде в человека дух нечистый” [1. С. 87].

¹⁸ “И егда приидох в дом свой, отче, видех жену свою болящи” [1. С. 86]. Домом называет свое жилище и болгарин Климент, обитавший в Мыдре Дрысторской (или близ нее), отождествляемой с высокой степенью вероятности с дворцово-крепостным комплексом на дунайском острове Плоска (Пъкуюл луй Соаре Румыния) [8. С. 47–52]: “И въведе меня в дом, его же отселе не нареку своего... Да будет дом мой христове братии”; “И дошед в дом свой; иже ми бог подал” [1. С. 93, 94].

лицу. Вероятно, оба других варианта представляют независимую друг от друга лексическую правку позднейших восточнославянских переписчиков.

Отдельный сюжет составляет, безусловно, тема распространения христианства в еще недавно (немногим более 30 лет назад) языческом обществе. Картина выглядит несколько анахроничной, что несомненно объясняется в немалой степени особенностями социального среза, представленного в сказании. Действие болгарских “чудес” цикла разворачивается в середине – второй половине 890-х годов, однако не будь здесь столь определенных хронологических ориентиров как восшествие на престол Симеона и болгаро-венгерские войны (и даже упоминания смерти князя Бориса), события без труда можно было бы сдвинуть назад на 20–25 лет. Герои и персонажи повестей живут и действуют в сельской местности, до которой еще не успели дойти результаты прихода в Болгарию учеников Кирилла и Мефодия в 886 г. Известную роль играет здесь, вероятно, и возраст повествователя, делающий его в достаточной степени человеком “докирилломефодиевой эпохи”. Георгий Болгарин родился не позднее середины IX в. (“егда бо мя крестиша уже бех женат” [1. С. 89]) и покинул Болгарию, приняв монашество, сразу после второй болгаро-венгерской войны (т.е. не позднее 897 г.) [5. С. 416].

Славянский язык в качестве богослужебного в Сказании не упоминается, отсутствует, впрочем, и вообще понятие “славянский”, что было отмечено исследователями уже вскоре после публикации памятника [12. С. 242–244]. Языком культуры и церкви однозначно признается греческий, о чем недвусмысленно свидетельствует краткий диалог игумена Петра и Георгия Болгарина в соединительном эпизоде между “чудесами” 6 и 7. “Учился ли ты грамоте?” (“Еси ли ся, брате, книгам учил?”) спрашивает вифинский архимандрит заморского пришельца, и на отрицательный ответ, объяснимый возрастом, в котором крестился инок-болгарин, задает новый, теперь уже недоуменный вопрос: “Тогда где же ты научился греческому языку?” (“Тъ кде еси научился греческы?” [1. С. 89]).

Незначительную на первый взгляд, но важную ввиду общей скудости источников, деталь о судьбах низшего греческого клира в Болгарии 890-х годов содержит эпизод на стыке “чудес” 8 (“О мужи, имущем вред на ноге”) и 9 (“О Клименте”). Здесь среди паломников, пришедших из Болгарии к пещере прозорливого старца Софрония близ Несебра, появляется и священник “греческа роду” Ефрем, поведавший по просьбе пустытника о чуде, случившемся с его духовным сыном, болгаринном Климентом [1. С. 91]. Из его рассказа нетрудно сделать вывод, что свой приход в Болгарию (конкретно, в “Мъдре Дръсторской”, или по крайней мере где-то в окрестностях Дръстора – Силистры¹⁹) он получил уже после первой болгаро-венгерской войны²⁰. Следовательно, еще в середине 890-х годов, если не позднее, греческие священники продолжали по-

¹⁹ Местонахождение прихода Ефрема определяется местом обитания его духовного сына. Это подтверждается и тем, что “Мъдра Дръсторская” является одним из двух болгарских населенных пунктов, откуда пришли паломники в пещеру Софрония [1. С. 90–91].

²⁰ О чуде, происшедшем с Климентом, Ефрем узнал лишь тогда, когда его духовный сын лежал на смертном одре [1. С. 92]. До этого он лишь видел, как Климент ежегодно устраивает трехдневный пир (последовательно для нищих и убогих, священников и монахов, и, наконец, для родни и друзей) на память великомученика Георгия [1. С. 91–92], и силился узнать причину этого. Из сказанного закономерно вытекает, что при начале этого ежегодного обычая Ефрем не присутствовал, т.е. получил приход, в котором жил Климент, лишь после первой болгаро-венгерской войны.

ставляться на приходы, во всяком случае, в северо-восточной Болгарии (конкретно для “Мъдры Дръсторской” дополнительным фактором могла являться близость к епархиальному центру); очевидно, конец этой практике был положен лишь с провозглашением царем Симеоном в 917 г. независимого болгарского патриархата.

Интересны сведения, сообщаемые памятником, о монашестве в Болгарии конца IX в. В частности, вполне обычной фигурой “социального пейзажа” выглядят бродячие монахи, не вызывающие у рассказчиков – в отличие от позднейшего Козмы Пресвитера – ни малейших отрицательных эмоций. Так, мать исцеленного бесноватого отрока из селения Георгия Болгарина, “исповедавшаяся странну калугирию и от того приемши аггельский образ, отиде к Богу, раздавши свое имение убогим, попом и черноризцем”. Сам исцеленный также “облечеса в черны ризы”. Монашество принимают по обоюдному согласию и Георгий Болгарин с женой [1. С. 88]. Стремятся стать отшельниками, забыв дом, хозяйство и семьи, болгарские паломники, пришедшие в келью старца Софрония, и тот не без труда на время сдерживает их порыв²¹. Никакие монастыри при этом не упоминаются. Более того, если мать отрока постригает странствующий монах, то для мужчин облачение в иноческое одеяние явно предшествует постригу, выступая в качестве начального обета (если отрок после облечения в черные ризы пропадает из поля зрения читателя, то Георгий, который говорит о себе, что он “отидох и бых черноризецъ” [1. С. 88], и которого именует чернецом великомученик Георгий в видении старцу Софронию [1. С. 89], принимает постриг, только по прошествии 40 дней пребывания в келье последнего (“И прииде из града прозвитер, имя ему Сава. И сътвори святую службу, и облекоста мя в святыи сей образ” [1. С. 90]). С одной стороны, этот порыв к “ангельской жизни” свидетельствует о достаточной укорененности в болгарском обществе спустя 30 лет после официального принятия новой религии не только христианского мировоззрения, но и монашеских идеалов. С другой же, легкость, с которой можно “облечься в черные ризы”, не требующая исполнения норм устава монашеского коллектива, объясняет в значительной мере ситуацию с бродячим монашеством следующего столетия, ставшим объектом суровой критики Козмы Пресвитера.

Усвоение обществом новых нравственных ценностей и ориентиров демонстрирует в полной мере и отношение болгар-мирян к христианским подвижникам, независимо от их национальной принадлежности. Показателен в этом смысле приход паломников, проделавших немалый путь (от стен Плиски и Дрыстора до склонов гор на пограничьи с византийской Месемврией²²) не в большую обитель и не к прославленным древним святыням, а к монашеской келье, единственной достопримечательностью которой (и воистину нетленным сокровищем) является ее обитатель – простой греческий монах (даже не священноинок²³) прозорливый старец Софроний.

Проникновение христианства в повседневный быт засвидетельствовано в СЖК упоминаниями щедрых пожертвований, раздаваемых по разным поводам (после молебна, по случаю исцеления, в связи с пострижением в монахи,

²¹ «И не хотяху отити, видяще духовна старца и прозорлива. И моляху тѣи, да бы повелел близ себе пребывати. И рече: “В домы своя исправите свою свесть и паки придете”» [1. С. 94].

²² О географии СЖК см.: [8. С. 44–52].

²³ Это следует хотя бы из того, что Софроний не сам постриг Георгия, а пригласил для этого из Месемврии священника (пресвитера Савву) [1. С. 90].

по разным обетам) нищим, священникам и черноризцам [1. С. 86, 88, 90] (при этом лично, а не храмам и монастырям). Упоминаются (с заметным осуждением) и обетные пиры: св. Георгий, наставляя спасенного им в битве Климента, осуждает обычай, “еже обещевают человеци много – от смерти обет, от потопы обет, или, ведя детище свое больно, да призовут богатыя, а у них же, заутре шед, яси и пиеси такоже” [1. С. 93]. Сказание фиксирует также ранний этап зарождения культа родового христианского имени, хорошо известного по позднейшим этнографическим материалам (ср. современное сербское “крсна слава” (“крсно име”) или получивший турецкое название, но имеющий те же корни македонский “курбан-байрам”)²⁴.

В целом, разумеется, со всеми необходимыми оговорками СЖК свидетельствует о достаточно глубоком проникновении христианства к середине 890-х годов (и, вероятно, уже несколько ранее) в жизнь болгарского общества “не там, где князь живет”. В этом, возможно, состоит причина неуспеха реставрации язычества при князе Владимире и легкость смены верховного правителя в 893 г.²⁵

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ангелов Б.Ст.* Сказание за железния кръст // *Ангелов Б.Ст.* Из старата българска, руска, и сръбска литература. София, 1978. Кн. 3.
2. *Троев П.М.* Рукописи славянские и российские, принадлежащие И.Н. Царскому. М., 1848.
3. *Леонид, архим.* (Кавелин). Систематическое описание... славяно-русских рукописей собрания гр. А.С. Уварова. М., 1893–1894. Ч. 1–4.
4. *Турилов А.А.* Византийский и славянский пласты в “Сказании инока Христодула” (к вопросу о происхождении памятника) // *Славяне и их соседи.* М., 1996. Вып. 8.
5. *Турилов А.А.* К изучению Сказания инока Христодула: датировка цикла и имя автора // *Flopilegium.* К 60-летию Б.Н. Флори. М., 2000.
6. *Лопарев Х.М.* Чудо святого Георгия о болгарине. Памятник византийской переводной литературы, СПб., 1894.
7. *Снегаров Й.* Старобългарският расказ “Чудо на св. Георги с българина” като исторически извор // *Годишник на Духовната Академия “Св. Климент Охридски”.* София, 1954–1955. Т. 4 (30). [Вып.] 2.
8. *Турилов А.А.* “Мъдра Пльсковская” и “Мъдра Дръсторская” – две Мундраги первой болгаро-венгерской войны (география чудес вчм. Георгия в Сказании инока Христодула) // *Славяне и их соседи.* М., 2001. Вып. 10.
9. *Златарски В.Н.* Кои са били вътрешни и външни боляри? // *Златарски В.* Избрани произведения. София, 1972. Т. 1.
10. *Турилов А.А.* Новосибирский список “Сказания инока Христодула” // *Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма.* Новосибирск, 1990.
11. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб., 1893–1912 (репринт – М., 1989). Т. 1–3.
12. *Ангелов Д.* Образоване на българската народност. София, 1981.

²⁴ Размышляя над причиной празднования Климентом дня св. Георгия его духовник Ефрем считает нужным добавить: “А ни ему имя Георгий, ни детем его, ни в роде никому же” [1. С. 91]. Ясно, что при наличии положительного компонента в этой триаде, вопрос для рассказчика решался бы сам собой.

²⁵ Любопытно в связи с этим, что СЖК не упоминает о возвращении князя Владимира (хана Расате) к религии предков, отмечая лишь его свержение Симеоном. Нельзя, однако, исключить вероятности, что именно в этом месте текст по какой-то причине был подвергнут редактуре. В полных списках цикла здесь существенная лакуна [1. С. 85], в пространной редакции “Чуда о кресте и болгарине” [6. С. 20; 7. С. 226] текст производит впечатление сокращенного.

© 2005 г. С. М. МИХЕЕВ

ЗОЛОТАЯ ГРИВНА БОРИСА И РОДОВОЕ ПРОКЛЯТЬЕ ИНГЛИНГОВ: К ПРОБЛЕМЕ ВАРЯЖСКИХ ИСТОЧНИКОВ ДРЕВНЕРУССКИХ ТЕКСТОВ

Вопрос об источниках древнерусских текстов, повествующих о ранней истории Руси – один из важнейших в отечественной медиевистике. При всем обилии в иноземных текстах сюжетов, параллельных различным сюжетам летописей и других древнерусских текстов, причины наличия этих параллелей, а следовательно, и характер источников рассказов о первых русских князьях остаются не до конца изученными.

В области скандинавских параллелей наиболее авторитетной считается теория А. Стендер-Петерсена, который считал, что источниками почти всех рассказов “Повести временных лет” о событиях IX – начала XI в. были сведения, полученные летописцами от “варягов”, под которыми исследователь подразумевал древнерусских дружинников скандинавского происхождения [1. S. 34–35, 39–40]. По его мнению, именно княжеская дружина была той средой, в которой в виде коротких сказаний (*ǫættir* – ‘прядей’) сохранялась память о первых правителях Руси [1. S. 248]. И Стендер-Петерсен, и его последователи (среди которых советская скандинавистка Е.А. Рыдзевская) связывали возникновение большей части сюжетов данных прядей с византийским влиянием, находя им параллели в восточно-средиземноморской литературной традиции. Они считали, что византийские легенды (точнее – события ранней истории Руси, осмысленные дружинниками-варягами под воздействием таких легенд) независимым образом находили отражение в древнерусских текстах и в сагах [1. S. 40–41, 246–248; 2. С. 201, 209]. Рыдзевская предполагала также, что некоторые сюжеты исландских саг возникли непосредственно под влиянием рассказов о русских событиях [2. С. 218–220, 227, 232].

Однако данные и другие аналогичные гипотезы по большей части построены на догадках, а не на сколько-нибудь строгих доказательствах. Между тем вопрос о характере взаимоотношения русских и скандинавских параллельных текстов требует более глубокого изучения. В этой статье я постараюсь подробно рассмотреть одну из таких параллелей.

Основными объектами нашего исследования будут два текста. Первый из них – это древнерусская агиографическая легенда об убиении князя Бориса, сына Владимира Святославича. Данный сюжет дошел до нас в нескольких

Михеев Савва Михайлович – аспирант Института всеобщей истории РАН.

версиях. Описание самого убийства идентично в “Ипатьевской летописи” [3. Стб. 118–121], “Лаврентьевской летописи” [4. Стб. 132–135] и “Новгородской первой летописи” младшего извода [5. С. 169–172]¹. Агиографическая легенда о Борисе, отразившаяся в этих текстах, вероятно, была создана в середине XI в.² Приведем этот текст по версии “Ипатьевской летописи”:

“Сѣополкъ же сѣде в Киевѣ. по оѣи своемь . и созва Кыяны . и нача имѣние имь даяти а они приимаху и не бѣ срдце ихъ с нимь яко братья ихъ быша с Борисомь . Борису же возвратившюся с воины не обрѣтшю Печенѣгъ . вѣсть приде ему . яко оѣи ти оумрѣлъ . и плакася по оѣи велми . любимъ бо бѣ оѣмь . паче всихъ . и ста на Алтѣ пришедъ . рѣша ему дружина оѣня . се дружина оу тебе оѣня и вои . поиди сяди в Киевѣ на столѣ отнѣ онъ же реч не буди то мнѣ възнати руки на брата на старѣишаго . аще оѣи ми оумре то сѣи ми будеть . въ оѣа мѣсто . и се слышавше вои и разидошася отъ него . Борисъ же стояше съ отроки своими . Сѣополкъ же исполнися безакония . Каиновъ смыслъ приимъ . посылая к Борису глѣя . яко с тобою хоцю . любовь имѣти . и к отню ти придамъ . лъстя под нимь . како бы погубити . Сѣополкъ же приде ночью к Вышегороду . и отаи призва Путшю . и Вышегородскыя боярьчѣ . и реч имь . прияете ли мнѣ всимъ срдцмь . и реч Путьша можемъ головы своѣ с Вышегородци положити он же рче имъ не повѣдите никомуже . шедше оубиите брата моего Бориса . они же въскорѣ обѣщашася ему створити се . о сяковыхъ бо Соломонъ реч . скоры суть бес правды проляти кровь . собирають собѣ злая . ти бо обещаютъс . крови сихъ путъе суть скончевающе безаконие . нечтьемь бо свою дѣю емлютъ послании же придоша ночью . и подѣступиша ближе . и слышаша . блѣзнаго Бориса поюща заоутренюю . повѣдаша бо ему яко хотятъ тя погубити . и въставъ нача пѣтѣ глѣя . Гси что ся оумножишася . стужающии ми . встають на мя . мнози и паки яко стрѣлы твоя оунзоша во мнѣ . яко азъ на раны готовъ . и болѣзни моя предо мною есть . и паки глѣше Гси оуслыши мѣтву мою . и не вниди в судъ с рабомъ твоимъ . яко не оправдяться предъ тобою . всякъ живы яко погна врагъ дѣю мою . и кончавъ ексапслмы . и видивъ яко послании суть погубить его . и нача пѣти псалтырь глѣя яко оунци тучни и сборъ злобныхъ оскѣде мя . Гси Бѣ мои на тя оуповахъ . и сѣси мя . и отъ всихъ гонящихъ избави мя . по сем же нача канунъ пѣти тако въ заоутрню . помолися зря на икону . глѣя на образъ . влѣчнь Гси Иссе Хсе . иже симь образомъ . явился на земли спсния ради нашего . изволивый своею волею . пригвоздити руци свои на крстѣ . и приемъ стрѣсть грѣхъ ради нашихъ . тако и мене сподоби прияти стрѣсть . се же не отъ противныхъ . приимаю но отъ брата своего и не створи ему Гси в семь грѣха . и помолившюся ему . и възлеже на одрѣ своемь . и се нападоша на мя³ акы звѣрье дивии около шатра . и насунуша и копыи и прободоша Бориса . и слугу его падша на немь . пробо-

¹ Несколько распространенные и видоизмененные версии легенды см. в “Сказании о Борисе и Глебе” [6. С. 32–37] и “Чтении о Борисе и Глебе” [6. С. 8–11]. (См. также прим. 4.)

² О взаимоотношении древнерусских текстов борисоглебского цикла см. [7. Р. 29–37 (с указанием литературы); 8. С. 21–24].

³ В Хлебниковском и Погодинском списках – “на нь”.

доша с нимь . бѣ бо съ любимъ Борисомъ . бяше бо отрокъ . съ родомъ Оугринъ . именемъ Георгии . егоже любляше по велику Борисъ . бѣ бо възложи на нь гривну злату . в ней же престоюще ему избиша же отроки многы Борисовы . Георгиеви же не могуще сняти вборзѣ гривны съ шѣи . и оустѣкнуща главу его . и тако сняша гривну ту . а главу отвѣргъше прочь . тѣм же не обрѣтоша . послѣ же тѣла ег въ трупѣи . Бориса же оубивше оканънии оувѣртѣвше и в шатерь . и възложиша и на кола . повезоша . и еще дышущу ему и оувидивше се оканънии Сѣополкъ . и яко еще ему дышущу . и посла два Варяга . приконъчевати его . онѣма же пришедшима и видившима яко еще ему живу сущю . и единъ ею извлекъ мечъ и пронъзе ю къ срѣцю . и тако скончася . блѣжныи Борисъ приимъ вѣнѣць отъ Хса Бѣ с правѣдными причтеся съ проркы и съ апслы и с лики мѣны въдворяся . Авраму . на лонѣ почивая . видя неизречънную радсть . въспѣвая съ айглы . и веселяся с лики сѣхъ . и положиша тѣло его принесоша . и отаи Вышегороду . въ цркви . сѣго Василя . оканънии же оубици придоша къ Сѣополку . аки хвалу имуще незаконъници . суть же имена симъ законопреступникомъ . Путьша Талець Еловичъ . Ляшко оѣъ же ихъ сотона” [3. Стб. 118–121].

Другой интересующий нас текст содержит древнеисландская “Эймундова прядь” (“Eymundar þáttur”), одна из глав которой посвящена описанию убийства конунга Бурислава (Burizlafr), сына конунга Гардарики Валльдамара (Ualldamarr). Убийцей Бурислава в этом тексте назван конунг Эймунд – норвежец, находящийся после смерти Валльдамара на службе у его другого сына – Ярisleйва (Jarisleifr). Это убийство описывается как один из многочисленных подвигов главного героя “Эймундовой пряди”.

Единственная дошедшая до нас рукопись, содержащая “Эймундову прядь”, – свод королевских саг “Книга с Плоского острова” (“Flateyjarbók”) – относится к концу XIV в. В нем прядь включена в состав “Саги об Олаве Святом”. Проблема датировки первоначальной письменной фиксации рассказов об Эймунде достаточно сложна. Большинство исследователей соглашается с предположением Я. де Фриса, по мнению которого “Эймундова прядь” могла быть написана в конце XIII в. [9. С. 304]. Г.В. Глазырина считает, что создание произведения следует отнести ко времени не позднее середины XIII в. [10. С. 153]. Между тем необходимо отметить, что твердые основания для сколько-нибудь точных датировок создания этого памятника отсутствуют. Его первая письменная фиксация могла состояться и в XII, и в XIV в. При этом текст источника мог претерпеть значительные изменения уже в ходе переписывания и при помещении в контекст “Саги об Олаве Святом” “Книги с Плоского острова”.

«Эймунд убил Бурислава конунга

Однажды рано утром Эймунд позвал к себе Рагнара, родича своего, десять других мужей, велел оседлать коней, и выехали они из города 12 вместе, и больше ничего с ними не было. Все другие остались. Бьёрн звался исландец, который поехал с ними, и Гарда-Кеттиль, и муж, который звался Асткелль, и двое Тордов. Эймунд и его товарищи взяли с собой еще одного коня и на нем везли свое боевое снаряжение и припасы. Выехали они, снарядившись, как купцы, и не знали люди, что значит эта поездка и какую они задумали хитрость. Они въехали в лес и ехали весь тот день, пока не стала близка ночь.

Тогда они выехали из лесу и подъехали к большому дубу; кругом было прекрасное поле и широкое открытое место. Тогда сказал Эймунд конунг: “Здесь мы остановимся. Я узнал, что здесь будет ночлег у Бурицлава конунга и будут поставлены на ночь шатры (tialldstad)”. Они обошли вокруг дерева и пошли по просеке и обдумывали – где лучшее место для шатра. Тогда сказал Эймунд конунг: “Здесь Бурицлав конунг поставит свой стан (herbudir). Мне говорили, что он всегда становится поближе к лесу, когда можно, чтобы там скрыться, если понадобится”. Эймунд конунг взял веревку или канат и велел им выйти на просеку возле того дерева, и сказал, чтобы кто-нибудь влез на ветки и прикрепил к ним веревку, и так было сделано. После этого они нагнули дерево так, что ветви опустились до земли, и так согнули дерево до самого корня. Тогда сказал Эймунд конунг: “Теперь, по-моему, хорошо, и нам это будет очень кстати”. После того они натянули веревку и закрепили концы. А когда эта работа была кончена, была уже середина вечера. Тут слышат они, что идет войско конунга, и уходят в лес к своим коням. Видят они большое войско и прекрасную повозку; за нею идет много людей, а впереди несут знамя. Они повернули к лесу и [пошли] по просеке туда, где было лучшее место для шатра, как догадался Эймунд конунг. Там они ставят шатер (landtialldit), и вся рать также, возле леса. Уже совсем стемнело. Шатер у конунга был роскошный и хорошо устроен: было в нем четыре части и высокий шест сверху, а на нем – золотой шар (knarrg ór gulle) с флюгером. Они видели из лесу все, что делалось в стане, и держались тихо. Когда стемнело, в шатрах зажглись огни, и они поняли, что там теперь готовят пищу. Тогда сказал Эймунд конунг: “У нас мало припасов – это не годится; я добуду пищу и пойду в их стан”. Эймунд оделся нищим, привязал себе козлиную бороду и идет с двумя посохами к шатру конунга, и просит пищи, и подходит к каждому человеку. Пошел он и в соседний шатер и много получил там, и хорошо благодарил за добрый прием. Пошел он от шатров обратно, и припасов было довольно. Они пили и ели, сколько хотели; после этого было тихо. Эймунд конунг разделил своих мужей; шесть человек оставил в лесу, чтобы они стерегли коней и были готовы, если скоро понадобится выступить. Пошел тогда Эймунд с товарищами, всего шесть человек, по просеке к шатрам, и казалось им, что трудностей нет. Тогда сказал Эймунд: “Рёгнвальд и Бьёрн, и исландцы пусть идут к дереву, которое мы согнули”. Он дает каждому в руки боевой топор. “Вы – мужи, которые умеют наносить тяжелые удары, хорошо пользуйтесь этим теперь, когда это нужно”. Они идут туда, где ветви были согнуты вниз, и еще сказал Эймунд конунг: “Здесь пусть стоит третий, на пути к просеке, и делает только одно – держит веревку в руке и отпустит ее, когда мы потянем ее за другой конец. И когда мы устроим все так, как хотим, пусть он ударит топорищем по веревке, как я назначил. А тот, кто держит веревку, узнает, дрогнула ли она от того, что мы ее двинули, или от удара. Мы подадим тот знак, какой надо, – от него все зависит, если счастье нам поможет, и тогда пусть тот скажет, кто держит веревку, и рубит ветви дерева, и оно быстро и сильно выпрямится”. Сделали они так, как им было сказано. Бьёрн идет с Эймундом конунгом и Рагнаром, и подходят они к шатру, и завязывают петлю на веревке, и надевают на древко копья, и накидывают на флюгер, который был наверху на шесте в шатре конунга, и поднялась она до шара, и было все сделано тихо. А люди крепко спали во всех шатрах, потому что они устали от похода и были сильно пьяны. И когда это было сделано, они тянут за концы и укорачивают тем самым веревку, и стали советоваться. Эймунд конунг подходит поближе к шатру конунга и не хочет быть вдали, когда шатер будет сорван. По веревке был дан удар, и замечает тот, кто ее держит,

что она дрогнула. Говорит об этом тем, кто должен был рубить, и стали они рубить дерево, и оно быстро выпрямляется и срывает весь шатер конунга, и [закидывает его] далеко в лес. Все огни сразу погасли. Эймунд конунг хорошо заметил вечером, где лежит в шатре конунг, идет он сразу туда и сразу же убивает конунга и многих других. Он взял с собой голову Бурицлава конунга. Бежит он в лес и его мужи, и их не нашли. Стало страшно тем, кто остался из мужей Бурицлава конунга при этом великом событии, а Эймунд конунг и его товарищи уехали, и вернулись они домой рано утром. И идет [Эймунд] к Ярицлейву конунгу и рассказывает ему всю правду о гибели Бурицлава. “Теперь посмотрите на голову, господин, – узнаете ли ее?” Конунг краснеет, увидя голову. Эймунд сказал: “Это мы, норманны, сделали это смелое дело, господин; позаботьтесь теперь о том, чтобы тело вашего брата было хорошо, с почетом, похоронено”. Ярицлейв конунг отвечает: “Вы поспешно решили и сделали это дело, близкое нам: вы должны позаботиться о его погребении. А что будут делать те, кто шли с ним?” Эймунд отвечает: “Думаю, что они соберут тинг и будут подозревать друг друга в этом деле, потому что они не видели нас, и разойдутся они в несогласии, и ни один не станет верить другому и не пойдет с ним вместе, и думаю я, что не многие из этих людей станут обрывать своего конунга”. Выехали норманны из города и ехали тем же путем по лесу, пока не прибыли к стану. И было так, как думал Эймунд конунг, – все войско Бурицлава конунга ушло и разошлось в несогласии. И едет Эймунд конунг на просеку, а там лежало тело конунга, и никого возле него не было. Они обрядили его и приложили голову к телу, и повезли домой. О погребении его знали многие. Весь народ в стране пошел под руку Ярицлейва конунга и поклялся клятвами, и стал он конунгом над тем княжеством, которое они раньше держали вдвоем» [11. С. 127–130] (перевод цитируется по [2. С. 89–104]).

Сходство древнерусского рассказа об убийении Бориса с эпизодом убийства Бурислава в “Эймундовой пряди” отмечалось многими исследователями. Н.Н. Ильин, сопоставляя сюжетную основу древнерусского и скандинавского рассказов о начальной стадии междоусобиц Владимировичей, отметил, что описание событий в текстах об убийстве Бориса и Бурислава совпадает “в ряде существенных подробностей” [12. С. 160]. Такими сходными моментами, по наблюдению Ильина, являются: 1) место события – опушка леса на краю большого поля в дне пути от Киева, жертва находится в шатре; 2) время события – ночь; 3) примерное количество убийц; а также наличие мотивов: а) отсечения головы одного из убитых и б) ухода воинов от Бориса/Бурислава [12. С. 161–163]⁴. По причине этих совпадений Ильин сделал вывод о том, что в рассказе об

⁴ А.М. Членов детализировал этот перечень и довел количество его пунктов до 13-ти [13. С. 327]. Из них особого упоминания заслуживает мотив возвращения убийц к Борису/Буриславу. В древнерусских текстах Святополк узнает, что Борис еще жив, и посылает убийц добить его, а в “Эймундовой пряди” Ярицлейв отправляет убийц за телом Бурислава для захоронения. М.Х. Алешковский предположил, что таким образом в обеих версиях запечатлен один и тот же мотив двойного прихода убийц [14. С. 130]. Однако А.А. Шахматов считал, что “двойным” убийство Бориса стало только в Начальном своде. В Древнейшем своде, по мнению ученого, эпизод добивания Бориса посланцами Святополком варягами отсутствовал, и “раздвоения” убийства не возникало. Только потом на этот текст наложилось местное предание об убийении князя в урочище Дорогожиче, и летописцу понадобилось вставить в свой рассказ мотив добивания Бориса, чтобы сложить воедино две разные версии убийства [15. С. 74–76 (§ 54)]. В своих построениях Шахматов основывается на тексте “Чтения о Борисе и Глебе”, в котором эпизод с добиванием Бориса двумя варягами отсутствует [6. С. 11]. Однако, следует отметить, что и здесь убийцы (правда уже не варяги) возвращались, чтобы добить Бориса.

убийстве Бурислава в “Эймундовой пряди” Бурислава следует отождествить с Борисом [12. С. 163–169]⁵.

Одним из самых неясных элементов древнерусского рассказа об убийстве Бориса является мотив отсечения головы Борисова отрока Георгия Угрина, так как сложно определить причины фиксации в источнике факта обезглавливания Георгия. Ильин считал, что этот эпизод параллелен мотиву отсечения головы Бурислава в “Эймундовой пряди”. По мнению исследователя, в реальности убийцы отрубили голову не Георгию, а Борису. На Альтском поле после убийства осталось лежать обезглавленное тело князя, которое было принято его дружинниками за труп Георгия. Ильин предположил, что темный эпизод с гривной Георгия Угрина возник в древнерусском тексте именно из-за этой ошибки дружинников, рассказы которых стали позднее одним из источников сведений о гибели Бориса для создателя агиографической легенды [12. С. 162].

В связи с гипотезой Ильина интересна миниатюра одной из рукописей “Сказания о Борисе и Глебе”, на которой изображены убийцы Бориса, принесшие Святополку княжескую шапку. Миниатюру сопровождает текст: “Оубици Борисовѣ повѣдша Сѣтополку оубивши Бориса” [18. Л. 128 об.]. По мнению Д.В. Айналова, из этого следует, что на миниатюре изображено то, как “убийцы показывают Святополку доказательство своего злого дела, т.е. шапку убитого ими Бориса” [19. С. 73]. Исследователь считал, что в древнерусском тексте эпизод с принесением Святополку шапки Бориса как доказательства убийства был случайно утерян и дошел до нас только в своем отражении на миниатюрах. М.Х. Алешковский, совмещая выводы Айналова с гипотезой Ильина о том, что в реальности убийцы Бориса отрубили своей жертве голову, предположил, что “на русских миниатюрах XIV–XV веков мог быть изображен как раз этот эпизод (принесения заказчику убийства головы Бориса. – С.М.) и восходит он к лицевым рукописям “Повести временных лет” конца XI – начала XII века Изображение прихода убийц к Святополку уцелело от этих ранних иллюстраций, но само описание прихода убийц было, видимо, сокращено, и иллюстрация к нему стала непонятной, почему и голова Бориса превратилась в шапку” [20. С. 121–122]. Тем не менее, все же маловероятно, что первоначальные древнерусские тексты об убиении Бориса могли содержать упоминание отсечения головы князя и принесения ее Святополку, так как причины сокращения этого текста позднейшим летописцем представить себе сложно⁶.

Другим эпизодом, привлечшим внимание исследователей, стал имеющийся в “Эймундовой пряди” мотив согнутого людьми Эймунда дуба, использованного для неожиданного поднятия шатра Бурислава непосредственно перед убийством. Р. Кук привлек несколько параллелей к этому сюжету и предположил, что данный рассказ восходит к восточно-средиземноморской и ближневосточ-

⁵ Трансформация древнерусского имени Борисъ в Burizlafr в скандинавской традиции была вполне естественна [16. 147–148, 156–159, особ.: 157–158 (прим. 20)]. Обзор литературы о том, какой древнерусский князь послужил прообразом Бурислава, см. в [17. С. 162–163 (прим. 8), 169–170 (прим. 39)].

⁶ Легче представить себе позднее проникновение сюжета отсечения головы в “Эймундову прядь”. Такое предположение, как кажется, подтверждается тем, что описание приноса головы Бурислава Ярислейву находит себе близкую параллель в рассказе “Круга Земного” об убийстве Асмунда, племянника Свейна Астридссона [21. С. 430]. Наличие такой параллели может говорить о том, что этот сюжет был заимствован авторами “Эймундовой пряди” из “Круга Земного” или сходного источника (подробнее об этой параллели см. прим. 15).

ной литературной традиции [22. Р. 84]. Однако приведенные исследователем параллельные тексты значительно отличаются подробностями своего сюжета от эпизода с дубом в “Эймундовой пряди” и не позволяют считать их непосредственными или опосредованными источниками данного мотива⁷. Тем не менее заслуживают внимания более общие выводы Кука о том, что “Эймундова прядь” приобрела свой *окончательный* вид под влиянием византийской традиции, и ее авторы хотели возвеличить своего главного героя, подробно живописуя применяемые им военные хитрости [22. Р. 84–85].

Итак, в настоящее время в большей или меньшей степени объяснены причины некоторых изменений, которые тексты об убийстве Бориса/Бурислава претерпели на поздней стадии своего существования, то есть в период независимого развития в древнерусской и скандинавской среде. Между тем, механизм связи этих текстов, причины включения в них различных мотивов (например, мотива золотой гривны Георгия Угурина) и их семантика остаются неясными.

На данном этапе изучения связи скандинавского рассказа об убийстве Бурислава и древнерусской агиографической легенды любые выводы (например, предположения о прямой зависимости одного из текстов от другого) обречены носить гипотетический характер. Помочь продвинуться на пути истолкования этих текстов может привлечение новых источников.

Сходный с обеими версиями сюжет имеет 19-я глава “Саги об Инглингах” “Круга Земного”⁸. Здесь рассказывается об убийстве свейского конунга Агни: конунг отправляется в поход в Страну Финнов и побеждает их вождя Фрости, который погибает в сражении. Далее в саге читаем:

“Агни конунг разорял Страну Финнов и покорил ее себе, и взял большую добычу. Он взял также Скъяльв, дочь Фрости, и Логи, ее брата. Когда он возвращался с востока, он пристал в проливе Стокксунд. Он разбил свои шатры (tjöld) к югу на прибрежной равнине. Там был тогда лес. На Агни конунге была тогда золотая гривна (gullmen), которой когда-то владел Висбур. Агни конунг собирался жениться на Скъяльв. Она попросила его справить тризну по своему отцу. Он созвал многих знатных людей и дал большой пир. Он очень прославился своим походом. Пир шел горой. Когда Агни конунг опьянел, Скъяльв сказала ему, чтобы он поберег гривну, которая была у него на шее. Тогда он крепко привязал гривну к шее и лег спать. А шатер стоял на опушке леса, и над шатром было высокое дерево, которое защищало шатер от солнечного жара. Когда Агни конунг заснул, Скъяльв взяла толстую веревку и привязала к гривне. Ее люди опустили шесты палатки, закинули веревку на ветви дерева и потянули так, что конунг повис под самыми ветвями. Тут ему пришла смерть. Скъяльв и ее люди вскочили на корабль и уплыли. Агни конунг был там сожжен, и это место с тех пор называется Агнафит. Оно на востоке Таура и к западу от Стокксунда” [21. С. 20].

⁷ В основном тексте статьи Кук разбирает всего три параллели к данному эпизоду. Все они связаны с раздиранием людей на части при помощи согнутых деревьев [22. Р. 82–84]. Между тем, самые близкие и ценные для сравнительного анализа параллели к исследуемому сюжету (речь о которых впереди) Кук лишь бегло упоминает в подстраничном примечании [22. Р. 84 (п. 91)].

⁸ “Сага об Инглингах” – повествование о предках норвежского королевского рода – была создана в XIII в. Снорри Стурлусоном и включена им в его свод саг о норвежских конунгах, за которым позднее закрепилось название “Круг Земной”. Об источниках “Саги об Инглингах” пойдет речь ниже (прим. 13).

Кук указывал на сюжет 19-й главы “Саги об Инглингах” как на одну из параллелей к эпизоду с согнутым дубом в “Эймундовой пряди” [22. Р. 84 (н. 91)], однако исследователь (знакомый с “Повестью временных лет” только в переводе) не обратил внимание на то, что рассказ о гибели Агни оказывается очень близок по сюжету и к древнерусским текстам об убийстве Бориса. Это сходство явственно видно на представленной ниже таблице:

мотив	древнерусские тексты	“Эймундова прядь”	“Сага об Инглингах”
1	князь возвращается из похода в чужую страну	конунг идет войной на Ярислейва из чужой страны	конунг возвращается из удачного похода в чужую страну
2	воины советуются с князем и покидают его	(см. мотив 12)	–
3	маленькая группа убийц приходит ночью	маленькая группа убийц приезжает ближе к ночи	–
4	князь ложится в шатре	конунг разбивает шатры на опушке	конунг разбивает шатры на опушке леса
5	князь возложил на своего отрока золотую гривну	на шатре конунга – золотой шар	на конунге – золотая гривна
6	князь плачет по своему отцу	–	конунг правит тризну по отцу своей невесты
7	–	люди конунга сильно пьяны	конунг пьянеет
8	князь ложится спать	люди конунга крепко спят	конунг ложится спать
9	убийцы отрубают голову отроку, у которого на шее золотая гривна	над шатром конунга – большой дуб; убийцы срывают шатер при помощи веревки, привязанной к дубу и золотому шару на шатре	над шатром конунга – высокое дерево; убийцы подвешивают конунга на дерево при помощи веревки, привязанной к гривне у него на шее
10		убийцы отрубают голову конунгу	–
11	князя заворачивают в шатер и везут	голову конунга приносят Ярислейву	–
12	(см. мотив 2)	люди конунга собирают тинг и решают разойтись	–
13	Святополк посылает убийц добить князя	Ярислейв посылает убийц за телом конунга	–
14	тела отрока потом не находят	тело конунга находят на том же месте и привозят для захоронения	–

Так как очевидно, что разные мотивы древнерусской версии и “Эймундовой пряди” как бы складываются воедино в тексте “Саги об Инглингах” (см., в особенности, имеющие значительные различия в разных текстах, но явно близкие мотивы 5 и 9), напрашивается вывод, что древнерусские тексты об убийстве Бориса и рассказ “Эймундовой пряди” об убийстве Бурислава имели общий источник, сюжет которого в большинстве своих деталей был близок сюжету легенды о гибели Агни. Это архетипическое повествование об убийстве Бориса (далее будем называть его *Архетип) было напрямую или опосредованно связано с “Сагой об Инглингах”.

Количество и качество изменений, которым *Архетип подвергся до включения в дошедшие до нас тексты, заставляют предположить, что изначально это был устный рассказ, созданный по горячим следам гибели Бориса либо свидетеле-

лями убийства, либо кем-то, кто был с ними в непосредственном контакте (убийство Бориса не афишировалось и его подробности не могли стать известны широкому кругу лиц). *Архетип должен был быть еще свободен от религиозных “риторики и лирики”⁹, вошедших в древнерусскую версию в ходе складывания церковного почитания Бориса – с одной стороны, и от тех добавлений, которые предполагал жанр исландской пряди, повествующей о далеких путешествиях скандинавов, – с другой. В процессе устного бытования в древнерусской и скандинавской среде часть мотивов *Архетипа и там, и там была потеряна и/или видоизменена, и он дошел до нас в том виде, в каком его через многие годы независимо друг от друга записали древнерусский и исландский книжники. Однако изначально в *Архетипе, вероятно, присутствовали сходные с “Сагой об Инглингах” мотивы: 1) военного похода; 2) разбивания шатров на опушке леса; 3) золотой гривны князя; 4) опьянения людей Бориса и их крепкого сна; 5) большого дерева и веревки, используемых для подвешивания князя (или его шатра) за золотой предмет и, может быть, 6) плача князя по отцу¹⁰.

*Архетип может быть связан с легендой об убийстве Агни одним из трех возможных способов: либо заимствование происходило из *Архетипа в рассказ о гибели Агни; либо – в *Архетип из легенды об Агни¹¹; либо эти тексты независимо друг от друга построили свой сюжет, позаимствовав его схему из некоего общего источника. О возможности независимого заимствования из третьего текста в нашем случае говорить сложно до тех пор, пока нам не известен текст, который мог бы быть общим источником рассказов об убиении Бориса и Агни, хотя некоторые скандинавские тексты и содержат подобные сюжеты¹². Гипотетически возможно заимствование сюжета из *Архетипа в легенду о смерти

⁹ “Риторика и лирика” – выражение Шахматова [15. С. 34 (§ 20)].

¹⁰ Кроме того, в *Архетипе, видимо, были независимые от “Саги об Инглингах” мотивы 1) малого количества убийц и 2) совета воинов князя, которые решили разойтись. Также, *Архетип мог содержать мотивы 1) отсечения головы Бориса и принесения ее заказчику убийства как доказательства (ср., однако, прим. 6, а также прим. 12) и 2) возвращения за телом убитого для его захоронения по приказу заказчика (ср., однако, прим. 4). Таким образом, в *Архетипе, вероятно, отразилась специфика реального убийства Бориса, которое – в отличие от убийства Агни – было убийством заказным.

¹¹ Это возможно только в том случае, если легенда, по крайней мере, уже в начале XI в. существовала (не обязательно в письменном виде) в форме, сходной с той, что зафиксирована в “Саге об Инглингах”, так как текст “Круга Земного”, как уже говорилось, был написан через двести лет после убийства Бориса (см. подробнее прим. 13).

¹² Так, в одном из эпизодов “Саги об Олаве Трюггвасоне” “Круга Земного” упоминание золотой гривны напрямую связано с отсечением головы и принесением ее как доказательства убийства, а также с поведением героев:

«Когда настала ночь, ярл бодрствовал, а Карк спал и метался во сне. Ярл разбудил его и спросил, что ему снилось. Карк говорит: “Мне снилось, что я в Хладире, и Олав сын Трюггви надел мне на шею золотое ожерелье (gullmen)”. Ярл отвечает: “Кровавое ожерелье наденет тебе на шею Олав сын Трюггви, если ты встретишься с ним. Берегись! А от меня ты увидишь только хорошее, как и раньше было. Так что не предавай меня!”

После этого они оба бодрствовали, как если бы следили один за другим. Но к утру ярл заснул и вскоре стал метаться во сне. Он так сильно метался, что выгибался дугой, словно хотел вскочить, и кричал громко и страшно. Карк испугался, и его обуял страх. Он схватил большой нож, который висел у него на поясе, и проткнул им ярлово горло насквозь. Так Хакону ярлу пришел конец. Затем Карк отрезал у ярла голову и убежал прочь. На следующий день он пришел в Хладир и поднес голову ярла Олаву конунгу. И он рассказал все, что с Хаконем ярлом и с ним произошло, как здесь написано. Затем Олав конунг велел увести его и отрубить ему голову.

Агни: *Архетип (в одной из своих ранних форм) мог повлиять на кого-то из предшественников Снорри Стурлусона, описывавшего гибель Агни. Однако вероятность привлечения для объяснения древней скандинавской легенды относительно позднего сюжета, связанного с конкретным событием в Гардарике, крайне незначительна.

Логичнее предположить, что один из сюжетов известного многим скандинавам сказания о древних свейских конунгах повлиял на создателей первого повествования об убийстве Бориса Владимировича¹³. Если какой-то мотив легенды об Агни повторяется в древнерусском тексте и/или в “Эймундовой пряди”, то этот мотив входил в парадигму, которой следовали либо создатели *Архетипа, либо – что все же маловероятно, но теоретически невозможно исключить – сами убийцы (которые могли в своих поступках не выходить из системы координат традиции, встраивая повседневную жизнь в эпическую перспективу). Делать предположения относительно того, была ли данная аналогия явной в *Архетипе или имела там характер “скрытой цитаты”, у нас нет никаких оснований – и тот, и другой варианты в равной степени возможны.

В ходе бытования *Архетипа в обеих традициях исчезли или были сильно трансформированы различные мотивы, сходные с сюжетом легенды о гибели Агни: так, в древнерусском варианте был утрачен мотив большого дерева, используемого для подвешивания князя или его шатра, а в скандинавском – серьезно изменен мотив золотой гривны князя, которая превратилась в золотой

Потом Олав конунг и с ним множество бондов отправился на остров Нидархольм, взяв с собой головы Хакона ярла и Карка. На этом острове было в то время принято убивать воров и злодеев (þjófa og illmenn), и на нем стояла виселица (gálgi). Конунг велел поставить туда головы Хакона ярла и Карка. Вся рать собралась там, и они вопили и бросали камни в головы, крича, что обоим злодеям туда и дорога. Затем послали в Гаулардаль за туловищем ярла, и его притащили и сожгли» [21. С. 131].

В более ранних сводах королевских саг в связи с гибелью Хакона золотая гривна не упоминается, а в поздней “Большой саге об Олаве Трюггвасоне” данный эпизод, напротив, описан более подробно [23. В. 1. S. 235–237].

В данном тексте кроме мотивов золотой гривны и повешения имеется отсутствующий в “Саге об Инглингах” мотив отсечения головы, что в значительной мере сближает рассказ о гибели Хакона с *Архетипом. Возможно, это свидетельствует о том, что в скандинавской параллели *Архетипа (то есть либо в общем источнике *Архетипа и легенды об убийстве Агни, либо в той версии легенды, которая позаимствовала свой сюжет из *Архетипа, либо в той версии легенды об Агни, из которой заимствовался сюжет *Архетипа) присутствовал мотив отсечения головы, который был позднее утерян на одном из этапов оформления легенды о смерти Агни.

¹³ Скальдические стихи Тьодольва из Хвинира о гибели Агни, которые приводятся в “Круге Земном” и датируются примерно концом IX – началом X в., содержат не все те мотивы, параллели к которым мы находим в текстах об убийстве Бориса. Поэтому наше предположение о знакомстве автора *Архетипа с легендой об Агни может быть справедливо только в том случае, если мы признаем, что Снорри при написании “Саги об Инглингах” основывался не только на тексте Тьодольва, но привлекал к работе над сагой и другие источники, содержащие легенды о древних свейских конунгах.

Большинство исследователей “Саги об Инглингах” за неимением никакого сравнительного материала кроме самого текста саги считали невозможным с какой-либо долей уверенности судить о том, были ли у Снорри такие дополнительные источники (подробный источниковедческий разбор “Саги об Инглингах” см. в [24. S. 19–111]). Привлечение древнерусских параллелей к сюжету об убийстве Агни заставляет нас решать этот вопрос положительно, хотя и не вполне позволяет говорить о составе и форме этих источников.

шар на шатре Бурислава¹⁴. Эти изменения говорят о том, что авторы дошедших до нас древнерусского и скандинавского рассказов об убийстве Бориса и/или их предшественники уже не знали истории гибели Агни или просто не соотносили с этим повествованием описываемые ими события древнерусской истории, то есть и там, и там была потеряна память контекста.

Необходимыми условиями заимствования сюжета из одного повествования в другое являются, во-первых, наличие каких-либо конкретных причин, побудивших автора одного из текстов обратиться к другому, и, во-вторых, актуальность этого *другого* текста в той культурной среде, в которой происходит заимствование. Только в случае выполнения перечисленных условий предположение о заимствовании имеет право на существование.

Понять причины проведения аналогии между убийством Бориса и убийством Агни помогает привлечение контекста, в который в скандинавской традиции была включена легенда о гибели Агни. В 14-й главе “Саги об Инглингах” описывается убийство конунга Висбура (прапрапрадеда Агни) его сыновьями:

“Висбур наследовал своему отцу Ванланди. Он женился на дочери Ауди Богатого и дал ей вено (*mundi*) – три больших двора и золотую гривну (*gullmen*). У них было два сына – Гисль и Эндур. Но Висбур бросил ее и женился на другой, а она вернулась к отцу со своими сыновьями. У Висбура был также сын по имени Домальди. Мачеха Домальди велела наколдовать ему несчастье. Когда сыновьям Висбура исполнилось двенадцать и тринадцать лет, они явились к нему и потребовали вено своей матери. Но он отказался платить. Тогда они сказали, что золотая гривна их матери будет гибелью лучшему человеку в его роде (*ætt*), и уехали домой. Они снова обратились к колдунье и просили ее сделать так, чтобы они могли убить своего отца. А колдунья Хульд сказала, что сделает не только это, но также и то, что с этих пор убийство родича (*ættvig*) будет постоянно совершаться в роду Инглингов. Они согласились. Затем они собрали людей, окружили дом Висбура ночью и сожгли его в доме”. [21. С. 18].

Кроме 19-й главы “Саги об Инглингах” пророчество колдуньи напрямую реализуется в 20-й и 21-й главах саги, где в обоих случаях убивают друг друга родные братья, и в 25-й главе, главным героем которой является конунг Аун, принесший в жертву Одину восемь из своих сыновей. Однако единственная прямая отсылка на проклятье Хульд в скандинавских текстах содержится в рассказе о гибели Агни, где особо оговаривается наличие у Агни золотой гривны Висбура.

Таким образом, причиной того, что убийство Бориса Владимировича сопоставлялось авторами *Архетипа с убийством Агни, могло быть то, что убийство князем его близкого родственника вызывало аналогичную с убийствами в роду Инглингов, на которых лежало проклятие Хульд¹⁵.

¹⁴ Мотив золотой гривны также был опущен автором “Чтения о Борисе и Глебе”, сохранившим в своем тексте лишь краткое упоминание об убиении одного из слуг Бориса [6. С. 11].

¹⁵ О возможности таких аналогий при обращении к скандинавской мифологической традиции говорит “Прядь о Халли Челноке”, в одном из эпизодов которой рассказывается о том, как скальд по просьбе конунга уподобляет простых людей древним героям (подробнее об этом сюжете см. [25. С. 69–71]).

Интересно, что после потери связи с сюжетом легенды о гибели Агни рассказ об убийстве Бориса и в древнерусской, и в скандинавской среде обрастал новыми аллюзиями на другие сюжеты об убийстве близких родственников. Так, в “Эймундовой пряди” могла возникнуть упоминавшаяся выше (прим. 6) аллюзия на рассказ об убийстве Асмунда. Кук отметил, что этот сюжет близок “Эймундовой пряди” не только тем, что в обоих текстах говорится об отсечении головы жертвы и принесении этой головы противнику убитого, краснеющему при виде

Такая аналогия могла родиться только в среде, которой были близки сюжеты древних скандинавских легенд. На Руси начала XI в. легенды о древних свейских конунгах не могли быть повсюду известны и актуальны, поэтому список вероятных мест возникновения древнерусской аллюзии на рассказ об убийстве Агни не бесконечен. Пытаясь определить ту конкретную среду, в которой возник *Архетип, нельзя также забывать о том, что он, скорее всего, родился в окружении того князя или представителя высшей знати, принимавшего активное участие в первой междоусобице Владимировичей, который был заказчиком убийства Бориса и его близким родственником, так как только в таком случае аналогия *Архетипа с гибелью Агни была бы наполнена смыслом.

Первым претендентом на роль того человека, в чьем окружении возник *Архетип, является Святополк, которому убийство Бориса приписывается древнерусским летописцем. Однако оказывается, что источники почти ничего не сообщают о связях Святополка со Скандинавией. Согласно летописи, он не только не был сыном Рогнеды, но и, скорее всего, был сыном не Владимира, а его брата Ярополка, который – в отличие от Владимира – никогда не сидел в Новгороде и не ходил “за море”. Жена Святополка была дочерью польского короля Болеслава I (Храброго)¹⁶. В междоусобных войнах на Руси Святополк, согласно русским и западным источникам, использовал поляков, немцев и печенегов¹⁷, но не варягов (кроме эпизода убийства Бориса – !). Все вышеизложенное приводит нас к выводу о том, что Святополк и люди, близкие к нему, не могли быть авторами *Архетипа из-за незначительности связей со скандинавским миром.

Одновременно и близким родственником Бориса, и человеком, тесно связанным со Скандинавией, с норвежским, шведским и, возможно, датским королевскими родами, был Ярослав. Ярослав долго княжил в Новгороде¹⁸, известном своими связями с Северной Европой, и приводил из-за моря варягов; мать Ярослава Рогнеда была из знатного скандинавского рода, правившего в

этой головы, но и тем, что и там, и там противником убитого является его близкий родственник, а непосредственным убийцей – иноземный наемник [22. Р. 74]. Источники не дают нам полных оснований утверждать, что автор “Эймундовой пряди” сознательно проводил параллель между убийствами Бурислава и Асмунда, однако наличие некоторой – возможно, опосредованной – связи между этими текстами несомненно.

Между тем, реакцию Ярислейва на принесение ему головы Бориса можно объяснить и исходя из самого текста “Эймундовой пряди”. Рассказ о только что произошедшем убийстве, построенный на аллюзии на легенду о гибели Агни, должен был производить сильное впечатление на князя-братоубийцу.

¹⁶ Одна из жен шведского конунга Эйрика Победоносного, вышедшая впоследствии замуж за датского конунга Свейна Виллобородого, скорее всего, была дочерью Мешка I, то есть сестрой Болеслава (подробнее об этом см. [26. С. 14–17], а также [27. С. 25–26] с указанием литературы), ее дети, в том числе Кнут Свейнссон Могучий и, возможно, Олав Эйрикссон Шведский (Шётконунг) (скорее всего, матерью Олава Эйрикссона все же была другая жена Эйрика Победоносного), приходились жене Святополка двоюродными братьями. Однако эти далекие родственные связи Святополка со скандинавскими правителями вряд ли имели для него значение, так как в ходе междоусобицы Владимировичей союзником Олава и Кнута был как раз противник Святополка Ярослав (об это союзе см. [28. С. 491–503]).

¹⁷ Согласно хронике Титмара Мерзебургского, во взятии Киева Болеславом и Святополком участвовали поляки и немцы [29. S. 528–530], а также венгры и печенеги [29. S. 530].

¹⁸ Ярослав окончательно утвердился в Киеве только в 1026 г. Между тем, летопись дважды фиксирует такую ситуацию, когда в период его киевского княжения на столицу нападают (в 1024 г. – Мстислав Тмутараканский, а в 1036 – печенеги), а Ярослав находится в Новгороде [4. Стб. 147 = 3. Стб. 134–135; 4. Стб. 150–151 = 3. Стб. 138]. Ср. соображения И.А. Линниченко об отрицательном отношении киевлян к Ярославу [30. С. 91–93].

Полоцке, а женой Ярослава и матерью большинства (если не всех) его детей была Ингигерд – дочь конунга свеев¹⁹. При дворе Ярослава постоянно гостили претенденты на норвежский трон и изгнанные из страны правители. Таким образом, после смерти Владимира окружение Ярослава было такой средой, где легенды о древних свейских конунгах должны были быть известны и актуальны²⁰. Следовательно, именно в окружении Ярослава (возможно, при участии самого убийцы – Эймунда) могло возникнуть сопоставление убийства Бориса с убийством Агни²¹.

Итак, при рассмотрении одного из случаев сюжетного параллелизма древнерусских и скандинавских источников оказалось возможным выдвинуть ги-

¹⁹ Согласно исландским сагам, эта дочь Олава Шведского играла значительную роль в политической жизни Руси первой половины XI в. (Т.Н. Джаксон, однако, считает, что стереотипное для саг завышение политической роли Ингигерд, напротив, вызвано в большей степени патриотической тенденциозностью скандинавских текстов, чем реальным положением вещей при дворе Ярослава [17. С. 170–171 (прим. 42)].) Между тем, вопрос о том, была ли Ингигерд во время начального периода распри Владимировичей уже замужем за Ярославом, является дискуссионным (наиболее убедительная версия датировки их свадьбы – 1019 г. [28. С. 492–496]).

²⁰ Возможно, проведение параллели между древнерусским событием и сюжетом древней скандинавской легенды было не единичным случаем, о чем говорит ряд иных сюжетов древнерусских текстов, сходных с сюжетами скандинавских источников. Так, к дошедшей до нас истории сватовства Владимира к Рогнеде (то есть отца Ярослава к его матери), покорения Владимиром Полоцка и мести Рогнеды Владимиру Стендер-Петерсен и Рыдзевская обнаружили параллели в двух сюжетах из “Круга Земного”. (Подробнее о разнообразных параллелях к сюжету о Владимире и Рогнеде см. [31; 1. С. 210–244; 2. С. 209–215; 32].)

Интересно, что обе главы “Саги об Инглингах”, в которых упоминается золотая гривна конунга Висбура, тоже содержат сходный сюжет. Так, в 14-й главе сыновья Висбура сжигают отца за то, что он бросил их мать (после чего она вернулась с сыновьями к своему отцу) и не отдал ей по праву принадлежащее ей вено. В 19-й главе конунг Агни хочет взять в жены Скъяльв, но она убивает Агни, мстя ему за гибель отца. Кроме того, похожие сюжеты отражены в рассказе о Ванланди и Дриве в 13-й главе “Саги об Инглингах” и в рассказе о Гудрёде и Асе в 48-й главе “Саги об Инглингах”, завершающемся в 1-й главе следующей саги “Круга Земного” – “Саги о Хальвдане Черном” (на последнюю параллель указала Рыдзевская [2: 209–210]).

Такая концентрация различных вариаций одного и того же сюжета в одном, сравнительно небольшом, тексте вряд ли может быть случайной. Можно предположить, что и при Владимире, и при Ярославе для описания важных политических событий использовались одни и те же модели. Одним из продуктивных приемов построения повествования для окружения этих князей могло быть введение аллюзий на легенды о древних свейских конунгах. Вероятно, связь с традициями рода Инглингов была для этих князей особенно актуальна и для того, чтобы продемонстрировать ее, Владимир, Ярослав и их окружение осмыслили свои действия в парадигме легенд о древних свейских конунгах.

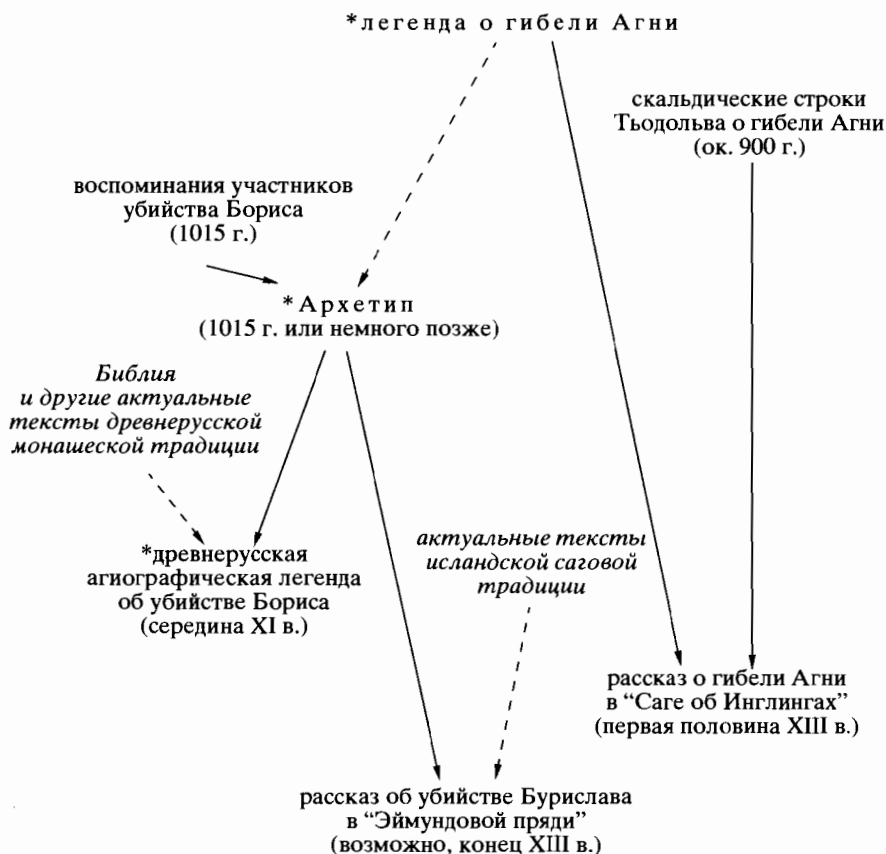
Между тем существует мнение о позднем возникновении в древнерусских текстах развернутого повествования о сватовстве Владимира, покорении Полоцка и мести Рогнеды. А.Ф. Литвина и Ф.Б. Успенский считают, что при описании этих событий летописец, возможно, использовал “некоторый стереотипизированный способ построения сюжета о мести женщины”, широко известный в скандинавской традиции. Исследователи приходят к выводу о возможно существовавшем “единстве скандинаво-русского культурного пространства в конце 20-х годов XII в.” [32. С. 308]. Однако это вполне убедительное предположение не опровергает возможность существования раннего устного предания о Владимире и Рогнеде (построенного, как и *Архетип, на обыгрывании сюжетов древних скандинавских легенд), которое было зафиксировано письменно только через сотню лет после своего возникновения.

²¹ Столь же вероятно, что и само убийство Бориса было совершено сторонниками Ярослава. Этой версии событий противоречат лишь показания тех источников, которые создавались на Руси при жизни прямых потомков Ярослава и поэтому не могли содержать обвинения отца и деда почти всех живых Рюриковичей в братоубийстве. (С середины XI в. единственными Рюриковичами, которые не были потомками Ярослава, являлись полоцкие князья – потомки Изяслава Владимировича, старшего брата Ярослава.)

потезу об опосредованном заимствовании древнерусским книжником скандинавских сюжетов. Весьма вероятно, что основным источником дошедших до нас текстов об убийении Бориса послужило устное повествование, сложившееся в скандинавски ориентированной – по-видимому, дружинной – среде, окружавшей Ярослава Владимировича, и содержавшее сюжетную аллюзию на древнюю легенду о гибели конунга Агни.

Схема реконструированной истории текстов

Сплошные линии обозначают прямое происхождение одного текста от другого, пунктирные – влияние одних текстов на другие.

То, что древнерусский книжник мог описывать даже столь недавнее для него событие, пользуясь “варяжским” источником, заставляет по-новому взглянуть на проблему роли скандинавов в передаче дошедших до нас в летописи рассказов о первых русских князьях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Stender-Petersen A. Die Varägersage als Quelle der altrussischen Chronik. København, 1934. (Acta Jutlandica. Aarskrift for Aarhus universitet. VI. 1.)
2. Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия в IX–XIV вв. (Материалы и исследования.) М., 1978. (Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования 1978 г.)

3. Ипатьевская летопись. 2-е изд. / Шахматов А.А. // Полное собрание русских летописей. СПб., 1908. Т. 2.
4. Лаврентьевская летопись. 2-е изд. / Карский Е.Ф. Вып. 1. // Полное собрание русских летописей. Л., 1926. Т. 1.
5. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Насонов А.Н. М., 1950.
6. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им / Абрамович Д.И. Пг., 1916. (Памятники древне-русской литературы. Вып. 2.)
7. *Porpe A.* La naissance du culte de Boris et Gleb // *Cahiers de civilisation médiévale: X^e–XIIe siècles.* Poitiers, 1981. Т. XXIV. № 1.
8. *Поппэ А.* О зарождении культа свв. Бориса и Глеба и о посвященных им произведениях // *Russia Mediaevalis.* München, 1995. Т. VIII. № 1.
9. *De Vries J.* Altnordische Literaturgeschichte. Berlin, 1967. Bd. 2: Die Literatur von etwa 1150 bis 1300. Die Spätzeit nach 1300.
10. *Глазырина Г.В.* Правители Руси (Обзор древнескандинавских источников) // Древнейшие государства Восточной Европы: 1999 г. Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001.
11. [Eymundar þátttr] // *Flateyjarbok / Guðbrandr Vigfusson, Unger C.R.* Christiania, 1862. В. 2.
12. *Ильин Н.Н.* Летописная статья 6523 года и ее источник. (Опыт анализа.) М., 1957.
13. *Členov A.M.* Zur Frage der Schuld an der Ermordung des Fürsten Boris // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas.* Wiesbaden, 1971. Neue Folge. Bd. 19. Н. 3.
14. *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет: Судьба литературного произведения в древней Руси. М., 1971.
15. *Шахматов А.А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908.
16. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Варьирование родового имени на русской почве: Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей // *Именослов: Записки по исторической семантике имени.* М., 2003.
17. *Джаксон Т.Н.* Исландские королевские саги о Восточной Европе (первая треть XI в.). Тексты, перевод, комментарий. М., 1994.
18. Сказание о Борисе и Глебе: Факсимильное воспроизведение житийных повестей из Сильвестровского сборника (2-я половина XIV века). М., 1985.
19. *Айналов Д.В.* Очерки и заметки по истории древнерусского искусства. IV. Миниатюры “Сказания” о свв. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника // *Известия Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук.* СПб., 1910. Т. XV. Кн. 3.
20. *Алешковский М.Х.* Русские глеборисовские энколпионы 1072–1150 годов // *Древнерусское искусство: Художественная культура домонгольской Руси.* М., 1972.
21. *Снорри Стурлусон.* Круг Земной. М., 1980.
22. *Cook R.* Russian History, Icelandic Story, and Byzantine Strategy in *Eymundar þátttr Hringssonar* // *Viator: Medieval and Renaissance Studies.* Berkeley; Los Angeles; London, 1986. Vol. 17.
23. *Óláfs saga Tryggvasonar en mesta / Ólafur Halldórsson.* København, 1958–1961. В. 1–2. (Editiones Arnamagnæanæ. Ser. A. Vol. 1–2.)
24. *Beyschlag S.* Konungasögur: Untersuchungen zur Königs saga bis Snorri: Die älteren Übersichtswerke samt Ynglingasaga. Kopenhagen, 1950. (Bibliotheca Arnamagnæana. Vol. III.)
25. *Гуревич Е.А., Матюшина И.Г.* Поэзия скальдов. М., 2000.
26. *Schück H.* Den äldsta kristna konungalängden i Sverige. Uppsala, 1914. (Uppsala universitets årsskrift. 1914. Program 1.)
27. *Успенский Ф.Б.* Скандинавы. Варяги. Русь: Историко-филологические очерки. М., 2002.
28. *Назаренко А.В.* Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. М., 2001.
29. *Die Chronik des Bischofs Thietmar von Merseburg und ihre Korveier Überarbeitung / Holtzmann R.* Berlin, 1935. (Monumenta Germaniae Historica. Scriptorum rerum Germanicarum. Nova ser. T. IX.)
30. *Линниченко И.А.* Взаимные отношения Руси и Польши до половины XIV столетия. Киев, 1884. Ч. 1: Русь и Польша до конца XII века.
31. *Соколов Б.М.* Эпические сказания о женитьбе князя Владимира (Германо-русские отношения в области эпоса) // *Ученые записки Государственного Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского.* Саратов, 1923. Т. I. Вып. 3: Словесно-историческое отделение педагогического факультета.
32. *Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б.* Двна рассказа о Рогнеде, дочери Рогволода Полоцкого (К проблеме интерпретации летописного текста) // *Раннесредневековый текст: Проблемы интерпретации.* Иваново, 2002.

© 2005 г. Б. Н. ФЛОРЯ

РУССКО-ШВЕДСКИЕ МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ В ВАЛИЕСАРЕ (1658 г.) И РЕЧЬ ПОСПОЛИТАЯ

Переговоры о мире между Россией и Швецией в деревне Валиесари осенью 1658 г. были важным событием в истории “Второй Северной войны”, крупного международного конфликта, охватившего в середине XVII в. весь Север и Восток Европы. Два главных участника конфликта попытались на этих переговорах урегулировать спорные проблемы и достичь мирного соглашения. Принятые решения имели важное значение для дальнейшего развития и завершения международного конфликта.

История мирных переговоров в недавнее время была специально рассмотрена в монографии Е.И. Кобзаревой [1. С. 204–231]. Исследовательница справедливо указала на существование тесной связи между ходом этих переговоров и происходившими в то же самое время переменами в отношениях Русского государства с Польско-Литовским государством и Украиной. Цель данного исследования – более полно выявить и изучить эти взаимосвязи.

Решение провести мирные переговоры со Швецией было принято в Москве в апреле 1658 г., и тогда же начались первые приготовления к отправке русских представителей на переговоры со шведами. Их должен был возглавить боярин кн. И.С. Прозоровский, но главная роль на переговорах отводилась включенному в состав делегации воеводе города Царевичева Дмитриева (Кокнезе) в Ливонии А.Л. Ордину-Нащокину, который имел возможность вести прямую переписку с царем без участия других русских представителей. 27 апреля 1658 г. за успешную службу ему был пожалован чин думного дворянина [2. Д. 3. Л. 8]. К другим назначенным на переговоры представителям воевода Царевичева Дмитриева присоединился лишь в начале августа 1658 г., однако задолго до этого он направлял царю свои записки относительно места проведения и возможной позиции русской стороны на переговорах.

Переговоры должны были начаться в сложной международной обстановке. Как известно, воссоединение Украины с Россией привело к русско-польской войне 1654–1655 гг., в ходе которой русские войска заняли большую часть территории Великого княжества Литовского и саму его столицу – Вильно. Когда летом 1655 г. в войну с Польско-Литовским государством вступила Швеция, его положение стало критическим, в руках шведов оказались значительные территории вместе со столицей государства – Варшавой. В этих условиях, опа-

сясь образования на своих западных границах огромной враждебной державы, царь Алексей Михайлович поспешил заключить перемирие с Речью Посполитой и весной 1656 г. объявил войну Швеции. В ходе войны была предпринята попытка решить другую важную внешнеполитическую задачу – добыть для Русского государства выход к Балтийскому морю. Летом 1656 г., овладев шведскими крепостями на Западной Двине, русская армия во главе с самим царем подступила к Риге. Таким образом, в середине 50-х годов XVII в. были предприняты серьезные попытки решить сразу две стоявшие перед Русским государством внешнеполитические проблемы: объединить под властью царя все восточнославянские земли и получить порты на Балтийском море для установления прямой торговли со странами Западной Европы. К 1658 г. не удалось добиться окончательного решения ни одной из них.

Пользуясь слабостью Польско-Литовского государства, русские политики стремились не только закрепить за собой занятые в ходе военных кампаний 1654–1655 гг. территории, но и подчинить Речь Посполитую своему влиянию, добившись соглашения о признании царя Алексея Михайловича преемником короля Яна Казимира. Вопрос о таком соглашении обсуждался на переговорах под Вильно осенью 1656 г. Принципиальная договоренность об избрании царя была достигнута, но при обсуждении вопроса об условиях, на которых Алексей Михайлович мог быть признан будущим польским королем, выявились острые противоречия между интересами сторон. Соглашаясь на избрание Алексея Михайловича, представители Речи Посполитой требовали возвращения всех территорий, потерянных в ходе войны. Окончательную позицию Речи Посполитой должны были определить решения сейма, созыв которого был назначен на июль 1658 г., но нельзя было предугадать, каковы будут его решения. Отношения между Россией и Речью Посполитой регулировало лишь краткосрочное перемирие.

Военные действия против шведов были для русской стороны в целом успешными. В 1656–1657 гг. русские войска заняли крепости на Западной Двине и такой крупный административный центр Ливонии, как Дерпт, но овладеть каким-либо из портов на балтийском побережье не удалось. Отношения между Россией и Швецией регулировало лишь перемирие, заключенное на время мирных переговоров.

Начавшаяся в 1654 г. война продолжалась уже пятый год, становилось ясно, что вести успешно войну одновременно на двух фронтах Русскому государству не под силу. Русские политики оказывались перед необходимостью сделать выбор, решить какое направление является для них более важным. С серьезными проблемами сталкивались и соседи России, Речь Посполитая и Швеция. Речь Посполитая была разорена многолетней войной, разворачивавшейся на ее собственной территории. У нее явно не доставало сил для того, чтобы вести войну одновременно с Россией и Швецией. Перед польскими правящими кругами также возникала сложная проблема выбора, с кем заключать мир, а с кем продолжать войну. Единства взглядов в этом отношении не было. Магнаты Короны, потерявшие свои владения на Украине, были сторонниками мира со Швецией и возобновления войны с Россией. Иной позиции придерживались магнаты и шляхта Великого княжества Литовского. Опасаясь, что возобновление войны приведет к полному разорению их владений, они выступали за то, чтобы попытаться вернуть утраченное мирным путем благодаря соглашению с Россией.

Серьезно осложнилось к середине 1657 г. положение Швеции. В союз, направленный против Шведского королевства, вступили с Речью Посполитой Австрия, Бранденбург и Дания. Хотя Данию благодаря быстрым и решительным действиям Карла Густава удалось вывести из войны, Швеции предстояло в дальнейшем вести войну не с одной Речью Посполитой, а с целой коалицией враждебных государств. Все это заставляло шведские правящие круги серьезно думать о мире, а возможно, и о союзе с Россией против Речи Посполитой. Но у этих как будто бы благоприятных для русской политики по отношению к Швеции перемен была и другая сторона. Обладая влиятельными союзниками, Речь Посполитая могла занять более жесткую позицию по отношению к России.

Свою оценку сложившейся ситуации и возможных перспектив ее развития, а также рекомендации возможного политического курса А.Л. Ордин-Нащокин изложил в своих письмах царю от конца марта – начала апреля 1658 г. [2. Д. 1. Л. 212–215; Д. 3. Л. 39–40]. Он полагал, что сложилась благоприятная ситуация для заключения мира со Швецией на выгодных для России условиях, так как после вступления Австрии в войну шведский король Карл Густав намерен перенести военные действия в Империю (“отворот учинить на цысаре”). Положение Польши Ордин-Нащокин оценивал как тяжелое, так как шведы заняли в Пруссии Торунь, Эльблонг и Мальборк, и тем самым “швед отнял водяные путь”, который связывал Польшу со странами Западной Европы и позволял поставлять на европейский рынок польские товары. В результате польскую столицу – Краков шведы сдали австрийским войскам в обмен на выплату определенной суммы денег, а поляки не в состоянии возместить австрийцам эти деньги. По мнению Нащокина, поляки скоро не смогут продолжать войну и вынуждены будут пойти на мир со шведами. Некоторые польские политики даже стремятся к союзу с Карлом Густавом, “чтобы Княжество Литовское к себе в послушание привести”. Сами шведы не стремятся к продолжению войны, так как не рассчитывают на прочное подчинение Польши своей власти: “вера и язык от них чужой и крепости вперед себе не чают”. Следует скорее заключить мирный договор со Швецией, “а Коруна, государь, польская за соединением с шведом будет вечно к Великой России”. Возможно, под воздействием этих записок и было принято решение о мирных переговорах.

Одновременно Афанасий Лаврентьевич сообщал царю, что в Великом княжестве Литовском “меж собою договоры чинят в поветах”, чтобы “от многово насилья от свеян” просить защиты у царя и вместе с русскими войсками воевать против шведов. Многие шляхтичи, по его словам, сообщали ему, что на сейме будут настаивать на избрании царя преемником Яна Казимира. Эти сообщения А.Л. Ордина-Нащокина были важными сигналами о настроениях литовской шляхты и планах литовских политиков, которые нашли свое выражение в ряде решений, принятых здесь в конце весны 1658 г.

О том, как шел процесс принятия решений, некоторые важные свидетельства сохранили тексты ряда составленных в это время документов. Наиболее ранний среди них – письмо великого гетмана литовского Павла Сапеги, которым он предоставлял польному гетману Винценту Госевскому полномочия для ведения переговоров о мире¹ [3. Д. 2. Л. 43, 44]. Первоначально речь шла лишь о договоренности между гетманами, но затем они позаботились о том, чтобы их инициатива получила поддержку шляхты. 29 апреля н.ст. в Бресте

¹ Письмо датировано 19 апреля н.ст. 1658 г.

собрался сеймик шляхты Брестского воеводства, который особым актом, датированным 1 мая того же года, предоставил гетманам полномочия предпринимать все необходимые для “общественного блага” действия “с помощью переговоров или войны”. Вместе с гетманами участники сеймика обязывались “стоять до последнего и их не оставить”. В тот же день аналогичное решение принял сеймик шляхты Ковенского повета [3. Д. 2. Л. 66, 78, 79]. Как видно из последующих шагов, предпринятых гетманами, речь шла о получении полномочий для ведения важных переговоров в Москве.

Решение о проведении таких переговоров было предпринято еще до созыва сеймиков. “Лист” обоих гетманов, уполномочивавший их посланца старосту ошмянского Адама Саковича вести от имени Великого княжества Литовского переговоры о мире с Россией, датирован 23 апреля н.ст. 1658 г. [3. Д. 12. Л. 103–105], но Сакович отправился в путь лишь когда инициатива гетманов получила поддержку магнатов и шляхты Великого княжества. Решения сеймиков продолжали собираться и после того, как он пересек русскую границу: соответствующие решения сеймика Жемайтии были приняты лишь 21 июня н.ст. [3. Д. 2. Л. 72 и сл.]. В письме гетмана В. Госевского к А.Л. Ордину-Нащокину упоминаются еще аналогичные решения поветов Вилькомирского, Браславского и Упитского [3. Д. 2. Л. 61]. Таким образом, гетманы сумели обеспечить поддержку своим действиям со стороны шляхты всех земель Великого княжества Литовского, не занятых русскими войсками.

Что же хотели предложить от имени Великого княжества гетманы царю и его советникам? Первые сведения на этот счет Сакович сообщил А.Л. Ордину-Нащокину, когда встретился с ним на пути в Москву 3 июня ст.ст. в 13 верстах от его воеводской резиденции Царевичева Дмитриева (Кокнезе). Речь шла о сепаратном русско-литовском соглашении, предусматривавшем, что Великое княжество перейдет под власть Алексея Михайловича, “не дожидаясь соиму Коруны Полской”. Сакович сообщил Афанасию Лаврентьевичу условия соглашения, которые предлагала царю литовская сторона, и план действий, если царь примет эти условия. Предполагалось, что в этом случае гетманы встретятся “меж Дисны и Икажна” с представителями царя, которые вручат им утвержденный Алексеем Михайловичем текст соглашения. Затем от имени Великого княжества текст соглашения должен быть предложен на сейме сенаторам и послам Польского королевства. Если коронные сенаторы “для великих своих пожитков”, которые они получают от французского и шведского королей, “княжеству Литовскому и Жмоицкому откажут”, то – пояснял Сакович Ордину-Нащокину – “от корунных на том, де, соиме впрямь Литва отлучитца” [2. Д. 1. Л. 381–386].

Некоторые дополнительные объяснения позиции, занятой Великим княжеством, Сакович дал на пути в Москву смоленскому воеводе 24 июня ст.ст., а затем – в Москве в беседе 9 июля ст.ст. с представителями царя – Богданом Матвеевичем Хитрово и думным дьяком Ларионом Лопухиным.

Он сообщил, что значительная часть коронных магнатов – маршалок и польный гетман Е. Любомирский, воевода познанский Я. Лещинский, сандомирский воевода А. Конецпольский, подचाший коронный С. Замойский хотят избрать преемником Яна Казимира “цесарева сына”, а другие – французского кандидата, “по родству королевы брата”. Поэтому когда в феврале – начале марта 1658 г. гетманы посетили созванный в Варшаве съезд сенаторов, то на нем польские сенаторы “против Виленской комиссии... многое чинили развратье”,

т.е. предлагали отказаться от Виленского соглашения между Россией и Речью Посполитой. Реакцией на действия польских политиков и стали, по словам Саковича, действия гетманов, так как литовцы “венгерского и французского королей обирать не хотят”, а отдают предпочтение кандидатуре царя [3. Д. 12. Л. 25, 85].

То, что известно о работе варшавского съезда по сведениям других источников, подтверждает правильность высказываний Саковича. На съезде ряд коронных сенаторов (в частности Е. Любомирский) выступали за заключение мира со Швецией и возобновление войны с Россией, а обращение жмудской шляхты с просьбой о скором заключении мира с этим государством было оставлено без внимания. Не меньшее значение имело и то, что на съезде было принято решение вступить в переговоры с гетманом Выговским, чтобы добиться возвращения Запорожского Войска под власть Речи Посполитой. С этой целью к границам гетманства должны были быть двинуты войска, часть которых составил бы литовский корпус во главе с П. Сапегой [4. S. 67–68]. Такой политический курс отвечал интересам коронных магнатов, рассчитывавших таким путем вернуть свои имения на Украине, но в гораздо меньшей степени интересам литовских магнатов и шляхты, которых в перспективе ожидало возобновление военных действий на территории их и так достаточно разоренных владений с неясными шансами на успех. Гораздо выгодней было бы добиться возвращения этих владений мирным путем благодаря соглашению с Алексеем Михайловичем.

А. Сакович специально пояснял, ссылаясь на переданные русской стороне тексты решений сеймиков, что, обращаясь к царю, литовские гетманы опирались на поддержку “поветной шляхты”, а сами решения в его толковании означали обязательство шляхты, “на чем гетманы с великим государем... договор учинят, так тому и быть”.

В задуманный на Литве план действий после заключения соглашения в Москве с приездом Саковича в русскую столицу были внесены коррективы. Так как Саковичу и членам его посольства стало известно, что в Вильно направляются “великие послы” во главе с Н.И. Одоевским для продолжения переговоров об избрании Алексея Михайловича на польский трон, начатых под Вильно в 1656 г., то он предложил, чтобы именно эти послы “о договоре съехались с гетманы”. С текстом договора гетманы затем направятся на сейм. Если король и Речь Посполитая по тому договору “учинить не похотят”, то соглашение вступит в силу независимо от их решения [3. Д. 12. Л. 86об.–88].

Каковы же были главные условия русско-литовского соглашения? Они были изложены прежде всего в официальном документе – “наказе”, врученном послу 13 мая н.ст. в Кейданах, в его “тайных” статьях [3. Д. 12. Л. 146–155]. Кроме того, Сакович подал советникам царя особое “письмо”, где многие “статьи” наказа были изложены в более развернутой форме и был приведен ряд дополнительных условий, которых не содержалось в “наказе” [3. Д. 12. Л. 158–173]. Кроме того, для более полного представления о целях, которые преследовали инициаторы соглашения, следует привлечь ряд высказываний Саковича на встречах с А.Л. Ординым-Нащокиным и советниками царя.

Ряд условий проекта определял положение Великого княжества Литовского под властью Алексея Михайловича. Царь должен был править Великим княжеством, основываясь на “привилеях” его предшественников – польских королей и великих князей литовских, “прав урядов, чинов и звычайев не отменяя”. Соответствующие обязательства со стороны царя должны были быть зафиксированы

не только в тексте договора, но и в особых грамотах, которые царь должен был выдать шляхте каждого из поветов Великого княжества². Магнатам и шляхте должны были быть возвращены их владения. “Урядники”, лица, занимавшие “уряды” – административные должности в Великом княжестве Литовском, должны были получить в свое распоряжение прежние “замки, уряды и дозорства”. Царь должен был дать обязательство давать “уряды” только по договоренности с литовскими сенаторами и только уроженцам Великого княжества. Наконец, из этого государства должны были быть выведены русские войска [3. Д. 12. Л. 148–149, 152, 159–161]. Таким образом, согласно условиям соглашения, Великое княжество Литовское оставалось бы особым государством, связанным с Россией лишь персональной унией.

Что касается будущих отношений с Польским королевством, то на этот счет в проект соглашения было внесено два условия: обеспечить защиту Великого княжества от возможных притязаний со стороны поляков и передачу Великому княжеству Волыни, Подляшья и Подолии – территорий, утраченных этим государством при заключении Люблинской унии 1569 г. [3. Д. 12. Л. 149–150, 154, 163]. А. Сакович заверял советников царя, что с шляхтой Волыни и Подляшья заключены уже соответствующие соглашения (“с ними договорились”) [3. Д. 12. Л. 88–89]³.

Определенное место занял в проекте соглашения и вопрос об Украине. Здесь предусматривалось, что Запорожское Войско будет находиться под властью царя и “в соединении” с Великим княжеством Литовским [3. Д. 12. Л. 89, 151, 165–166]. Об этих планах литовцы поставили в известность гетмана Выговского, отправив к нему смоленского хорунжего Храповицкого. Копии соответствующих писем гетманов А. Сакович показывал А.Л. Ордину-Нащокину [3. Д. 12. Л. 165–166; 2. Д. 1. Л. 384]. Он же сообщил, что гетман Госевский предложил Сапеге, “чтоб с Украины ближился к Кейданом” [2. Д. 1. Л. 384]. Таким образом, литовцы проявили готовность пожертвовать интересами польских магнатов при решении вопроса о судьбе Украины. В беседе с советниками царя Сакович прямо говорил, что сосуществование “черкас” и Великого княжества Литовского под властью царя вполне возможно, “а с Коруною, де, Польскою они, черкасы, соединитца отнюдь не хотят, потому что они им ни в чем не верят” [3. Д. 12. Л. 89]⁴.

Для темы данной работы особенно важно установить, решением каких внешнеполитических задач должны были заняться соединенные между собой Россия и Великое княжество Литовское. Сохранившиеся проекты соглашения дают четкий, однозначный ответ на этот вопрос. Особым пунктом в проектах соглашения предусматривалось, чтобы “в соединении” с Россией и Великим княжеством Литовским были “курфистр брандобенбургский и князь курлянский” [3. Д. 12. Л. 151] (ср. [3. Д. 12. Л. 165]). Уже этот пункт показывает, что важной задачей внешней политики двух государств, объединенных под властью царя,

² В поданном Саковичем “письме” в 7-й статье помещены выпады против лиц, не названных по имени, которые “розрывать наше насилуют панство и наших помрачения вольностей ищут” [3. Д. 12. Л. 163]. Не следует ли видеть в этом реакцию на решения Варшавского съезда, ограничивавшие практику использования “*liberum veto*”?

³ Относительно Подляшья эти утверждения Саковича находили подтверждение в решениях сеймика Брестского воеводства.

⁴ Еще более острые высказывания он сделал в беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным: “те черкасы будут нам приятели, а над поляки учнут их отступление вечно мстити” [2. Д. 1. Л. 386].

должно было стать укрепление их позиций в бассейне Балтийского моря. Характерно, что в беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным А. Сакович предлагал “промысл учинить ссылкой во Гданеск и отлучить бы от Коруны”, т.е. добиться отделения Гданьска от Польского королевства. Это вполне возможно, если царь гарантирует городу сохранение всех его привилегий и убедит курфюрста, чтобы тот “их в совет к себе принял”. Ведь Польское королевство не в состоянии защитить город от шведов и обеспечить ему свободную торговлю со странами Западной Европы, а шведы никогда не согласятся дать городу такие привилегии, какие он получил некогда от польских королей [2. Д. 1. Л. 386–387].

Эти планы относительно Гданьска, находившегося в шведской блокаде, ясно показывают, что укрепление позиций России и Литвы в Прибалтике должно было происходить за счет Швеции. И такое заключение может быть подкреплено прямыми указаниями в проекте соглашения. Так, в тексте “наказа” на царя налагалось обязательство “Ригу доступить к Великому князству Литовскому” [2. Д. 1. Л. 150–151]⁵. Другие “статьи” проекта соглашения показывают, что планы литовских политиков не ограничивались одной Ригой. Так, в “письме” предлагалось передать во владение гетману Госевскому (“покаместа жив”) Пярну, Вильянди и ряд других ливонских замков [3. Д. 12. Л. 170]. Об этом же говорят и предложения, высказанные А. Саковичем в беседе с А.Л. Ординым-Нащокиным, чтобы царь “пожаловал ево, гетмана, лифляньским губернаторством” [3. Д. 2. Л. 390]. Таким образом, предполагалось, что в результате совместных военных действий, если не вся Ливония, то ее большая часть будет отобрана у шведов. Вручая советникам царя проект соглашения, А. Сакович просил на переговорах со шведами не торопиться заключать мирный договор, так как, если Россия и Литва договорятся между собой, царь сможет “отыскать Лифлянты под свою высокую государскую руку” [3. Д. 12. Л. 92].

И высказывания Саковича, и сам текст представленных им предложений содержат ряд ясных указаний на то, какие силы в Литве в первую очередь стояли за проектом русско-литовского соглашения. Хотя Сакович представил на переговорах грамоту с полномочиями от обоих гетманов и постоянно выступал от имени их обоих, обращает на себя внимание, что ни в его высказываниях, ни в представленных им бумагах не содержалось никаких просьб о каких-либо конкретных пожалованиях великому гетману. Сам “наказ” с изложением условий соглашения был составлен 14 мая в Кейданах, где в то время находился гетман В. Госевский [3. Д. 12. Л. 126]⁶. В “наказе” говорилось о том, чтобы полному гетману была обещана передача “уряда” гетмана великого после смерти Павла Сапеги, обеспечена передача владений его после смерти жене и детям [3. Д. 12. Л. 153]. В “письме”, поданном А. Саковичем, говорилось кроме того о пожаловании В. Госевскому помимо замков в Ливонии и поста ливонского “губернатора” еще и г. Могилева, а также каких-то земель “хотя в государстве Московском, толко б не блиско шведов” [3. Д. 12. Л. 170–171]. Наконец, в самом тексте “наказа” подчеркивалась инициатива польного гетмана, который “Павла Сапегу на то привел и с ним договорился” [3. Д. 12. Л. 146]. Из других литовских политиков в “наказе” специально говорилось только о литовском канцлере К. Паце, кото-

⁵ В более осторожной форме эта “статья” сформулирована в “письме” Саковича: “Чтоб царь его милость тщался из Риги шведа выгнать” [3. Д. 12. Л. 164].

⁶ В тот же день в Кейданах была составлена грамота В. Госевского царю, переданная А. Саковичем [3. Д. 12. Л. 106–107].

рый обещал действовать совместно с гетманами и которого следовало “обнадежить ... государскою милостию” [3. Д. 12. Л. 152, 155]. Очевидно, проекты соглашения исходили в первую очередь от кругов магнатории и шляхты Великого княжества, связанных с этими политиками и заинтересованных в войне со Швецией и приобретениях за ее счет. Важная группировка, во главе которой стоял первый сенатор Великого княжества воевода виленский (на тот момент номинальный) и великий гетман Павел Сапега, хотя и дала согласие на поездку Саковича в Россию, активно в составлении проекта соглашения, судя по всему, не участвовала.

Конечно, не случайно гетман В. Госевский рекомендовал А. Саковичу перед поездкой в Москву посетить А.Л. Ордина-Нащокина. Характерно, что сделанная русским дипломатом запись высказываний литовского посланца началась со слов, что решения о поисках соглашения с Россией были приняты “по прежним съездам Афанасьевым з гетманом и по многим обсылкам” [2. Д. 1. Л. 381]. Это заставляет предполагать, что воевода был в известной мере в курсе планов литовских политиков, связанных с литовско-русским соглашением. Во всяком случае, А.Л. Ордин-Нащокин не только поддержал перед царем идею заключения соглашения с Великим княжеством Литовским, но и стал выдвигать соображения об организации переговоров со шведами, исходя из того, что такое соглашение будет заключено. Он рекомендовал царю не спешить с началом переговоров, “дожидаясь с Княжеством Литовским совершения”, а на самих переговорах поставить шведскую сторону в известность о соединении Великого княжества Литовского и России под властью одного правителя: “А шведы будут страшны, два государства в крепком соединении будут на одних на них” [2. Д. 1. Л. 391].

Учитывая эти обстоятельства, он убеждал и царя, и готовившихся выехать на переговоры русских представителей, что переговоры со шведами следует вести на Двине “меж Царевичева Дмитреева города и Риги”, в месте, где сходятся границы Курляндии, Жемайтии и “Прусской земли” [2. Д. 5. Л. 7]. К этому месту переговоров он предлагал направить войска с двух сторон – из Вильно на территорию Курляндии и с востока – из Пскова к Двине [2. Д. 1. Л. 391, 447]. В пользу такого решения А.Л. Ордин-Нащокин приводил целый ряд доводов: выбор места переговоров на Двине и концентрация в этом районе русских войск окажет давление на шведов и заставит их прекратить нападения на литовские поветы, что укрепит авторитет царя в глазах литовской шляхты. Одновременно близкое присутствие русских войск способствовало бы усилению позиций сторонников прорусской ориентации в Великом княжестве Литовском. Кроме того, обозначится неприятная для шведов перспектива совместных действий русских и литовских войск [2. Д. 1. Л. 391, 448; Д. 5. Л. 7–8, 92–93, 106, 123]. Ко всему этому добавлялся еще один важный довод – концентрация русских войск в этом районе заставит курфюрста бранденбургского и курляндского герцога разорвать свои связи со Швецией и присоединиться к русско-литовскому соглашению [2. Д. 5. Л. 8]. Позднее в беседе с доверенным лицом царя подъячим приказа Тайных дел Протасием Никифоровым он резко критиковал главу Посольского приказа дьяка Алмаза Иванова за то, что тот при заключении соглашения со шведами о прекращении военных действий на время переговоров не добился распространения его действия на Великое княжество Литовское, которое подчинилось верховной власти царя, и дал согласие провести переговоры на реке Нарове “на Ижерской земле” [5. Д. 128. Л. 74]. В этом случае, указывал он, бу-

дут утрачены дополнительные возможности влиять на положение дел в Великом княжестве Литовском, удержать его в сфере русского влияния и совместно с ним противостоять шведам.

25 июня 1658 г. в Москве была закончена работа над текстом “тайного наказа”, содержащего те условия, каких следовало добиваться на переговорах. Сохранились лишь фрагменты этого важного документа, в которых читаем, что на съезде следует добиваться согласия шведской стороны на устройство “корабельных пристаней” в Канцах (на месте позднейшего Петербурга) и около Нарвы, где, очевидно, русские купцы могли бы свободно торговать с купцами из стран Западной Европы. Кроме того, к России должны были отойти город Орешек на Неве и город “Куконос” – Царевичев Дмитриев на Двине [2. Д. 5. Л. 18–19]. Этот раздел документа позволяет сделать некоторые важные выводы об общей линии русской внешней политики накануне начала мирных переговоров. Очевидно, в Москве считали положение Швеции достаточно трудным и при заключении мира рассчитывали добиться серьезных уступок. Вместе с тем русские планы явно расходились с планами литовских политиков. Если те связывали соглашение с Россией с планами широкой экспансии в Ливонии, то русское правительство явно стремилось положить конец войне и готово было ради заключения мира уступить Швеции значительную часть территорий, занятых русскими войсками во время войны 1656–1657 гг. (в их числе такой крупный центр, как Дерпт), ограничившись тем минимумом, который обеспечил бы выход России к Балтийскому морю. Получив текст “наказа”, А.Л. Ордин-Нащокин ответил, что, когда литовцы “по утверждении Княжества Литовского под твою, великого государя, высокую руку будут в соединении с московским войском, по тем статьям не тяжело с шведы зговор чинить” [2. Д. 1. Л. 400]. Таким образом, успешное выполнение царского наказа он связывал с заключением русско-литовского соглашения.

На протяжении июня–июля 1658 г. А.Л. Ордин-Нащокин настаивал на проведении переговоров со шведами на Двине и отказывался покидать свою резиденцию в Царевичеве Дмитриеве. Он даже ссылался на то, что ранее, следуя указаниям царя, он заключил соглашение с литовским гетманом, “покаместа утвердитца Княжество Литовское под твоей, великого государя, высокою рукою, и мне, холопу твоему, ис Царевичева Дмитриева города не отдалитца и по Виленскому договору в тайне з шведом зговор не чинить” [2. Д. 1. Л. 403]. Однако его советы и предложения не были приняты во внимание. В начале августа, подчиняясь приказу царя, Афанасий Лаврентьевич выехал на встречу с другими русскими представителями, чтобы вести переговоры со шведами на р. Нарове [2. Д. 5. Л. 189, 225]. Туда же должны были двигаться из Пскова войска во главе с кн. И.А. Хованским [2. Д. 5. Л. 192, 252 и сл.]. Единственным результатом хлопот Афанасия Лаврентьевича стала царская грамота послам от 8 августа, в которой им предписывалось: “А Княжество б Литовское отговаривать от Свейские коруны к Московскому государству и стоять о том накрепко” [2. Д. 5. Л. 223].

Русско-литовские отношения летом 1658 г. также развивались не так, как предполагали В. Госевский и А.Л. Ордин-Нащокин. Посольство А. Саковича добиралось до Москвы долго, более месяца и лишь 9 июля ст.ст. (19 по н.ст.) староста ошмянский смог изложить свои предложения советникам царя [3. Д. 12. Л. 82 и сл.]. В этих условиях намеченный в Литве план действий не мог быть выполнен, и на сейм, открывшийся 10 июля н.ст. 1658 г. в Варшаве, литов-

ские сенаторы и послы отправились, не имея на руках какого-либо соглашения с Россией, которое они могли бы предъявить его участникам. Еще более важно, что беседы с А. Саковичем не привели к какому-либо конкретному результату. Отпущенное из Москвы 27 июля литовское посольство могло привезти В. Госевскому лишь сообщение, что царь, познакомившись со “статьями”, даст свои указания “великим послам”, находившимся в Вильно [З. Д. 12. Л. 177 и сл., Л. 203 и сл.]. О содержании этих указаний литовцы могли только догадываться. Объяснялось это тем, что какого-либо решения в Москве принято не было. Лишь 4 сентября царь отправил материалы переговоров с А. Саковичем к “великим послам”, советуя им “проволачивать” переговоры с представителями Речи Посполитой, пока им не пришлют “тайного наказа” из Москвы [З. Д. 86. Л. 29–31].

Осторожность, проявленная советниками царя, не была случайной. А.Л. Ордина-Нащокина привлекали те аспекты русско-литовского соглашения, которые были связаны с будущей политикой союзников в отношении Швеции, к тому же его представления о положении в Великом княжестве Литовском формировались под влиянием переписки с В. Госевским, а дьяки Посольского приказа черпали информацию и из других источников, где положение рисовалось в ином свете. Так, русский агент Иван Гебдон, ехавший в Голландию через Литву, сообщал в мае 1658 г., что к царю будут отправлены послы, чтобы его “обнадежить и укрепить прежней виленской договор, и то оне делают, чтоб им твоего великого государева войска задержать, а не истинным прямым сердцем” [2. Д. 1. Л. 329]. Письмо с аналогичными предостережениями во время пребывания А. Саковича в Москве прислал патриарху Никону полоцкий епископ Каллист. О самом Саковиче, который некогда присягал царю, епископ писал, что это “лукавой и злохитреной, лстивой человек” [З. Д. 12. Л. 174–175]. Все это вызвало сомнения в искренности намерений литовцев.

Серьезные проблемы возникали и в случае реализации проекта русско-литовского соглашения на практике. Ведь его условия предусматривали возвращение Великому княжеству всех утраченных в ходе русско-польской войны 1654–1655 гг. земель и вывод с его территории русских войск. Какая же была гарантия, что, получив все это, литовская сторона станет соблюдать другие условия соглашения? Единственной гарантией мог бы быть разрыв связей между Литвой и Польшей и подчинение Великому княжеству власти царя тотчас, а не после смерти короля Яна Казимира. Так понимал смысл соглашения А.Л. Ордин-Нащокин. А. Сакович действительно говорил об этом, но лишь как об одной из возможностей, которая будет реализована, если послы и сенаторы Польского королевства на сейме не присоединятся к русско-литовскому договору. Такое присоединение, однако, привело бы к превращению Алексея Михайловича всего лишь в будущего преемника короля Яна Казимира без каких-либо возможностей воздействия на положение дел в Польско-Литовском государстве. Неудивительно, что в Москве воздержались от немедленных решений. “Великие послы” во главе с Н.И. Одоевским должны были выяснить, что же реально стоит за литовским проектом.

Официально о поездке А. Саковича в Москву “великих послов” поставил в известность гетман В. Госевский грамотой, полученной ими 6 июля ст.ст. [З. Д. 8. Л. 94–94об.], когда литовский посланец уже находился в Москве. Однако какими-то сведениями о поездке Саковича и ее связи с проектом сепаратного русско-литовского соглашения “великие послы” располагали и раньше и по собственной инициативе решили прояснить ситуацию. 23 июня ст.ст. они отправили

гонца Д. Остафьева [3. Д. 8. Л. 174], который должен был посетить наиболее авторитетных литовских политиков, чтобы получить ответ на вопрос, действительно ли Литва готова порвать свои связи с Польшей и соединиться с Россией.

В первых числах июля он встретился с первым сенатором Великого княжества – воеводой виленским и великим гетманом П. Сапегой. Сапега сообщил, что литовские послы и сенаторы отправились на сейм добиваться, чтобы было принято решение о мире с Россией и выборе Алексея Михайловича преемником Яна Казимира [3. Д. 8. Л. 180–181]. Он подтвердил, что Сакович поехал в Москву с его согласия и что если на сейме не будет принято таких решений, и Польша станет заключать мир со шведами, то он не видит другого выхода кроме заключения соглашения с Россией [3. Д. 8. Л. 181–182]. Но одновременно на дважды заданный вопрос, может ли отделиться Литва от Польши, он ответил самым отрицательным образом (“никак отступить от них не мочно”, “от Коруны Полские не отступим”), поясняя: “Смешались мы с ними и верою, и поженились, и маетности помешались” [3. Д. 8. Л. 183, 185]⁷. Как бы дезавуируя сообщения Саковича о поддержке проекта соглашения “поветной шляхтой”, великий гетман заявил, что проект соглашения был обдуман в узком кругу политиков (“сенаторей и великих человек з десять”), “а то, де, никто, никакой человек не ведает у нас, с чем Адам Сакович послан”. О самих инициаторах проекта – Госевском и Паце он также отозвался нелестно (“и тот, де, помутил да и канцлер Пац такой же”) [3. Д. 8. Л. 185]. Эти высказывания ясно показывают, что П. Сапега одобрил проект соглашения с большими колебаниями и готов был взять назад свое согласие. 2 июля к гетману приехали гонцы от Выговского, которых он постарался скрыть от русского гонца, но Д. Остафьеву позднее удалось узнать, что гонцы приехали договариваться с Сапегой, “чтоб татар от себя не отпустить, итти бы воевать государевы украинные города” [3. Д. 8. Л. 187, 208].

Важное значение имела и состоявшаяся 7 июля беседа с виленским епископом Яном Завишей. Тот прямо заявил, что ничего не знает о посольстве Саковича, а о инициаторах проекта В. Госевском и К. Паце дал крайне неблагоприятный отзыв: “Гансевской и канцлер Пац такие великие франты, пуще их у нас во всей Литве нет, никак тому верить нечему” [3. Д. 8. Л. 191, 197]. Наконец, к 9 июля в руках “великих послов” оказалась копия письма к В. Госевскому от еще одного влиятельного литовского политика – Богуслава Радзивилла, в котором доказывалось, что война с шведами не принесет Речи Посполитой никаких выгод, “понеж нас до Лифлянт Москва не пустит, а за море трудно”. Лучше – доказывал он – возобновить войну с Россией в союзе с Крымом и запорожскими казаками [3. Д. 8. Л. 288–292].

Неудивительно, что, располагая такими сведениями, “великие послы” в июле 1658 г., когда В. Госевский стал настойчиво добиваться встречи с ними еще до начала официальных переговоров между Россией и Речью Посполитой⁸, не проявили большого желания с ним встречаться, и встреча так и не состоялась.

⁷ “От Короны не отлучаемся”, – уже по своей инициативе сказал П. Сапега гонцу при отъезде [3. Д. 8. Л. 190–191].

⁸ См. грамоту В. Госевского “великим послам”, полученную ими 6 июля ст.ст. [3. Д. 8. Л. 94–94об.], грамоту послов Алексею Михайловичу [3. Д. 8. Л. 294 и сл.], грамоты В. Госевского А. Саковичу и А.Л. Ордину-Нащокину [3. Д. 2. Л. 59–63] и царю от 27 июля н.ст. [3. Д. 2. Л. 89–90].

Будущее развитие отношений между Россией и Речью Посполитой должны были определить решения сейма, собравшегося 10 июля н.ст. 1658 г. в Варшаве.

В августе 1658 г., наконец, начались сношения между русскими и шведскими дипломатами, но в течение длительного времени дело не доходило до собственно переговоров, так как стороны не могли договориться о месте их проведения. Как правильно отметила Е.И. Кобзарева, обе стороны сознательно затягивали переговоры [1. С. 206–207]. Для этого у них были разные мотивы. Поведение шведских дипломатов определялось военными планами Карла Густава, целью которого было завоевание Дании и объединение трех скандинавских стран под его властью. 18 августа шведские войска высадились в Зеландии, а 21 осадили Копенгаген. В таких условиях шведский король был заинтересован в спокойствии на границе с Россией. Соглашение о прекращении военных действий на время переговоров идеально отвечало этой цели.

Иными мотивами руководствовался А.Л. Ордин-Нащокин, оказывавший определяющее воздействие на ход переговоров. Имело значение то, что по оценке главы посольства князя И.С. Прозоровского, думный дворянин “немецкое дело знает и их немецкие нравы ведаёт” [5. Д. 128. Л. 70], а еще больше то, что именно Нащокину царь поручил добиваться выгодных условий мира со Швецией. Мотивы действий А.Л. Ордина-Нащокина позволяет выяснить запись беседы царского посланца подъячего Приказа тайных дел Протасия Никифорова с князем И.С. Прозоровским 28 сентября 1658 г. У посланца князь хотел выяснить, как складывались осенью 1658 г. отношения царя с поляками. При этом он заметил, что Ордин-Нащокин “в поляках сумневается и говорить, что Гансевской и Литва великому государю верны”. Когда князь стал выражать сомнения, что им “верить еще нельзя, потому что на них крепости никакие не взято”, то Нащокин заявил, ссылаясь на грамоту из Посольского приказа, “что Литва под государевою высокою рукою” [5. Д. 128. Л. 72]. Таким образом, еще и в конце сентября Афанасий Лаврентьевич считал соглашение с Литвой делом реальным. Очевидно, он и затягивал переговоры до “завершения литовского дела”, что позволило бы выступать по отношению к шведам с более выгодной позиции. Это неудивительно, потому что ему не были известны те сведения, которыми располагали “великие послы” в Вильно. Е.И. Кобзарева правильно отметила, что отсутствие связи между одновременно действующими дипломатическими миссиями в Вильно и на шведской границе серьезно мешало участникам переговоров со шведами в поисках правильной политической линии [1. С. 208–209, 211].

Пока затягивались переговоры со Швецией, стали серьезно осложняться русско-литовские отношения. П. Сапега не обманывал русского гонца, утверждая, что литовские послы и сенаторы направились на сейм с твердым намерением добиться решения об избрании Алексея Михайловича преемником короля Яна Казимира. Принятые сеймом в конце августа 1658 г. решения соответствовали требованиям литовцев, тем более что сохранялась угроза их сепаратного соглашения с Россией⁹. Комиссары, назначенные на переговоры, были наделены полномочиями выдать царю “диплом” об избрании. Все это, однако, лишь в том случае, если он одобрит условия, которые они ему предложат. Условия эти

⁹ Помимо краткого сообщения Я. Лещинского [4. S. 128] см. также свидетельство литовского посла М. Россохацкого: “И сказали корунным: буде коронные ими, литовскими, о миру с царским величеством промышлять не хотят, и они, де, литовские от Корунны оторвутца, и учнут сами о себе промышлять и государя себе искать” [3. Д. 9а. Л. 101].

были изложены в особом документе, работа над которым была завершена 25 июля н.ст.¹⁰. Главным из них было возвращение Речи Посполитой всех территорий, занятых русскими войсками во время войны 1654–1655 гг. и восстановление ее власти над Украиной. Кроме того, царь обязывался оказать военную помощь для возвращения Ливонии под власть Речи Посполитой. Лишь Смоленская земля могла остаться под властью царя до его вступления на польский трон, но магнатам и шляхте, а также католическим духовным учреждениям должны быть возвращены все их владения на этой территории. Как справедливо отметил Л. Кубала, польско-литовская сторона, по существу, повторяла условия, выдвинутые во время виленских переговоров 1656 г., которые тогда же были резко отклонены русскими представителями [4. S. 131–132]. Царю снова предлагалось отказаться от всех результатов, достигнутых в ходе войны, в обмен на обещание возвести его на польский трон после смерти Яна Казимира без каких-либо гарантий выполнения этого обещания. Временное сохранение в его руках Смоленской земли такой гарантией быть не могло.

Со своей стороны, и русское правительство придерживалось прежней линии. Наказ, врученный в мае 1658 г. Н.И. Одоевскому и его товарищам, предусматривал сохранение русской власти над Запорожским войском и включение в состав России территорий Великого княжества Литовского на восток от реки Березины (см.: [3. Д. 7]). С началом переговоров все это должно было привести к резкому столкновению интересов сторон. Так и случилось.

Положение дел “великие послы” могли уяснить еще до начала официальных переговоров. Первые сведения о решениях сейма стали поступать уже в первой половине августа [3. Д. 8. Л. 403], их истинность подтверждали новые свидетельства. Особенно подробное сообщение дал послам писарь М. Россохацкий, бывший послом от Трощкого воеводства [3. Д. 9а. Л. 101–105]. Начало переговоров полностью подтвердило их соответствие действительности. На встрече 18 сентября ст.ст. комиссары подали условия, которые польско-литовская сторона представляла на “прежней комиссии”, и заявили, что уступок никаких не будет, “и им сверх инструкции прибавить ничего не уметь” [3. Д. 9б. Л. 137, 141, 147]. 20 сентября послы сообщили об этом царю [3. Д. 9б. Л. 149].

Одновременно стала опасно осложняться ситуация на Украине. Чтобы подавить своих противников в Гетманстве, казацкая верхушка во главе с Выговским весной 1658 г. вступила в союз с Крымским ханством, враждебным России. Одновременно начались поиски сближения с Речью Посполитой. Появились первые проекты соглашений о переходе Запорожского Войска под власть Речи Посполитой [4. S. 102–106; 6. С. 305–316, 325–327; 7. С. 269 и сл.]. 4 августа 1658 г. гетман сообщил королю Яну Казимиру, что готов способствовать подчинению Запорожского Войска Речи Посполитой и принять участие на ее стороне в войне с Россией [4. S. 107]. В августе на территории гетманства начался сбор войска. О тайных польско-украинских переговорах в Москве, конечно, не были осведомлены, но объявленный гетманом сбор войска вызвал беспокойство. Нападение брата Выговского Данила на Киев 2 сентября 1658 г. могло это беспокойство только усилить. Переговоры с русским посланником В.М. Кикиным в начале сентября не разрядили обстановки. Хотя открытого разрыва не произошло, гетман отказался дать объяснения по поводу созыва войска и не захотел его распустить, не захотел разорвать отношения с татарами и не выполнил

¹⁰ Текст документа опубликован: [4. S. 554–560].

приказ царя о посылке двух полков на подкрепление стоявшей на польской границе армии кн. Ю.А. Долгорукого (см.: [6. С. 333–343]).

В этой сложной ситуации в Москве колебались с принятием решения. Как видно из переписки “великих послов”, к началу переговоров с польско-литовскими комиссарами они так и не получили от царя “тайного наказа”, в котором определялись бы реальные условия мирного соглашения с Польско-Литовским государством [3. Д. 9а. Л. 188]. Однако поиски мирного соглашения со Швецией становились все более важными. 5 октября царь приказал послам согласиться на ведение переговоров в месте, которое предлагали шведы, – Валиесаре. “А за места б, – говорилось в царской грамоте, – съезду не учиня, не розъехатца б” [2. Д. 6. Л. 95]. Когда эта грамота 17 октября была доставлена послам, в ходе русско-шведских переговоров начались реальные сдвиги.

В начале октября русские послы на ливонской границе не имели ясного представления о неблагоприятных переменах в международном положении России, которые вызывали такое серьезное беспокойство у руководителей Посольского приказа. Как верно отметила Е.И. Кобзарева, послы в это время не получали сведений ни из Москвы, ни от “великих послов” из Вильно. Единственным источником информации в этих условиях стали для них письма гетмана В. Госевского, которые пересылал А.Л. Ордину-Нащокину его сын Воин, замещавший отца в Царевичеве Дмитриеве [1. С. 211]. Письма гетмана от 24 сентября н.ст. содержали весьма важную информацию о международном положении Швеции. На переговорах шведские “дворяне” хвастались успехами Карла Густава в Дании: Копенгаген взят приступом, датский король погиб, члены его семьи попали в плен [2. Д. 6. Л. 163]. Письма В. Госевского¹¹ рисовали ситуацию в ином свете. Шведская армия завязла под Копенгагеном, не в состоянии взять датскую столицу, а к ней на помощь идут войска союзников: по морю – голландская эскадра, по суше – войска австрийского генерала Монтекукколи, бранденбургского курфюрста и польские во главе с С. Чарнецким. “А ныне время на шведа, – писал В. Госевский, – со всех сторон утиснен”. Одновременно он выражал надежду на скорое успешное окончание переговоров под Вильно, в которых он намерен в ближайшие же дни лично принять участие. После заключения мира, – писал он, – возможен совместный поход литовских войск, войск бранденбургского курфюрста во главе с Б. Радзивиллом и армии Ю.А. Долгорукого в Ливонию против шведского генерала Дугласа. “И до отца своего учини ведомо, – писал гетман, обращаясь к Воину, – чтоб не спешил в миру с шведы, а то истинным словом обещаюся, что с нами (т.е. с Польско-Литовским государством. – Б.Ф.) мир”. Действительно, располагая такими сообщениями следовало затягивать переговоры, ожидая дальнейшего ухудшения положения Швеции и заключения союза против нее с Речью Посполитой.

Сообщения В. Госевского об ухудшении положения Швеции вскоре получили подтверждение из других источников. Так, предпринятые расспросы “купеческих людей” показали, что шведам так и не удалось поставить под свой контроль Зундский пролив [2. Д. 6. Л. 147]. Затем пришли известия о неудачном штурме Копенгагена, вступлении войск союзников на территорию Голштинии и приходе в Зундский пролив на помощь защитникам Копенгагена голландской эскадры [2. Д. 6. Л. 203, 381]. Одновременно русским представителям стало известно, что в Ливонии нет значительных шведских войск и шведские

¹¹ Переводы писем см.: [2. Д. 6. Л. 173–175].

военачальники не рассчитывают на приход подкреплений [2. Д. 7. Л. 23–24]. Когда к середине ноября русские представители уяснили себе положение дел, одновременно стало ясно, что у них нет возможности использовать эти трудности в положении Швеции для того, чтобы принудить шведскую сторону к уступкам. Положение под Вильно складывалось таким образом, что о каких-либо планах совместного похода против шведов не могло быть и речи.

Выявившиеся уже при первых встречах русских и польско-литовских представителей резкие противоречия интересов сторон продолжали сохраняться, и новые встречи не принесли каких-либо перемен. В начале октября переговоры были прерваны на четыре недели и 9 октября ст.ст. “великие послы” сообщили царю о своем намерении покинуть Вильно. При этом не было заключено какого-либо соглашения о прекращении на это время военных действий [4. S. 141–143]. Создававшаяся тем самым напряженность дополнительно усиливалась тем, что обе стороны прибегали к военным демонстрациям, чтобы оказать давление на противника.

С приходом в Вильно “великих послов” на берегах реки Вилии была сосредоточена значительная русская армия во главе с одним из лучших русских воевод кн. Ю.А. Долгоруким [8. С. 118–119]. Одновременно к границам стали двигаться войска литовских гетманов. Король Ян Казимир побуждал их к активным военным действиям, полагая, что поражение, нанесенное армии кн. Ю.А. Долгорукого, заставит русскую сторону пойти на уступки на мирных переговорах [4. Dod. № XXXV. S. 572–573]. Гетманы на это не пошли, но в ряде мест их военные отряды перешли границу и вступили на контролировавшуюся русскими властями территорию. В начале сентября войска П. Сапеги перешли Неман и вступили на территорию Гродненского повета [3. Д. 9а. Л. 38–39]. Тогда же его отряды пришли и в Новогрудский повет. Как сообщал “великим послам” новогрудский воевода Д. Ильфов, “мы от тех желнырей (солдат. – Б.Ф.) сидим в осаде” [3. Д. 9а. Л. 135–136]. Одновременно на берегах рек Вилии и Свентой появились “загоны” из войска В. Госевского [3. Д. 9а. Л. 165]. К концу сентября П. Сапега “со всем своим войском пришел к Вильне и стал... от Вильны в дву милях”, перерезав дороги, ведущие к Новогрудку, Гродно и Минску [3. Д. 9б. Л. 247]. Несмотря на требования с русской стороны, он отказался отводить войска [3. Д. 9б. Л. 261–262]. В начале октября на территорию виленского повета пришло и войска во главе с В. Госевским [3. Д. 9б. Л. 258]. Положение было тем более напряженным, что, прерывая переговоры, комиссары Речи Посполитой заявили: “Коли, де, царское величество завоеванных городов за свое государское обиранье не уступит, и они, де, комиссары посольство свое розрывают, а кому, де, что надобно будет, и тот своего отыскивать учнет” [3. Д. 9б. Л. 289]. В этой напряженной обстановке дело дошло 10 октября до сражения под Верками между армией Ю.А. Долгорукого и войском В. Госевского. Польный гетман потерпел поражение и попал в плен. После этого произошли столкновения его армии с войском П. Сапеги (см.: [8. С. 119; 4. S. 147]). Переговоры были прерваны, и Россия и Речь Посполитая оказались фактически в состоянии войны.

Одновременно положение на Украине все более осложнялось. В сентябре 1658 г. на раде в Гадяче было принято решение о возвращении Запорожского Войска под власть Речи Посполитой. На Левобережной Украине начались военные действия между войсками И. Выговского и его татарских союзников и армией кн. Г.Г. Ромодановского [6. С. 283–285, 344–347]. В конце 1658 г. в Моск-

ве стали организовывать для посылки на Украину большую армию во главе с кн. А.Н. Трубецким¹².

Перемены на Украине сказались и на положении в Белоруссии, часть которой занимали казацкие полки во главе с Иваном Нечаем. Подталкивая литовских гетманов к войне с кн. Ю.А. Долгоруким, король рассчитывал, что Нечай ударит по тылам его армии [4. Dod. № XXXVI. S. 573]. До этого дело не дошло, но в конце сентября 1658 г. начались столкновения между казаками Нечая и русскими ратными людьми. Нечай “бунты великия завел и дороги отнял круг Могилева” [3. Д. 1. Л. 65]. Тогда же казаки взяли штурмом Новый Быхов и взяли в плен воеводу [3. Д. 96. Л. 188].

Русские послы на ливонской границе не сразу могли сориентироваться в положении дел. Они не получали никаких официальных сообщений ни из Москвы¹³, ни из Вильно. Главным источником информации для них стали сведения, которые собирал в Царевичеве Дмитриеве Воин Нащокин. Первые вызывающие беспокойство сообщения пришли 15 октября. Возвратившиеся из Полоцка солдаты сообщали о нападениях “черкас” на “московских людей” в Бешенковичах, Лукомле, Черее, от чего “в Полоцке страхи великие” [2. Д. 6. Л. 143]. Положение окончательно прояснилось к концу месяца. В начале ноября Воин смог сообщить отцу о сражении под Верками, о волнениях среди шляхтичей в Полоцком и Витебском поветах, о сборе под Киевом казацкого войска, “промышляют над государевы городаы” [2. Д. 6. Л. 200, 203]. Происходившие перемены в русско-польских отношениях сказались и на территории, прилегавшей к Царевичеву Дмитриеву. 28 октября большой отряд шляхты из Браслава и Икажна, около 700 человек, занял город Друю и захватил находившиеся там хлебные запасы. Лишь 11 ноября этот отряд удалось выбить из города [2. Д. 6. Л. 384–387]. Воин сообщал отцу, что собирает продовольствие и готовит Царевичев Дмитриев к осаде [2. Д. 6. Л. 425].

Послам пришлось приспособлять свои планы к менявшейся ситуации. 4 ноября, еще до начала переговоров со шведами, они обратились к царю с просьбой дать указания на случай, если теперь после возобновления военных действий между Россией и Речью Посполитой шведы поднимут вопрос о “соединении на общего неприятеля на польского короля” [2. Д. 6. Л. 117].

К тому времени, когда 17 ноября ст.ст. в Валиесаре начались переговоры между русской и шведской делегациями, положение Швеции продолжало ухудшаться. После вступления войск союзников в Голштинию герцог Голштинский, союзник Карла Густава, объявил о своем нейтралитете, а главное – голландская эскадра, нанеся поражение шведскому флоту, прорвала блокаду Копенгагена. Это означало провал военной кампании шведского короля. Сохранение мира с Россией становилось необходимым, но шведы, зная о возникших у русской стороны осложнениях¹⁴, рассчитывали добиться мирного соглашения, не идя на уступки. Русская запись переговоров в Валиесаре [2. Д. 8] позволяет составить четкое представление о линии поведения шведских послов на первом этапе переговоров, когда обсуждался вопрос о заключении “вечного мира” между Россией и Швецией. Они категорически настаивали на

¹² Его поход начался 15 января 1659 г. (см.: [8. С. 121]).

¹³ Лишь 21 декабря к ним пришла царская грамота с сообщением о сражении при Верках и нападении войск И. Выговского на Киев [2. Д. 8. Л. 513–514].

¹⁴ См. упоминание в отписке русских представителей, что одним из источников информации о сражении под Верками стали для них “дворяне” шведского посольства [2. Д. 6. Л. 117].

том, что “вечный мир” может быть заключен лишь на условиях Столбовского договора, и одним из его пунктов должен стать полный отказ русской стороны от всяких притязаний на Ливонию¹⁵. Вместе с тем они заявляли, что для войны между Россией и Швецией никаких причин не было, все это – “наших неприятелей злые хитрости” (в качестве конкретных виновников “ссор” упоминались австрийские посредники на переговорах под Вильно в 1656 г. и “ведомой бездельник гетман Гасевской”) [2. Д. 8. Л. 396–397, 406, 421]. Шведские послы предлагали заключить не только мир, но и союз между Россией и Швецией, “чтобы мстить собча убытки над общим недругом над польским королем” [2. Д. 8. Л. 395, 431]. Такой союз должен был облечь положение Швеции в борьбе с враждебной коалицией и примирить Россию с потерей ее завоеваний в Ливонии. Но полномочий ни для заключения союза, ни для заключения мира на предложенных шведской стороной условиях русские послы не имели. К 25 ноября переговоры о заключении “вечного мира” зашли в тупик. В этот день послы сообщили о сложившемся положении царю в Приказ Тайных дел [2. Д. 6. Л. 566–567].

К концу 1658 г. русское правительство оказалось перед неприятной перспективой одновременного ведения войны на нескольких фронтах: в Литве и Белоруссии – против Речи Посполитой, на Украине – против Запорожского Войска, в Ливонии – против Швеции, если бы с ней не удалось заключить мирного соглашения. В Москве отдавали себе отчет в том, что для страны, которая вела военные действия уже пять лет, такая война была бы непосильна. Предстояло сделать выбор. О характере принятого решения дают представление грамоты, отправленные 7 декабря ст.ст. из Москвы в ответ на донесение послов.

В первой из этих грамот предлагалось заключить “вечный мир” со Швецией, удовлетворившись минимальными уступками со шведской стороны: уступка двух пограничных городков и рыбных ловель по обеим сторонам реки Наровы. Одновременно русские представители должны были поднять вопрос о заключении соглашения, “как нам, великому государю, и королю их в соединении на общего неприятеля стоять”. При этом, правда, подчеркивалось, что следует вести переговоры “не скорым обычаем, малыми поступками” и соглашаться на указанные условия “по самой конечной мере” [2. Д. 7. Л. 56–64]. Уже после ее написания текст грамоты был дополнен припиской, которую сделал глава Посольского приказа Алмаз Иванов “по государеву имянному указу и по боярскому приговору”. В ней говорилось, что, если не удастся добиться уступки двух пограничных городков, то следует и их уступить, чтобы “разрыву не учинить и без дела не разъехатца” [2. Д. 7. Л. 65].

Вторая из грамот, датированная тем же числом, давала русским послам полномочия для ведения переговоров со Швецией о союзе с Речью Посполитой, чтобы компенсировать сделанные “поступки” за счет “общего неприятеля”. В грамоте намечались и возможные зоны действия будущих союзников: объектом действия русских войск должны были стать “Великого княжества Литовского города и места по старые рубежи”, а шведские войска должны были действовать на территории Польского королевства. При этом Алексей Михайлович не хотел заходить в сближении со Швецией слишком далеко и тем ограничивать свободу действий в будущем. По соглашению стороны должны были сохранить за собой право вести сепаратные переговоры с Речью Посполитой [2. Д. 7. Л. 67–68].

¹⁵ См. в “речи” шведских послов, переданной русским представителям 21 ноября: “Российскому государству во веки веков никакие права над Ливонскою землею не иметь” [2. Д. 8. Л. 410].

Наконец, третья из грамот предписывала добиться уступок со шведской стороны, обещая за это заключить соглашение о совместных действиях против Речи Посполитой. Однако, если бы этого не удалось добиться, “и вы б, – говорилось в грамоте, – по самой по последней мере с свейскими послы помирились по Столбовскому договору” [2. Д. 7. Л. 69–70].

Таким образом, в Москве было принято решение заключить “вечный мир” со Швецией, чтобы сосредоточить все силы на борьбе с Речью Посполитой за украинские и белорусские земли. Этой цели должен был служить и возможный военно-политический союз со Швецией.

Эти грамоты были получены русскими представителями 11 декабря [2. Д. 8. Л. 488 и сл.], когда между сторонами были согласованы основные пункты соглашения о перемирии между двумя государствами. Переговоры о заключении перемирия начались 25 ноября по инициативе русской стороны [2. Д. 8. Л. 433]. Вероятно, такая возможность была предусмотрена в не сохранившейся части посольского наказа. Шведские представители пытались добиться возвращения части утраченных территорий, но русские проявили твердость, а средствами давления в сложившейся ситуации шведы не располагали. Но со своей стороны русским представителям не удалось добиться заключения соглашения о перемирии на длительный срок (русскую запись переговоров о перемирии см.: [2. Д. 8. Л. 435–502]). 20 декабря договор о трехлетнем перемирии, по которому все земли, занятые русскими войсками во время войны 1656–1658 гг., остались в составе Русского государства, был скреплен присягами представителей обеих сторон [2. Д. 8. Л. 503 и сл.].

Такой итог переговоров был расценен в Москве как несомненный успех, и русские представители получили щедрые пожалования от царя: помимо шуб и кубков И.С. Прозоровский получил 6000 ефимков “на вотчину”, А.Л. Ордин-Нащокин – 5000 [2. Д. 8. Л. 528 и сл.]. В “речах”, которые зачитывались членами посольства на торжественном приеме у царя 7 января 1659 г., подчеркивалось, что договор будет способствовать продолжению польско-шведской войны и ослаблению Речи Посполитой: “Полунощной лев зубы свои на орла белого обращает”, а тот “от льва уязвленного страшен ... и лев к гнезду его припущен твоими, великого государя, промышленники” [2. Д. 8. Л. 521–522]. Содержание “речей” ясно показывает, в чем видели в Москве значение заключенного соглашения.

С этого момента тяжелая и трудная проблема выбора для руководителей русской внешней политики на время перестала существовать. Однако стратегически важное решение было принято. Сохранение Украины и Белоруссии под русской властью было признано более важным делом, чем решение балтийского вопроса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 годах. М., 1998.
2. Российский государственный архив древних актов. (РГАДА). Ф. 96 (Сношения России со Швецией), 1658 г.
3. РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей), 1658 г.
4. *Kubala L.* Wojny duńskie i pokój oliwski. 1657–1660. Lwów, 1922.
5. РГАДА. Ф. 27 (Приказ Тайных дел).
6. *Грушевський М.С.* Історія України–Руси. Київ, 1936. Т. X. Ч. 1.
7. *Яковлева Т.* Гетьманщина в другій половині 50-х років XVII століття. Причини і початок Руїни. Київ, 1998.
8. *Мальцев А.Н.* Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974.

© 2005 г. М. А. КОРЗО

О СТРУКТУРЕ И СОДЕРЖАНИИ БУКВАРНЫХ КАТЕХИЗИСОВ МОСКОВСКОЙ ПЕЧАТИ XVII – НАЧАЛА XVIII века¹

Тема катехизисов в составе школьных учебников возникла в процессе изучения формирования катехетической традиции в Православной Церкви Речи Посполитой в конце XVI–XVII вв. Оказалось, что существует массовая и весьма интересная разновидность катехизисов, издававшихся в качестве составной части букварей². Зачастую эти тексты (наряду с традиционными молитвами) служили базовым материалом для освоения навыков чтения, т.е. многократно проговаривались и, таким образом, усваивались. Оставляя в стороне вопрос о том, насколько это усвоение имело осознанный характер, а насколько было лишь механическим запоминанием, можно, как представляется, рассматривать букварные катехизисы как своего рода минимум богословских знаний, который излагался в школе.

В данном исследовании хотелось бы остановиться на характеристике катехизисов, входящих в состав букварей московской печати XVII – начала XVIII вв.; выявить их возможные источники и определить степень влияния (с определенного времени, как представляется, взаимного) московской и украинско-белорусской традиций. Под катехизисом в данном случае понимается изложение основных положений веры и христианской нравственности как в форме вопросов и ответов (диалог учителя и ученика, наставника и послушника, т.п.), так и простого повествования. В отличие от системного изложения христианской догматики (богословской суммы) букварный катехизис лаконичен и прост, не обращается (за редким исключением) к сложным или спорным вопросам богословия³.

История букварей московской печати начинается с издания Василия Федорова Бурцова 1634 г. “А сїя азбука, о(т) книги осмочастныя. сирѣчь грамма-

Корзо Маргарита Анатольевна – канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института философии РАН.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке “Фонда содействия отечественной науке”.

² Вслед за А.А. Крумингом, букварем будем называть “пособие для обучения чтению, имеющее форму брошюры или небольшой книги, а азбукой – подобное же пособие, но меньшего объема (не более 4 страниц), напечатанное в виде листовки, таблицы и т.п.” [1. С. 74]. Азбуки в данном исследовании не учитываются.

³ В данном исследовании не рассматривается непосредственно грамматический материал учебников, а также не анализируются присутствовавшие в каждом букварном издании молитвы. Их состав и последовательность соответствовали, как правило, Часословам.

тикий". В настоящее время исследователям доступно 11 изданий букварей XVII в.⁴ и 4 издания букварей кирилловской печати начала XVIII в. [7]⁵. После этого учебная литература начинает выходить преимущественно гражданским или смешанными шрифтами [8].

Фактически изданных букварей было значительно больше: по некоторым подсчетам в 1633–1695 гг. на Московском Печатном дворе было выпущено как минимум 28 изданий букварей и азбук-прописей (последние – в виде свитков) [9. С. 20–21]. Для XVIII в. известно 19 азбук и 42 букваря; выпущено было, вероятно, значительно больше, о чем свидетельствуют “реестры продажным книгам” одной только Московской Синодальной типографии [10. С. 34].

Составленный Бурцовым букварь 1634 г. в содержательном и структурном отношении близок Львовской азбуке Ивана Федорова 1574 г. [11. С. 150–151], но в нем появляются и новые элементы: например, пространное послесловие и трактат Черноризца Храбра. Последний в составе букваря был впервые опубликован Иваном Федоровым в Остроге ок. 1578 г. Помимо Львовского издания 1574 г., заметно сходство букваря 1634 г. с Виленскими изданиями грамматик (тип. Мамоничей: 1618 г. – два издания, 1621 г.), которые также во многом опирались на ранние буквари Ивана Федорова.

С 1634 г. в оформлении изданий Бурцова также появляются элементы, которые свидетельствуют о его связях с типографией белорусского печатника Спиридона Соболя (ум. 1645) [12. С. 141].

Второе – существенно расширенное издание букваря Бурцова вышло в 1637 г. Издатель добавляет “Предисловіе вкратцѣ первоучебнѣй сей малѣй книжицѣ азбуцѣ”, за которым следует написанное риторическими двоестрочиями (так называемым говорным стихом) поучение для детей “Сія зримая малая книжица”. Изложение собственно грамматического материала открывается подтитлом “Началное оученіе ч(е)л(ове)ко(м) хотящи(м) разумѣти о(т) б(о)ж(ес)твенаго писанія”. Но самое главное, что именно в букваре 1637 г. помимо традиционной молитвенной части появляется самостоятельный катехизис. Он начинается непосредственно после изложения грамматики перечислением десяти заповедей Ветхого Завета (по тексту Исх. 20). За декалогом следуют разделы: “Двѣ заповѣди ветхаго завѣта внихъже весь законъ и Пр(о)р(о)цы висятъ” (заповедь любви к Богу и ближнему), “Шесть совершенствъ новаго завѣта, совершающи(х) заповѣди ветхаго завѣта” (уточнение Христом предписаний закона в Нагорной проповеди), “Девять бл(а)женствъ І(с)ус(омъ) Х(ристо)мъ г(оспо)дѣмъ н(а)шимъ предана на(м)”, “Три добродѣтели б(о)гословія, имиже б(о)гъ вочл(о)в(е)це(х) почитае(т)ся”, “Четыре добродѣтели еѵ(анге)льскія”, “Седмъ тай(н) новаго завѣта” (таинства), “Седмъ

⁴ Бурцова, 20.VIII.1634 г. (ГИМ, Хлуд.печ.119); Бурцова, 8.II.1637 г. (ГИМ, Цар.А.252); Московского Печатного двора: 1657 г. (Музей Книги, РГБ, инв.5418); 1664 г. (МК, инв.5419); 28.IX.1667 г. (МК, инв.1506); 28.IX.1669 г. (МК, инв.5464); Карiona Истомина, III.1694 г. [2]; Карiona Истомина, 4.VI.1696 г. (МК, микрофильм 1–61/12723) [3]. Р. Клеминсон называет также (предположительно московские) издания 1688 г. (Лондон, Библиотека Британского музея) и 1698 г. (Копенгаген, Королевская Библиотека) [4. Р. 24]. Букварь 1698 г. (называя его третьим изданием Бурцовского букваря) упоминали также другие исследователи [5. С. 323; 6. С. 114].

Издавания 1688 и 1698 гг. для анализа недоступны.

⁵ Московские издания: Славяно-греко-латинский Федора Поликарпова, VI.1701 г. (МК, инв.8226); VIII.1704 г. (МК, инв.792); V.1708 г. (МК, инв.765). Типография Александрo-Невского монастыря в Санкт-Петербурге: Феофан Прокопович, V.1721 г. (МК, инв.3471) [7. №№ 2, 40, 71].

даровъ д(у)ха с(вя)таго”, “Девять плоды д(у)ха чл(о)в(е)ча о(т) д(у)ха с(вя)таго бл(а)годати, в немъ раждающійся”, “Седмъ грѣхов тяжчайшихъ”, “Седмъ дѣлъ м(и)л(осе)рдїя”, “Три добродѣтели добротворенїя”, “Три совѣты г(ос)подни”, “Правда естественная” (положительная или предписывающая формулировка так называемого золотого правила), “Правда законная”, “Пять чувствъ тѣлесны(х)”, “Четыре вещи послѣднїи” (эсхатология).

Высказывалось мнение, что Бурцов дополнил свой букварь под влиянием букваря Спиридона Соболя, изданного в Могилеве в 1636 г. [13. С. 48]⁶. Это наблюдение представляется неверным. Гораздо более вероятно, что Бурцов использовал другое, более раннее издание Соболя (Кутейно, 1631)⁷. В пользу этого предположения может свидетельствовать то, что в издании 1636 г., помимо символа веры I и II Вселенских соборов (т.е. никейско-константинопольского), приводятся два других символа: исповедание веры, приписываемое Афанасию Александрийскому, и исповедание Амвросия Медиоланского и Августина (фактически, латинский гимн “Te Deum laudamus”). Этих символов в букваре 1631 г. не было. Нет этих текстов и в Московском издании 1637 г. Известно, правда, что в 1637 г. Спиридон Соболя приезжал в Москву и занимал у Бурцова денег, а “в закладе... положил 4 книги печатные” [12. С. 142–143]. Среди этих книг могло быть и одно из изданий букваря Соболя.

“Букварь” 1637 г. также интересен тем, что в нем перед грамматическим материалом в качестве фронтисписа помещена первая в московском книгопечатании гравюра светского содержания с надписью “Училище”, на которой изображены сидящие вокруг стола дети с раскрытыми учебниками и наставник, секущий розгой “нерадивого” ученика. Изображение дополнено надписью “Виждь чадо сію лозу/яко сотворена тебѣ на грозу” (л. 13об.) [14. Р. 41]. Гравюра тематически близка изображению, помещенному на титульных листах упомянутых выше Виленских грамматик, но не идентична последним [15. С. 152]. Считается, что картинка с изображением школы была специально подготовлена для грамматики 1618 г. [16. С. 156].

В качестве примечания хотелось бы отметить, что данный сюжет был довольно популярен в учебных изданиях. Гравюра “Училище” встречается уже в самом раннем славянском (глаголическом) букваре, изданном Андреа Торрезани, 1527 г. Венеция [1. С. 92]. Схожая гравюра есть в польском букваре “Dla dziatek. Nauka czytania pisma polskiego” (Kraków: dziedzicy Jakuba Sybeneychera, 16011 (sic!)) [17; 18. S. 169]. Но в польском учебнике изображен процесс обучения дома: за столом сидит глава семьи с розгами, а перед ним стоят дети с раскрытыми книгами. Сбоку за столом хозяйка режет хлеб, а у ее ног сидит собачка. Примечательно, что один из детей – девочка, в чем можно, безусловно, усмотреть влияние протестантской традиции. Эта гравюра была ошибочно идентифицирована с изображением школы [19. С. 96]. Изображение обучения девочек (также со сценой наказания розгой) появляется на титульном листе букваря “Nauka ku czytaniu pisma polskiego dla panienek mlodych” (Kraków: Marcin Philipowski, 1622) [20]. Это издание, вероятно, не знал К. Эстрайхер (он ссылается на аналогичное 1657 г., которое не сохранилось) [21. Т. XXIII. S. 62]; нет его и в каталоге польских букварей [22].

⁶ Уникат могилевского издания хранится в ГИМе (Хлуд.126).

⁷ Уникат из коллекции Национального Музея во Львове (Сдк 445).

В начале XVIII в. две миниатюры схожего содержания появляются в славяно-греко-латинском букваре Федора Поликарпова (о нем подробнее см. ниже). Миниатюры сопровождаются небольшими рифмованными наставлениями; но только на одной из них представлена сцена наказания [23. С. 42; 24. С. 28]. Первая миниатюра из учебника Федора Поликарпова практически без изменений воспроизводится в Киевском издании грамматики 1705 г. [25. Л. 20б.; 26. С. 125]. И даже в гравированной на меди “Азбуке” 1801 г. на первой странице помещена картинка с сюжетом училища [27. С. 503].

Еще в XIX в. исследователи отмечали, что букварные катехизисы московской печати появляются и эволюционируют, несомненно, под влиянием украинско-белорусской традиции. Последняя, в свою очередь, немало позаимствовала из западных (как католических, так и протестантских) учебников. Многие протестантские букварные катехизисы⁸ брали за основу “Краткий катехизис” Мартина Лютера (1529). Это наблюдение справедливо и по отношению к самым ранним славянским (как глаголическим, так и кириллическим) букварям⁹. Католические букварные катехизисы заимствовали, как правило, схему средневековых (первоначально – устных) катехетических поучений.

Если обратиться к старопечатным польским учебникам¹⁰, то при всех отличиях структуры и содержания помещенных там катехизисов можно выделить следующие их сходства. В качестве базового исповедания приводится апостольский символ веры; обязательно присутствует толкование (или, по крайней мере, перечисление) десяти заповедей Ветхого Завета. В большинстве изданий приводятся различные редакции рифмованных декалогов, известных в польской рукописной традиции с конца XIV в.; после Виленского издания 1633 г. рифмованные декалоги в польских букварях не встречаются. Везде присутствует раздел “сумма закона” – евангельская заповедь любви к Богу и ближнему и позитивная формулировка так называемого “золотого правила” (Лк. 6:31). Обобщенно структуру польских букварных катехизисов можно схематически представить так: молитвы “Отче наш” и “Радуйся, Мария”, апостольский символ веры, декалог, “сумма закона”, дела милосердия, смертные грехи и грехи, вызывающие к отпущению, семь даров Св. Духа, восемь евангельских блаженств, 50-й покаянный псалом (*Miserere mei Deus*) и 130-й псалом (*De profundis*)¹¹. Перечисленные составляющие букварных катехизисов совершенно идентичны тому набору религиозных текстов, который был рекомендован в качестве обязательного минимума в первом печатном трактате по польской грамматике [29. К. 5v].

Украинско-белорусские печатные катехизисы опирались, со всей очевидностью, на польскую традицию. Если во Львовском и Острожских изданиях

⁸ Классифицировать по конфессиональной принадлежности букварные катехизисы XVI в. бывает крайне сложно; тем более, что и в рамках протестантизма заметно порой переплетение лютеранских и кальвинистских традиций, а также влияние на них обеих конфессий “чешских братьев”.

⁹ Например, Тюбинген: издатель Примус Трубер Краинец, 1561; 1564 [1. С. 79–80, 95–96, 99–100].

¹⁰ Самые ранние польские буквари и грамматические пособия дошли до нас только во фрагментах. Для XVI в. – это Краковские издания Иеронима Виетора 1539 и 1541 гг., Лазаря Андрысовича 1550 г. и его наследников конца XVI в., Матвея Вижбенты 1575 г.; Познаньское издание Петра Секстилиса 1556 г.; Львовское – Матвея Берната 1599 г. Для начала XVII в., помимо упомянутого выше букваря Я. Зибенайхера, интерес представляет Виленский букварь 1633 г. [28. С. 3–14; 18].

¹¹ Нумерация псалмов в источниках дается по древнееврейской Библии.

Ивана Федорова (в которых еще нет катехизисов, но даются тексты для чтения – молитвы из Часослова и фрагменты Писания) заметна преемственность с предшествующей рукописной традицией [30. С. 225], то в изданиях Виленского православного братства уже очевидны следы заимствований. Своего рода переломным можно считать букварь, изданный в братской типографии в Евье в 1618 г.¹², который, вероятно, и стал базовым для последующей украинско-белорусской традиции. Букварный катехизис 1618 г., правда, несколько шире по составу, чем предшествующие ему польские памятники: апостольский символ веры был заменен символом I и II Вселенских соборов; появились исповедания Афанасия и Амвросия – Августина, шесть совершенств Нового Завета, “правда естественная”, “правда законная” (Пс. 34(33):15, 37(36):27); приводилась более детальная схема грехов и добродетелей, а также “четыре вещи последние”. В качестве гипотетических источников *католического* происхождения (потому что подобная рубрикация была не свойственна катехизисам *протестантским*), на которые могли опираться составители букваря 1618 г., можно назвать популярные катехизисы иезуитов Петра Канизия (1521–1597)¹³ и Якуба Ледесмы (1519–1575)¹⁴. Кутейнский букварь Спиридона Соболя (1631) совершенно идентичен изданию 1618 г.; не хватает только исповеданий веры Афанасия и Амвросия – Августина, которые уже наличествуют в Могилевском букваре 1636 г.

Букварь Московского Печатного двора 1657 г. в своей катехетической части повторяет учебник Бурцова 1637 г. Но с этого издания в букварях московской печати появляются еще три раздела: типичные для украинско-белорусских учебников исповедания Афанасия и Амвросия – Августина, а также изложение основ вероучения в вопросно-ответной форме. Данное изложение, написанное видным деятелем украинско-белорусского братского движения Стефаном Зизанием, впервые было опубликовано в 1596 г. в учебнике “Наука ку читаню, ирозумѣню писма слове(н)ского ту ты(ж) о с(вя)той тройци и овъчловеченій г(оспод)ни” (Вильно: тип. братская) (МК, инв. 1335).

Изложение имело отдельный подзаголовок “Стефана Зизанія Изложєніє о православної вѣрѣ. Коро(т)ки(м) пытанье(м) и о(т)повѣданье(м), для латвѣшаго вырозумѣня, хр(ис)тіянски(м) дѣте(м). Странны(й) пытає(т) зловѣрны(й), Аправосла(в)ны(й) бл(а)говѣрны(й) о(т)повѣдаєть” (л. 38об.). Изложение имело ярко выраженный полемический характер; его дополнял повествовательный раздел “О знаменіи крестном”. Последний подшит также к Лондонскому экземпляру букваря 1618 г. [31. С. 4].

Модель букварного катехизиса 1657 г. была воспроизведена в издании 1664 г., букваре Симеона Полоцкого 1679 г. и Кариона Истомина 1696 г. Содержательные изменения затронули только текст Стефана Зизания¹⁵. Остановимся на нем более подробно.

¹² Известны только два экземпляра: в Королевской Библиотеке в Копенгагене и библиотеке лондонских юристов “Middle Temple”. В статье используется подробное описание букваря [31. С. 3–9].

¹³ Его перевод на старобелорусский язык был напечатан шрифтами Мамоницей (?) в Вильно в 1585 г. [32].

¹⁴ На польском языке он издавался как минимум два раза: до 1595 г. и в 1604 г. Катехизис Ледесмы оказал значимое влияние на униатскую традицию в XVII в. [33. С. 149–159].

¹⁵ В букварях 1669 г. и Кариона Истомина 1694 г. катехизисов нет; в издании 1696 г. отсутствует изложение о вере Ст.Зизания.

“Изложение” состоит фактически из трех частей: вводной (как человек становится христианином, суть таинств крещения и причастия, сущность православной веры); второй – о Боге, ипостасях Троицы, сходстве и различии их свойств; третьей части (с отдельным подзаголовком) – о воплощении Христа. В общей сложности “Исповедание” включает 38 вопросов и ответов и имеет ярко выраженный полемический характер. Текст фактически построен так, что опровергаются наиболее значимые антитринитарные ереси древности: в разделе о Троице – Савелия, Ария и Македония, в разделе о Христе – Евномия и Нестория. Структура “Изложения” Стефана Зизания обнаруживает значительное сходство с исповеданием Афанасия¹⁶. Этот символ был напечатан в типографии Виленского братства в том же 1596 г., что и “Наука ку читаню” [35. Л. 89–91об., 2-го счета]. В ряде случаев Зизаний переформулирует символ Афанасия. Например, в последнем вопросе раздела о Боге:

Символ Афанасия

“и въ той тро(и)ци ни единоеже первѣйшее, или послѣднѣйшее, [...] но цѣлы три впостаси, исъ пр(ис)-носущны соу(т) себѣ и ра(в)ны” (л. 90об.)

Ст. Зизаний

“Нѣ единой не естъ першеи анѣ послѣ(д)неи. але всѣ три ровно су(т) пре(д) вѣчны, равно чесны, ра(в)но силны” (л. 39)

В ряде случаев Зизаний расширяет и уточняет лаконичную формулировку символа Афанасия:

[Христос] “единъ всяко не сълиянїемъ существа, но единством впостаси” (л. 91)

“абы [во Христе] не змѣшовати естество, то естъ не чинити единого естества [...] а другая абы не роздѣляти впостаси, то естъ, абы не чинити дво(х) с(ы)новъ” (л. 40).

Отличие текста Зизания заключается в том, что он больше внимания уделяет исхождению Св. Духа (13 вопросов из 38), обширнее у него раздел о двух природах Христа. Таким образом, он акцентирует наиболее актуальные догматические вопросы православно-протестантской и православно-католической полемики конца XVI в. в Речи Посполитой.

В московских букварях перепечатывалась только вопросно-ответная часть “Изложения” Зизания; повествовательная “О знамении крестном” отсутствует. Текст воспроизводился под отдельным заголовком, сохранялось его оригинальное название, общая полемическая тональность, но имя Стефана Зизания, как автора, опускалось. Также, в отличие от оригинала, “Изложение” приводилось на церковно-славянском языке. Перевод практически дословный, зачастую сохраняется и первоначальная структура фразы. Но при этом можно заметить ряд изменений. Меньше всего их в букваре 1657 г.: при описа-

¹⁶ По начальным словам латинского текста его также называют “Quicumque”. Считается, что символ был составлен в конце V в., но первые греческие переводы датируются XIII в. В литургических же книгах Православной Церкви он появляется не ранее конца XVI в. [34. Т. 1. Kol. 1024–1025]. Текст состоит из вступления, заключения и 40 коротких фраз: 1–26 – о троичности против монархиан, савелиианства, арианства, “духоборов” или сторонников ереси Македония, 27–40 – о воплощении и о двух природах Христа против докетов, аполлинаристов, несториан и монофизитов. Вплоть до середины XVI в. западные богословы апеллировали к символу Афанасия, отстаивая учение о filioque.

нии сущности таинства причастия опущена фраза о том, что оно дает “оупевнене живота вечного”; нет отсылок на исповедание I и II Вселенских соборов и Кирилла Александрийского; отсутствуют грецизмы (“духоборец” вместо “пневматомах”, “свойство” вместо “ідіома”); опущен ряд синонимичных (поясняющих) понятий и выражений. В отдельных случаях, как представляется, несколько смягчена острая полемичность текста оригинала: нет ссылок на конкретные ереси (например, Евтихия в 37-м вопросе)¹⁷.

В букваре 1679 г. Симеона Полоцкого за основу был взят текст “Изложения” 1657 г. Но и здесь можно говорить о некоторых смысловых расхождениях. Например, в ряде случаев выражение “в сыне Божии” заменено на выражение “во Христе”; приводится другое определение таинства причастия:

Ст. Зизаний

“Причастіе естъ зе(д)ноче(н)е на(м) съ Х(рист)омъ, и оучасно(с) вѣ(х) его добродѣйствъ, а оупе(в)не(н)е живота вѣчнаго” (л. 35)

Букварь 1679

“Причастіе естъ общеніе тѣла и крове хр(ис)товы, под видами хлѣба и вина” (л. 35)

Переформулирован ответ на 17-й вопрос, почему Св.Дух не может исходить и от Сына; значительно расширен ответ на 20-й вопрос, также затрагивающий проблему исхождения третьей osoby Св.Троицы. Как и в букваре 1657 г., у Симеона Полоцкого смягчена полемическая резкость текста оригинала, нет также упоминания о ереси Македония-духоборца (вопрос 21-й):

Ст. Зизаний

“Виджу же ты д(у)ха с(вя)то(г)о в порядо(к) створѣня покладаешъ, якъ македоній пне(в)матома(х). албо не вѣдаешъ же иншій способъ в персона(х) бо(з)ски(х), а иншій в створеню. в с(вя)той тройци ве(д)ле присвоитости каждой особы. а в створеню ве(д)ле волѣ сѣтворителя заховоуе(т)ся” (л. 37об.)

Букварь 1679

“Єдинаго г(лаго)лю сотворителя, за єдину общую естественную творенія силу. Не г(лаго)лю же о(т) дву впостасей д(у)ха с(вя)таго исходити яко о(т) єдиныя, да не слію дву лицъ во єдино: свойство впостаси єдиныя, двѣма обществуя” (л. 42об.–43)

Переформулирован и ответ на 23-й вопрос:

Ст. Зизаний

“Анѣ д(у)хъ с(вя)тый с(ы)на роди(т), анѣ с(ы)нъ д(у)ха с(вя)т(а)го испущае(т). абовѣ(м) якъ неслушне с(ы)ну о(т) дво(х)ся родити, та(к)же и с(вя)тому д(у)ху о(т) дво(х) исходити” (л. 38)

Букварь 1679

“Д(у)хъ с(вя)тый с(ы)на не родить, яко не имать рожденія силы: єсть же єдино со о(т)цемъ по естеству, а не єдинъ впостасію” (л. 44)

В дальнейшем в букварях 1704 г. (л. 29об.–44) и 1708 г. (л. 37–48об.) текст “Изложения” перепечатывался с теми изменениями, которые были внесены

¹⁷ Примечательно, что помещенный в букваре 1657 г. текст “Изложения” полностью идентичен рукописи в составе сборника второй половины XVII в., составленного, предположительно, в старообрядческой среде. В рукописи, правда, есть ряд незначительных ошибок и пропусков, которых нет в Московском издании. Можно предположить, что оба текста опираются на общий источник [36. С. 43–57].

Симеоном Полоцким. Но ряд нюансов позволяет утверждать, что составителям этих более поздних букварных изданий был знаком и текст оригинала. Например, выше упоминалось, что в ответе на вопрос, что есть православная вера, в издании 1657 г. была опущена отсылка на I и II Вселенские соборы. Буквари 1704 и 1708 гг. восстанавливают этот фрагмент и расширяют его:

Ст. Зизаний

“Во единого б(о)га о(т)ца, и в единого г(оспод)а і(ису)с(а) х(рист)а с(ы)на божо(го) и в единого д(у)ха с(вя)т(а)го г(оспод)а, право вѣрити. ищи в перво(м) и второ(м) вселенско(м) съборѣ” (л. 35)

Букварь 1704 г.

[...] “и вся члены сѣмвола с(вя)таго и преданія ц(е)ркве истинно держать” (л. 31об.)

После букваря 1708 г. “Исповедание” Стефана Зизания в учебной литературе не воспроизводится.

Если же вернуться к другим текстам в составе катехетической части букварей, то все Московские издания второй половины XVII – начала XVIII в. воспроизводили в целом издание Бурцова 1637 г. В 1657 г. были добавлены исповедания Амвросия – Августина и Афанасия, а также разделы о пяти чувствах душевных и грехах, взывающих к отпущению (эти разделы присутствуют во всех последующих букварях). В 1679 г. добавляется раздел “Бл(а)гословенія отроковъ во училище оучитися с(вя)щеннымъ писаніямъ идущы(м)” [37. С. 1057] и так называемый “Стоглав” Геннадия Константинопольского (перепечатаны в 1704 и 1708 гг.). Буквари 1704 и 1708 гг. дополняются разделом “Оувѣщаніе к родителемъ о воспитаніи дѣтей”; значительно расширяется раздел о заповедях, где помимо предписаний декалога подробно анализируются и десять заповедей церковных. Эта часть имеет свой подзаголовок “Заповѣди б(о)жія и ц(е)рковныя, и иная нѣкая виновная спасенію словеса, яже нужно подобаеъ вѣдѣти: въ наказаніе всѣмъ хр(ис)тїаномъ”. Раздел представляет собой перепечатку книги с одноименным названием, опубликованной в Москве в 1702 г.

Описанной выше схеме эволюции букварного катехизиса несколько не соответствует славяно-греко-латинский букварь управляющего и справщика Московской Синодальной типографии, переводчика с греческого Федора Поликарпова 1701 г. В его состав не попали символы веры Афанасия и Амвросия – Августина, “Изложение” Стефана Зизания, раздел о совершенствах Нового Завета; но появилась схема семи смертных грехов и “противолежащих” им добродетелей, оформленная графически в две колонки (л. 53об.)¹⁸. Схожие с Ф. Поликарповым по составу и по последовательности подачи катехетического материала учебные пособия встречались и в рукописной традиции рубежа XVII–XVIII вв. [39. С. 18].

Весьма примечательно, что бóльшее сходство с букварным катехизисом Федора Поликарпова, чем с предшествующей им украинско-белорусской традицией можно заметить в учебниках, издаваемых кириллицей в XVIII в. в типографиях Черниговского Троице-Ильинского монастыря (1743, 1749, 1755 гг. [40. №№ 79, 94, 112]; буквари 1721, 1765 и 1780 гг. известны только по библио-

¹⁸ Примеры графических изображений схемы грехов и добродетелей встречаются еще в католических школьных катехизисах начала XVII в. [38. Р. 41].

графии) и Киевской Лавры (1751, 1760, 1764, 1766, 1770 гг., др. [41. №№ 1739, 2134, 2319, 2407, 2570]). После указов Святейшего Синода 1721 и 1724 гг. эти типографии функционировали в условиях цензуры, когда фактически запрещалось издавать какую-либо новую книжную продукцию, кроме перепечатывания прежних церковно-славянских изданий и сверки их с изданиями российскими. Известно также, что в Черниговской и Киевской типографиях иногда просто переиздавались российские издания. Например, “Первое учение отрокомъ” Феофана Прокоповича (Чернигов, 1743) [42. С. 251–260; 40. № 80]. На титуле указано, что это – перепечатка Санкт-Петербургского издания 1725 г. (последнее в библиографии не известно).

“Первое учение отрокомъ”, многократно издававшееся в России до середины XIX в. практически без изменений, хотя и относится к букварям кирилловской печати, выходит за рамки настоящего исследования. Формальным основанием является то, что букварь был отпечатан в Санкт-Петербурге¹⁹. Важнее то, что “Первое учение отрокомъ” представляет собой принципиально иной тип букварного катехизиса²⁰.

Если попытаться в общих чертах охарактеризовать эволюцию букварей гражданской печати в XVIII в., то можно отметить следующее. Постепенно происходит вытеснение катехизисов и замена их поучениями светского характера. Речь идет, в первую очередь, о подборе сентенций нравственного и гражданского характера, а также наставлений о правилах хорошего тона, расположенных в алфавитном порядке. Принцип расположения сентенций был, вероятно, заимствован из букварных акростихов религиозного содержания, помещавшихся в рукописных и ранних печатных учебниках. Хотя и в XVIII в. продолжают еще выходить учебники, воспроизводящие букварный катехизис из издания Федора Поликарпова (например, упоминавшаяся ранее “Азбука церковная и гражданская” (М., 1768)).

Первым изданием гражданским шрифтом была “Азбука гражданская со нравоучениями” (Москва, I.1710 г.), правленная Петром I при выработке гражданского шрифта [43. С. 122; 44]. Место текстов религиозного содержания заняли “Нравоученія отъ священнаго писанія по алфавіту ісбранаѣ” (99 сентенций на 33 буквы алфавита, с. 9–16). Встречается утверждение, что в “Азбуке” 1710 г. были помещены нравоучительные сентенции, опубликованные в составе упоминавшейся Киевской грамматики 1705 г. [26. С. 122]. На самом деле между изданиями 1705 и 1710 гг. ничего общего нет. Киевская грамматика, в свою очередь, воспроизводила поучения, напечатанные впервые в Уневском букваре 1698 г. [ГИМ, Шап. 248. Л. Абоб.–Б2]. Впоследствии азбука 1710 г. вместе с поучениями воспроизводилась в большинстве изданий “Юности честное зеркало или показаніе къ жітеіскому обхожденію. Собранное отъ разныхъ авторовъ”²¹.

¹⁹ Первое издание известно только по библиографии; до нас дошло второе издание, датированное маем 1721 г. [26. №. 136, 172, 189, 190, 190а, 193, др.].

²⁰ После “Предисловія къ бл(а)гочестивы(м) родителемъ, воспитателемъ, приставнико(м)...” следует катехизис, поделенный на пять частей: “О законѣ Б(о)жіи”, “Толкованіе молитвы Г(оспо)дни”, “Поздравленіе Архагг(е)лское”, “Символь с(вя)тыя православныя вѣры”, “Краткое толкованіе бл(а)женствъ”.

²¹ Первое издание: СПб., 4.П.1717. В поучениях были опущены несколько букв (что было связано с постоянной доработкой гражданского шрифта), изменены сентенции под буквой “я”.

Появление текстов светского содержания заметно и в украинско-белорусской букварной традиции XVIII в. (хотя и несколько позднее, чем в российской). Например, в составе Львовского букваря 1790 г. (типография Ставропигийного института) была перепечатана “Полѣтика свѣцкая о(т) Иностранныхъ Авторовъ вкратцѣ собранная младымъ прилична, всѣмъ же обще бл(а)гопотребная” [45. Л. 44об.–52об.]; “Политика” вышла отдельным изданием в типографии Почаевского монастыря в 1770 г. А уже издания последних лет XVIII в. состояли почти исключительно из текстов светского характера²².

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Круминг А.А. Первопечатные славянские буквари // Федоровские чтения: 1983. М., 1987.
2. Букварь составлен Карионом Истоминым, гравирован Леонтием Буниным, отпечатан в 1694 году в Москве. Факсимильное воспроизведение экземпляра, хранящегося в Государственной Публичной библиотеке имени М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Л., 1981.
3. Зёрнова А.С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI–XVII веках. Сводный каталог. М., 1958. №№ 103, 108, 275, 310, 318, 328, 357, 472.
4. Cleminson R. East Slavonic Primers to 1700 // Australian Slavonic and East European Studies. 1988. Vol. 2. № 1.
5. Калайдович К. Азбука, составленная Василием Федоровичем Бурцевым // Северный архив. Журнал истории, статистики и путешествий. 1823. Ч. VI. № 11.
6. Миропольский С. Очерк истории церковно-приходской школы от первого ее возникновения на Руси до настоящего времени. СПб., 1895. Вып. 3.
7. Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVII века / Составители А.С. Зёрнова, Т.Н. Каменева. М., 1968.
8. [Барсов А.А.] Азбука церковная и гражданская, съ краткими примѣчаниями о правописании. Печатана при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ 1768 года.
9. Поздеева И.В., Пушков В.П., Дадькин А.В. Московский Печатный двор – факт и фактор русской культуры. 1618–1652 гг.: От восстановления после гибели в Смутное время до патриарха Никона. Исследования и публикации. М., 2001.
10. Афанасьева Т.А. Издание азбук и букварей кириллической печати в XVIII веке // Из истории рукописных и старопечатных собраний. Исследования. Обзоры. Публикации. Л., 1979.
11. Гусева А.А., Сазонова Л.И. Бурцов Василий Федоров // Словарь книжников и книжности Древней Руси. СПб., 1992. Вып. 3. XVII в. Ч. 1.
12. Зёрнова А.С. Белорусский печатник Спиридон Соболев // Книга. Исследования и материалы. Сб. 10. М., 1965.
13. Дзюба Е.Н. Просвещение на Украине и его роль в укреплении связей украинского народа с русским и белорусским (вторая половина XVI – первая половина XVII в.). Киев, 1987.
14. Thomas Ch. Two East Slavonic Primers: Lvov, 1574 and Moscow, 1637 // The British Library Journal. 1984. Vol. 10. № 1.
15. Анушкин А.И. Во славном месте виленском. Очерки по истории книгопечатания. М., 1962.
16. Анушкин А.И. Предшественник “Грамматики” Смотрицкого (учебник 1618 года, неизвестный нашей библиографии) // Книга. Исследования и материалы. Сб. 36. М., 1978.
17. Фотокопия Национальной Библиотеки, Варшава, Fot.4°.715adl.
18. Pilarczyk F. Elementarze polskie od ich XVI-wiecznych początków do II wojny światowej. Próba monografii księgoznawczej. Zielona Góra, 2003.
19. Острожская азбука Ивана Федорова. Исследование. Словоуказатель / Подготовка издания Е.Л. Немировского. М., 1983.
20. Библиотека Варшавского университета, Sd.712.175.

²² Например: Букварь для обученія юношества чтенію по Россійски и по Польски. Бердичев: тип. монастыря кармелитов, 1797 (второе издание: тип. Почаевского монастыря, 1799). Помимо грамматической части, букварь включал разделы: “Некоторые разговоры” (фразы для ведения светской беседы), “Приповѣсти” (нравоучительные пословицы), “О алчбѣ” (осуждение порока алчности в стихотворной форме), “Гражданское начальное ученіе” (54 сентенции). Букварь завершало стихотворение Г.Р. Державина “Науки юношей питают”.

21. *Estreicher K.* Bibliografia polska. Kraków, 1909.
22. *Pilarczyk F.* Elementarze polskie II. Materiały bibliograficzne. Zielona Góra, 1990.
23. От 'Азбуки Ивана Федорова до современного букваря / Составители книги-альбома В.П. Богданов, Г.В. Карпюк. М., 1974.
24. *Шемиурин А.А.* О гравированном и рукописных лицевых букварях Казиона Истомина // Чтения в Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете. М., 1917. №. 1(260). Отдел II.
25. Грамматика или учение Писмени Кни(ж)него. Киев: тип. Лавры. Микрофильм МК, 1–55 / 5224.
26. Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. / Составители Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1958.
27. Русскія народныя картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881. Книга II. Т. 24. Листы исторические, календари и буквари // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук.
28. *Pirożyński J.* O poznańskim drukarzu Piotrze Sextilisie z Obrzycka i o polskich elementarzach XVI w. // *Studia Historyczne*. 1985. T. XXVIII. Z. 1.
29. *Zaborowski St.* Orthographia seu modus recte scribendi et legendi Polonicum idioma quam utilissimus. Kraków: Florian Ungler, 1514 / 1515.
30. *Лукьяненко В.И.* Азбука Ивана Федорова, ее источники и видовые особенности // Труды Отдела Древнерусской литературы. М.; Л., 1960. Т. 16.
31. *о. Надсон А.* Еуеўскі буквар 1618 г. // Божым шляхам. 1973. Год XXI. №. 1(135).
32. *Fałowski A.* Język ruskiego przekładu katechizmu jezuickiego z 1585 roku. Kraków, 2003 [=Studia Ruthenica Cracoviensia: 2]. Фототипическое издание.
33. *Korzo M.* Polski przekład katechizmu Jakuba Ledesmy TJ i jego wpływ na tradycję unicką w XVII w. // *Odrodzenie i Reformacja w Polsce*. 2004. T. XLVIII.
34. *Balter L.* Atanazjański symbol wiary // *Encyklopedia katolicka*. Lublin, 1973.
35. Молитвы повседневные, с многи(х) с(вя)ты(х) о(те)ць ц(е)ркве х(ристо)вы оучителей, с писма Греческаго въкра(т)цѣ избранны.
36. *Горбач О.* Чи копія частини невіднайденого катихизму Степана Зизанія? // *Bogoslovia*. 1984. Vol. 48.
37. *Извеков Д.* Букварная система обучения в исходе XVI и начале XVII ст. // *Семья и школа*. 1872. №. 5.
38. Compendium Doctrinae Christianae iussu S.D.N. Clementis VIII. ad instructionem puerorum, et simplicium, ab illustrissimo Cardinale Bellarmino compositum. Cracoviae: In officina Andreae Petricovii, 1606.
39. *Буш В.В.* Памятники старинного русского воспитания (к истории древне-русской письменности и культуры). Пг., 1918.
40. *Каменева Т.Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания (XVII–XVIII вв.) // Труды Государственной библиотеки им. В.И. Ленина. М., 1959. Т. III.
41. *Запаско Я., Исаевич Я.* Пам'ятки книжкового мистецтва. Каталог стародруків, виданих на Україні. Кн. 2. Ч. 1 (1701–1764); Кн. 2. Ч. 2 (1765–1800). Львів, 1984.
42. *Исаевич Я.Д.* Українське книговидання. Витоки. Розвиток. Проблеми. Львів, 2002.
43. Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г. / Составители Т.А. Быкова, М.М. Гуревич. М.; Л., 1955.
44. Общество Любителей древней письменности. Нумерные издания. №. VIII.
45. Национальная Библиотека, Варшава, Суг. 39.

© 2005 г. И. Г. КОНОВАЛОВА

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ГЕОГРАФИЧЕСКОМ СОЧИНЕНИИ
АБУ-Л-ФИДЫ*

Золотоордынский период в истории Восточной Европы был временем интенсивных контактов с мусульманским миром. При хане Берке (1257–1266) начались тесные дипломатические отношения Золотой Орды с мамлюкскими султанами Египта. С именем Берке связано и начало исламизации Золотой Орды, вовлекавшей ее в орбиту мусульманской культуры и тем самым включавшей в поле зрения арабских и персидских ученых. Узбек-хана (1312–1342) тоже хорошо знали в официальных кругах мамлюкского Египта: при нем был сделан следующий значительный шаг в деле распространения ислама в Золотой Орде, расширения торговых, культурных, дипломатических и матримониальных отношений с египетскими султанами [1. С. 18]. Основной корпус арабских источников, отражающий эти многосторонние связи, был опубликован русским востоковедом, нумизматом и археологом В.Г. Тизенгаузенем в 1884 г. [2]. Собранные в этом сборнике материалы могут быть дополнены сведениями, имеющимися и в других арабских источниках, прежде всего – в средневековых географических сочинениях, еще не переведенных на русский язык.

Автором одного из них является Абу-л-Фида 'Имад ад-дин ал-Малик ал-Му'айяд Исма'ил ибн 'Али ал-Аййуби – сирийский эмир, историк и географ из семьи Аййубидов. Абу-л-Фида родился в 1273 г. в Дамаске, куда его отец, эмир сирийского города Хама, бежал от монголов. Юношеские годы Абу-л-Фиды прошли в походах против крестоносцев; в дальнейшем он участвовал в военных экспедициях под началом мамлюкских султанов, захвативших Хама в 1299 г. Благодаря своим дипломатическим способностям Абу-л-Фида сумел сохранить и расширить отцовские владения. Добившись расположения султана ан-Насира, Абу-л-Фида поддерживал с ним тесные связи: часто появлялся в Каире, где удостоивался чести присутствовать при приемах иностранных послов, неоднократно сопровождал султана в его поездках, а также в паломничествах в Мекку. Умер Абу-л-Фида в 1331 г. в своей резиденции в Хама [3. С. 386–389; 4. Р. 118–119; 5. Р. 312–313].

Абу-л-Фида известен как автор двух обширных компилятивных трудов – всемирной истории до 1329 г. и географического сочинения под заглавием

Коновалова Ирина Геннадиевна – кандат ист. наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

* Работа выполнена при финансовом содействии РФФИ (проекты № 02-06-80212а и № 04-06-80079а).

“Таквим ал-булдан” (“Упорядочение стран”), в котором дается описание Земли и всех известных к тому времени в арабском мире стран и народов. Об этом, последнем, сочинении и пойдет речь в данной работе. “Таквим ал-булдан” сохранилось в трех списках из Парижа (Bibliothèque Nationale, Ancien fonds arabe 578), Лейдена (Univ. 727) и Санкт-Петербурга (ИБ РАН 594; С 592). Лейденский список был просмотрен автором. Различия между списками носят редакционный характер, на основании чего считается, что, закончив сочинение в 1321 г., Абу-л-Фида возвращался к работе над ним вплоть до своей смерти; окончательную редакцию представляет Парижский список сочинения [6. Р. XLI–XLII; 7. Р. CDLII].

Сочинение Абу-л-Фиды было известно в Европе, по крайней мере, с середины XVI в. Начиная с XVII в., стали появляться издания и переводы отдельных частей “Таквим ал-булдан”, в которые материал, относящийся к Восточной Европе, не входил [3. С. 392; 4. Р. 119; 8. С. 288–291]. В 1770 г. немецкий арабист И.Я. Рейске перевел сочинение Абу-л-Фиды на латинский язык [9]. Полный арабский текст и часть французского перевода “Таквим ал-булдан” были изданы французскими ориенталистами Ж.Т. Рено и У. де Слэном в середине XIX в. [6; 10]; через 35 лет перевод был завершен С. Гюйаром [11]. Фрагменты сочинения Абу-л-Фиды, содержащие упоминания о русах и варягах, изданы А. Зейппелем [12. Р. 48, 106].

Первым российским исследователем, обратившим внимание на относящиеся к Восточной Европе сведения Абу-л-Фиды, был Н.М. Карамзин. Во второй главе первого тома “Истории государства Российского”, посвященной описанию народов Восточной Европы, он ссылался на данные Абу-л-Фиды о городах Хазарии и на сообщение географа о Варяжском море [13. С. 204–205, 208]. Ко второй половине XIX в. относятся первые опыты исследования сообщений Абу-л-Фиды о городах Среднего Поволжья [14. С. 19–21] и Крыма [15. С. 247]. В.В. Бартольд установил, что источниками ряда сообщений Абу-л-Фиды о Восточной Европе были сочинения арабских географов XII–XIII вв. ал-Идрис и Ибн Са‘ида ал-Магриби [16. С. 103–113; 17. С. 259]. Некоторые материалы, имеющие отношение к Восточной Европе, содержатся в работах болгарских и румынских ученых, неоднократно рассматривавших данные Абу-л-Фиды о городах Нижнего Подунавья и Нижнего Поднестровья (библиографию см.: [18. С. 62–63, 84–105; 19. С. 92–94]). Недавно предмет специальных исследований стали сообщения Абу-л-Фиды о Черном море [20; 21].

Сочинение Абу-л-Фиды состоит из двух частей различного характера. Первая часть представляет собой обширное введение, содержащее общие сведения о Земле, об экваторе, о семи “климатах”, об обитаемом мире, о протяженности земли и семи климатов, о пяти великих морях. Далее приводится описание морей, озер, рек, гор, излагается план сочинения. Вторая, бо́льшая по объему, часть сочинения состоит из 28 разделов. Они посвящены описанию географических областей, носящих название “климатов” – так называемых ал-иклим *ал-‘ур-фиййу* (“условный климат”) в противоположность *ал-иклим ал-хакикиййу*, т.е. “истинному климату” как астрономическому понятию. В систематизации материала Абу-л-Фиды следует принятому арабо-персидскими географами “классической школы” X в. разделению не по астрономическим, а по географическим областям. И.Ю. Крачковский отметил, что в системе распределения материала в “Таквим ал-булдан” «отчетливо отражается влияние классической школы ал-

Балхи, а в преимущественном выделении иранских стран чувствуется даже может быть воздействие “Атласа ислама”» [3. С. 390].

Области земли охарактеризованы в книге Абу-л-Фида в следующем порядке: Аравия, Египет, Магриб, Судан, Андалусия, острова Средиземного моря и Атлантического океана, северные земли (земли франков и тюрок, куда входит и описание Восточной Европы), Сирия, ал-Джазира (Месопотамия), Ирак, Хузистан, Фарс, Кирман, Сиджистан, Синд (Пенджаб), Индия, Китай, острова Восточного моря, Рум (Малая Азия), Армения (с Арраном и Азербайджаном), Ирак Персидский, Дейлем (и Гилян), Табаристан (с Мазандараном), Хорасан, Забулистан (и Гур), Тохаристан, Хорезм, Мавараннахр.

Каждый из 28 отделов подразделяется на две части: описательную и табличную. В описательной части содержатся сведения о границах той или иной области, ее политическом устройстве, этническом составе населения, его обычаях и верованиях, об основных городах; бывают приведены и маршрутные данные. Кроме этого, сведения о городах различных областей Абу-л-Фида свел в таблицы, напоминающие по форме таблицы арабских ученых IX – начала X в. ал-Хваризми и ал-Баттани. Сам Абу-л-Фида, правда, говорит, что систему таблиц он позаимствовал у арабского врача конца XI – начала XII в. Йахьи ибн Джазли, который в своем сочинении “Таквим ал-абдан” (“Упорядочение телес”) данные о различных болезнях систематизировал в виде таблиц, взяв за образец астрономические таблицы.

Таблицы из “Таквим ал-булдан” содержат следующие графы: 1) порядковый номер; 2) название населенного пункта; 3) указания на источник, откуда позаимствованы сведения о нем; 4–5) географическая долгота населенного пункта в градусах и минутах; 6–7) географическая широта населенного пункта в градусах и минутах; 8) указание на “истинный климат”, к которому относится населенный пункт; 9) указание на “условный климат” (т.е. на область, страну), к которому относится населенный пункт; 10) огласовка наименования населенного пункта; 11) описание населенного пункта.

Географическое сочинение Абу-л-Фида, будучи произведением общегеографического характера, опирается на широкий круг источников, письменных и устных, а также на личные впечатления автора. Последние, правда, касались только Сирии и сопредельных стран. Европа, в том числе Восточная, не вошла в число областей, с которыми Абу-л-Фида был непосредственно знаком.

Письменные источники описания Восточной Европы в “Таквим ал-булдан” проследить несложно, поскольку Абу-л-Фида регулярно на них ссылается [6. С. 1–3; 7. Р. CDXLVII–CDXLIX]. Во введении к сочинению Абу-л-Фида приводит их обширный список. Он называет географические сочинения Ибн Хордадбега (IX в.), Ибн Хаукала (X в.), ал-Идриси (XII в.), “Канун”¹ ал-Бируни (XI в.), “Китаб ал-ансаб” (“Книга относительных имен”) ас-Самани (XII в.), “Ал-Муштарик”² Йакута (XIII в.), а также астрономические таблицы (зиджи) и “книги долгот и широт”. Кроме того, в разделах, посвященных описанию Восточной Европы, Абу-л-Фида ссылается и на ряд других письменных источников – сочинения Ибн Са’ида ал-Магриби [6. С. 64, 202, 203, 214–215, 220–

¹ Полное название сочинения – “Ал-Канун ал-Мас’уди фи-л-хай’а ва-н-нуджум” (“Мас’удовские таблицы по астрономии и звездам”).

² Полное название сочинения – “Китаб ал-муштарик ва-д’ан ва-л-муфтарик сук’ан” (“Книга об именах общих по форме и отличающихся по обозначаемой местности”).

223], ан-Насира [6. С. 35]³ и Кутб ад-дина [6. С. 35]⁴, “Ал-Азизи” [6. С. 71, 203, 207]⁵, “Ал-Лубаб” [6. С. 218–219]⁶, а также на некие “старинные книги”, послужившие ему источником для описания Черного и Азовского морей [6. С. 34].

Для характеристики восточноевропейских стран и народов Абу-л-Фида использовал также сведения, полученные от современных ему информаторов, которые побывали в тех или иных районах Восточной Европы. Так, Абу-л-Фида ссылается на сообщения лиц, ездивших из Египта в Крым и обратно, в том числе – на послов золотоордынского хана Узбека в Египет [6. С. 32–33]; на рассказы путешественников и купцов, плававших по Черному и Каспийскому морям и посещавших Золотую Орду [6. С. 34, 63]. Среди информаторов географа были жители золотоордынских городов Исакчи [6. С. 212], Сарая [6. С. 217] и Булгара [6. С. 217], а также некто, ездивший к далекому северному народу, с которым можно вести меновую торговлю [6. С. 201–202].

По заявлению самого Абу-л-Фиды, в большинстве изученных им географических сочинений содержатся точные описания лишь мусульманских стран, а сведения о прочих странах и народах отрывочны. Сказав, что книжные сведения о Китае и Индии скудны и ненадежны, Абу-л-Фида так оценивает состояние своих источников о европейских странах: “То же самое относится к стране ал-булгар, стране ал-джаркис, стране ар-рус, стране ас-сарб, стране ал-авлак и стране ал-фарандж, которые простираются от Константинопольского пролива до Океана на западе; это страны многолюдные, государства великие и чрезвычайно обширные; однако нам неведомы названия их городов и неизвестно их нынешнее состояние” [6. С. 2].

Страны и народы Восточной Европы охарактеризованы в разделе, озаглавленном “Рассказ о северной части Земли, охватывающей страны франков, тюрок и другие [земли]”. Кроме того, обширный материал о рассматриваемом регионе содержится в общегеографическом введении к сочинению, в составе рассказов об омывающих Восточную Европу морях и о текущих по ее территории реках.

Приводимое Абу-л-Фидой во введении к сочинению описание Черного моря по форме представляет собой лоцию, позволяющую проследить основные направления торговых путей в бассейне Черного моря в первой трети XIV в. Маршрут каботажного плавания вдоль южного, восточного, северного и западного побережий Черного моря выглядит, по данным Абу-л-Фиды, следующим образом: Константинополь–Халкедон–Понтираклия и другие портовые города Пафлагонии–Синоп–Самсун–Трапезунд–Сухум–Тамань–Азов–Керчь–Каффа–Судак–Херсонес–Аккерман в устье Днестра–Исакча в устье Дуная–Константинополь. Наряду с каботажным плаванием существовали и прямые морские маршруты, соединявшие Каффу и Трапезунд, Херсонес и Синоп [6. С. 31–34] (перевод фрагмента на русский язык см.: [20. С. 51–57]).

³ Насир ад-дин ат-Туси – персидский ученый-энциклопедист XIII в.

⁴ Кутб ад-дин Махмуд ибн Мас’уд аш-Ширази – персидский ученый-энциклопедист XIII – начала XIV в., астроном и географ, ученик Насир ад-дина ат-Туси.

⁵ “Ал-Азизи” – сокращенное заглавие сохранившегося только в виде цитат у других авторов сочинения египетского географа второй половины X в. Хасана ибн Ахмада (или Мухаммада) ал-Мухаллаби “Китаб ал-масалик ва-л-мамалик” (“Книга путей и стран”).

⁶ По всей вероятности, имеется в виду сочинение историка XIII в. Ибн ал-Асира “Китаб ал-лубаб фи тахзиб ал-ансаб” (“Очищенное”), представляющее собой сокращенную обработку сочинения ас-Сам’ани.

Абу-л-Фида впервые в арабской литературе вводит в употребление гидронимы “Море Крыма” (*бахр ал-Кирим*), “Черное море” (*ал-бахр ал-Асвад*) и “Море Азова” (*бахр ал-Азак*).

Наименование “Море Крыма” отражает важную роль Крыма в экономической и политической жизни Причерноморья в первой трети XIV в., а также свидетельствует о том, что для Абу-л-Фиды основным источником информации о Черном море являлись сообщения современных ему египетских информаторов, бывших в курсе дел в Золотой Орде. Абу-л-Фида, часто посещавший Египет и имевший возможность лично общаться с султаном, был, вероятно, наслышан о монгольских посольствах, а может быть, и сам присутствовал при приемах золотоордынских посланцев.

Гидроним “Черное море” по своему происхождению является арабской калькой турецкого гидронима *Karadeniz*, вошедшего в употребление в XIII в. [22. S. 781–783]. О хорошем знакомстве Абу-л-Фиды с турецкой топонимией Причерноморья говорят приводимые им турецкие наименования причерноморских городов Малой Азии – Стамбула, Синопа, Самсуна, Трабзона, – а также Северного и Северо-Западного Причерноморья (ал-Азак, ал-Кирим, ат-Таман, Сару-Карман, Акджа-Карман, Сакджа).

Что касается Азовского моря, то его название Абу-л-Фида производил от топонима *Азак* – тюркского наименования золотоордынского города близ устья Дона, развалины которого находятся на территории совр. Азова [23. С. 313; 24. С. 39]. Хотя Абу-л-Фида отмечает важную роль Азова в торговле, он не приводит никаких сведений о располагавшихся на территории города итальянских колониях (Тана), что лишний раз подтверждает его слабое знакомство с европейскими источниками информации. Как и Азов, Тамань была известна Абу-л-Фиде только под тюркским названием. Поэтому цитируя сообщение Ибн Са‘ида о Матрахе, Абу-л-Фида оставил его без комментариев и не внес в него никаких изменений [6. С. 204]; (ср.: [25. С. 138]).

Описания Каспийского и Балтийского морей, содержащиеся во введении к “Таквим ал-булдан”, представляют меньший интерес, так как они основаны, главным образом, на сообщениях более ранних арабских географов. Так, в своем описании Балтийского моря Абу-л-Фида опирается на сведения среднеазиатского энциклопедиста первой половины XI в. ал-Бируни: “Рассказ о море Варанк: Я [нигде] не нахожу упоминания об этом море, кроме как в сочинениях Абу Райхана ал-Бируни и в книге ан-Насира, и я придерживаюсь мнения, высказанного ал-Бируни. Он говорит, что море Варанк отделяется от Окружающего моря на севере и простирается в южном направлении; его длина и ширина значительные. Варанк – это народ, [живущий] на его побережье” [6. С. 35].

Действительно, ал-Бируни пишет, что Окружающее море от ал-Андалус (Испания) простирается “к северу параллельно с землей саклабов, от него отделяется большой залив на севере у саклабов и простирается близко к земле болгар, страны мусульман; они знают его как море варанков, а это народ на его берегу” (цит. по: [3. С. 248]). Абу-л-Фида называет еще одного автора, обладавшего какими-то сведениями о Балтийском море, – некоего ан-Насира. Под этим именем, как полагают, может подразумеваться персидский ученый-энциклопедист Насир ад-дин ат-Туси (1201–1274) [3. С. 112–114], однако о том, какие данные он приводит о Прибалтике, ничего не известно.

Во введении к “Таквим ал-булдан” помещено систематизированное описание восточноевропейских рек – Дуная, Дона, Днепра и Волги (*Амила*): “Далее

[я опишу] главные реки в стране тюрок, известные купцам, посещающим ту страну. Большинство авторов книг обходит их молчанием. В этом разделе я, по мере сил, расскажу о них, в соответствии с тем, что говорят об этих реках побывавшие в тех краях лица” [6. С. 63]. Содержание сообщений о Дунае, Днепре и Доне вполне подтверждает слова Абу-л-Фиды о том, что описания были составлены им по современным данным, полученным от купцов; характеристика *Атилла*, напротив, восходит к известиям арабских географов X–XII вв.

В основной части сочинения Абу-л-Фиды содержатся сообщения о городах и народах Причерноморья, также основанные главным образом на сведениях, полученных географом только от современных ему мусульманских информаторов или мусульманских источников. Об этом говорит топонимика – преимущественно тюркская – его известий, касающихся причерноморских городов. Наиболее подробны и достоверны сообщения Абу-л-Фиды об этнополитической географии тех районов Восточной Европы, которые входили в состав Золотой Орды – Северного Причерноморья, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья. Приводимые географом сведения касаются главным образом золотоордынских городов этих регионов.

В описании Дуная отразились представления Абу-л-Фиды о большой протяженности этой реки, об огромных территориях, по которым она протекает, населенных разными народами. «Река Туна (с даммой при та без точки, *фатхой* при нуне и алифом) – это большая река, гораздо больше Тигра и Евфрата, вместе взятых. Начинаясь в более отдаленных северных краях, она течет на юг и стекает на восток с горы, называемой Кашка-Таг, то есть “Трудная гора”, потому что через нее трудно перейти. Эта гора дает приют многим неверным народам, таким как ал-авлак, ал-маджар, ас-сарб и другие. Итак, река Туна течет на восток с этой горы и, по мере того как движется к югу, приближается к морю Ниташ, называемому сейчас морем ал-Кирим. Она протекает между горой и морем, пока не вольется в море к северу от города, именуемого Сакджа, который находится в земле ал-Кустантинийа и расположен на северо-северо-запад от [города] ал-Кустантинийа. Таким образом, широта Сакджи больше, чем широта ал-Кустантинийи: тогда как последняя составляет 45 градусов, широта Сакджи – около 50 градусов, немного больше или меньше» [6. С. 63].

Основным источником сведений о Дунае для Абу-л-Фиды были рассказы путешественников, так как книжная информация об этой реке оказалась крайне скудна. Действительно, в сочинении географа XII в. ал-Идриси Дунай хотя и неоднократно упоминается, но сведения о нем настолько фрагментарны, что составить по ним общую характеристику реки затруднительно [26. С. 893–898, 901, 908]. Описание Дуная в сочинении Ибн Са‘ида (XIII в.) могло оказать влияние разве что на формирование у Абу-л-Фиды представления о большой протяженности реки, а также о том, что она впадает в Черное море (ср.: [25. С. 126, 136]). Вся же остальная информация, приводимая Абу-л-Фидой, почерпнута им из устных источников. При этом он в гораздо большей степени, чем Ибн Са‘ид, опирался на источники тюркского происхождения: если Ибн Са‘ид наряду с принятой у европейских народов формой наименования Дуная (*Дуна* – в передаче Ибн Са‘ида) дает и тюркскую форму (*Туна*), то у Абу-л-Фиды не только наименование реки, но и вообще вся топонимика отрывка исключительно тюркская.

Так, Абу-л-Фида впервые в арабской географической литературе упоминает о горе под названием *Кашка-Таг*; этот ороним имеет тюркское происхож-

дение и переводится как “Лысая гора” [24. С. 53–54, 109]. Нерасчлененность представлений о рельефе Юго-Восточной и Центральной Европы не позволила географу дать характеристику горных систем этих регионов в специальном разделе введения, посвященном описанию гор. Отрывочные и весьма туманные сведения об Альпах, Балканах и Карпатах превратились у Абу-л-Фиды в представление об одной горе, где берет начало Дунай и вдоль которой он течет вплоть до впадения в море.

Абу-л-Фида относит Дунай к рекам “страны тюрков”, т.е. к Золотой Орде. Отсюда следует, что он располагал данными главным образом о районе Нижнего Дуная, который в первой половине XIV в. находился в зоне влияния золотоордынцев. Не случайно, единственный дунайский город, называемый Абу-л-Фидой, – это *Сакджа* (Исакча), административный центр власти Золотой Орды в этом районе.

Остатки средневекового города, именуемого в арабских источниках *Сакджа*, находятся на правом берегу Дуная в местности Эски-кале, в 2 км к востоку от современного румынского города Исакчи. Первое сообщение о *Сакдже* содержится у египетского историка начала XIV в. Рукн ад-дина Бейбарса. Он пишет, что отправленный во владения разгромленного Ногая сын хана Токты Тукулбуга “утвердился в Сакдже на реке Туна и на местах, прилегающих к Железным воротам, где находились становища Ногая” [2. С. 93, 117]. Из контекста сообщения видно, что речь может идти о самом начале XIV в., когда хану Токте удалось в результате жестокой войны восстановить единство Улуса Джучи. Этот же рассказ об утверждении Тукулбуги на Дунае повторяют арабский энциклопедист первой трети XIV в. ан-Нувайри и арабский историк начала XV в. Ибн Халдун [2. С. 138–139, 159, 162].

Наиболее пространную информацию о *Сакдже* дает Абу-л-Фида, ссылающийся на некоего жителя этого города как на источник своих сведений о нем. По его данным, *Сакджа* находилась “в устье Туны, великой и славной реки”, впадающей “к северу от города” в Черное море [6. С. 63]. Населенный пункт описан Абу-л-Фидой следующим образом: “Сакджа – город средних размеров, расположенный на равнине у подножья [горы] Кашка-Таг, близ впадения [реки] Туна в море Ниташ. От Сакджи до [города] Акджа-Карман пять дней [пути], а до [города] Кустантинийа по суше двадцать дней [пути]. Сакджа находится на юго-западном берегу [реки] Туна, с той стороны, которая ближе к Кустантинийа. Преобладающая часть жителей Сакджи исповедует ислам” [6. С. 213]. Сведения о городе Абу-л-Фида приводит в табличной форме и в графе о политическом положении Сакджи заявляет, что город находится “в [земле] валахов и в зависимости от Константинополя” [6. С. 212].

Употребляемый Абу-л-Фидой термин *ал-авлак* является арабской передачей этнонима “влах”, вошедшего в арабскую историографию на рубеже XIII–XIV вв. и встречающегося, кроме сочинения Абу-л-Фиды, также у Рукн ад-дина Бейбарса, ан-Нувайри, ал-Калкашанди (начало XV в.) для обозначения болгар и Болгарского царства [18. С. 89–91]. Поэтому сообщение Абу-л-Фиды о *Сакдже*, на первый взгляд, весьма противоречиво: в самом деле, трудно представить себе статус города, населенного по преимуществу мусульманами, но при этом расположенного в болгарских землях да еще и находящегося в зависимости – неясно, какого характера – от Константинополя. Тем не менее оно довольно точно отражает этнополитическую и религиозную ситуацию, сложившуюся в этом населенном пункте в первой трети XIV в.

Указание на то, что *Сакджа* относилась к территории Болгарского царства, можно трактовать как отражение двойного подчинения Днестровско-Дунайских степей при болгарском царе Федоре Святославе [27. С. 33–45; 28. Р. 1099–1118]. Что же касается зависимости города от Константинополя, то представление о *Сакдже* как византийском городе возникло потому, что значительная часть горожан – прежде всего, генуэзские торговцы, основавшие здесь свою факторию, – исповедовала православие, а арабы-мусульмане того времени воспринимали эту религию как византийскую [19. С. 91–99].

Абу-л-Фида располагал информацией о портовом городе в устье Днестра – *Акджа Кармане*: “Акджа Карман – это небольшой населенный пункт на побережье моря Ниташ. Он находится к западу от Сару Кармана, и между ними пятнадцать дней [пути]. Акджа Карман расположен на равнине. Населяют его мусульмане и неверные. Неподалеку от него впадает в море река Турлу, которая по величине может соперничать с [рекой Оронт в] Хама. Между Акджа Карманом и Сакджей расстояние в пять дней [пути]” [6. С. 213]. В графе о политической принадлежности города говорится, что он относится к “стране ал-булгар и ат-турк” [6. С. 212]. Наименование города является арабской передачей тюркского названия “Аккерман”, которое было, в свою очередь, либо калькой со славянского “Белгород”, либо золотоордынским наименованием по типу многих других топонимов с формантом *-керман* (“крепость”), характерных для Золотой Орды.

Сведения о городе Абу-л-Фида получил от бывавших в Аккермане путешественников и купцов, которые сообщили ему данные о сухопутных маршрутах, связывавших Аккерман с городами Крыма и Нижнего Подунавья. Скорее всего, информатором Абу-л-Фиды был его соотечественник, иначе трудно объяснить, кто еще стал бы сравнивать Днестр с рекой Оронт, протекающей в Сирии. Данные Абу-л-Фиды об Аккермане относятся ко времени, когда Аккерман находился в двойном подчинении – им владел болгарский царь, являвшийся вассалом золотоордынского хана, так что, помещая город в пределы “страны болгар и тюрков”, географ отразил действительное положение вещей.

Данные о Днестре из книги Ибн Са‘ида Абу-л-Фиды не счел нужным включить в текст своего сочинения. Имевшиеся в сочинении Ибн Са‘ида сведения о реке *Данаст* [25. С. 136–137] не могли вызывать у сирийского географа никаких ассоциаций с реальным Днестром, так как в отличие от Ибн Са‘ида, пользовавшегося греческим наименованием Днестра, Абу-л-Фида знал только тюркскую форму гидронима – *Турлу*.

Несмотря на то, что Абу-л-Фиде осталось неизвестным наименование стоянки в устье Днепра, географ располагал некоторыми данными о самой реке: “Река Аззу – довольно большая река, которая берет начало на севере и течет к востоку от реки Туна. Сначала она поворачивает на запад, затем – на восток и впадает в залив моря ал-Кирым между Сару Карманом и Акджа Карманом, двумя городами, расположенными на побережье этого моря. Широта этих городов приблизительно такая же, как широта Судака, а их долгота гораздо меньше, так как они находятся на большом расстоянии к западу от Судака, который расположен на 56 градусах долготы и 51 градусе широты. Вот что говорит Ибн Са‘ид в четвертой секции своего описания стран, находящихся за пределами седьмого климата” [6. С. 63–64].

Ссылка Абу-л-Фиды на Ибн Са‘ида относится лишь к данным последнего о координатах города Судака (ср.: [25. С. 138, 140]). Весь остальной материал в сообщении Абу-л-Фиды собран им самим и восходит к золотоордынским источникам, о чем свидетельствует топонимика отрывка, в котором все гидро-

нимы (*Аззу, Туна*) и ойконимы (*ал-Кирым, Сару Карман, Акджа Карман*) приведены в тюркской форме.

Наряду с этим описанием в другом месте своего сочинения Абу-л-Фида цитирует сообщение Ибн Са'ида о реке Днепр: “Самая крупная река, которая впадает в озеро Тума, – это Танабрис, протяженная и полноводная река, текущая через земли ал-булгар и ат-турк [...] К северу от этой области (крепости Дарму. – И.К.) течет большая река Танабрис. На ней стоит город Саксин, который мы уже упоминали. Сейчас им владеют потомки Берке, правителя татар-мусульман. Там есть медресе и мечети. К востоку оттуда – на 10 градусов с небольшим – лежит исток реки Танабрис, которая впадает в озеро Тума. Река берет начало в высокой изогнутой горе, примыкающей к большой горе, простирающейся до конца обитаемой земли на севере; ее исток находится на 107 градусах 30 минутах долготы и 61 градусе широты” [б. С. 205]; (ср.: [25. С. 138, 140]).

Сам Абу-л-Фида не видел никакой связи между данными о реке, известной ему под названием *Аззу*, и сведениями о реке *Танабрис*, которые он заимствовал из книги Ибн Са'ида.

Абу-л-Фида первым из арабских ученых дал достоверное описание Дона как самостоятельной реки (а не притока *Атила*) и указал на место ее впадения в Азовское море: “Река Тан – это огромная река, [текущая] к востоку от [реки] Аззу и к западу от [реки] ал-Асил. Она течет с севера на юг и впадает в озеро Маниташ⁷, известное в наше время как море ал-Азак [будучи названным так по имени], порта на его берегу, куда стремятся купцы. Река Тан впадает в упомянутое море близ [города] ал-Азак, к западу от него” [б. С. 64].

Данные Абу-л-Фиды о городах Крымского полуострова почти целиком основаны на современной географу информации и по полноте превосходят описания населенных пунктов Крыма, оставленные европейскими и арабскими путешественниками XIII–XIV вв. (переводы фрагментов и разбор сведений см.: [21]). Восточное же Причерноморье относилось к числу тех регионов, которые были слабо известны Абу-л-Фиде. Его основным источником о городах и народах этих мест являлись сообщения Ибн Са'ида, которые Абу-л-Фида приводит с некоторыми изменениями [б. С. 203]; (ср.: [25. С. 129]).

О Руси у Абу-л-Фиды не было современных сведений. Географ несколько раз упоминает о Руси как о северной стране. Так, в описании моря, окружающего Землю, во введении к “Таквим ал-булдан” Абу-л-Фида говорит, что оно омывает побережье Руси [б. С. 20]. В основной части сочинения он сообщает о соседях Руси: “К числу расположенных на севере областей относится страна ар-Рус. Ар-рус живут к северу от города Билара, упомянутого в таблице. К северу от [народа] ар-рус обитает народ, который ведет торговлю, не видя своих торговых партнеров” [б. С. 201].

Главным городом русов Абу-л-Фида, вслед за Ибн Са'идом, считал город *Русийа*: «Ибн Са'ид говорит, что Русийа – главный город русов, а русы – многочисленный народ, выделяющийся своей силой среди храбрейших народов Аллаха. У них на море Ниташ⁸ есть много поселений, названия которых [нам] неизвестны. В “Китаб ал-атвал” сказано, что долгота [этого] города – 77 граду-

⁷ Араб. *Маниташ* (или *Манитас*) – распространенное в арабской географии наименование Азовского моря, восходящее к греч. *Μαίωτις* (Меотиды), искаженному в арабской передаче неверной постановкой диакритических знаков.

⁸ Это название произошло от неверной постановки диакритических знаков в арабской передаче греческого наименования Черного моря Понт (греч. *Πόντος*, араб. *Бунтус*).

сов, а широта – 45 градусов. Также [там] говорится, что Кутаба – город русов, а его долгота – 77 градусов, широта – 58 градусов» [6. С. 223]; (ср.: [25. С. 136]).

Описание города у Абу-л-Фиды никак не связано ни с утверждениями о северном местонахождении русских земель, ни с приводимыми им подробными современными ему сведениями о портовых городах Черного и Азовского морей, о впадающей в последнее реке Дон. Не сумев вписать сообщение Ибн Са'ида о городе *Русийа* в контекст своего рассказа о Черном и Азовском море, Абу-л-Фида попытался соотнести данные испанского географа с информацией “Книги долгот”, где фигурируют иные, чем у Ибн Са'ида, координаты города, и опираясь на показания этих двух источников, высказал мнение о возможном тождестве города *Русийа* с городом русов *Кутаба* из “Книги долгот”. Ж.Т. Рено полагает, что под топонимом *Кутаба* подразумевается Киев [10. Р. 321]. Действительно, название, взятое Абу-л-Фидой из “Книги долгот”, может быть искаженной формой от *Куйаба* – наименования Киева, встречающегося у арабо-персидских географов X–XIII вв. в рассказе о трех “группах” русов.

Единственное сообщение в книге Абу-л-Фиды о народах Европейского Севера традиционно для мусульманской литературы, но вполне возможно, что географ мог слышать рассказы о поездках в те края и от своих современников: “К северу от [народа] ар-рус обитает народ, который ведет торговлю, не видя своих торговых партнеров. Некто из ездивших в ту страну рассказывал, что ее жители обитают вплоть до берега Северного моря. Он говорил, что, когда в их пределы приходит караван, торговцы начинают с того, что дают знать о его приходе. Затем они приближаются к месту, определенному для продажи и купли. Каждый торговец кладет свой товар, снабженный ярлыком, и они возвращаются в свои жилища. Тогда появляются туземцы и кладут напротив того товара шкурки соболя, лисы, рыси и тому подобные, оставляют их и удаляются. Затем возвращаются торговцы, и тот, кому понравился предмет, предлагаемый на обмен, берет его; а кому не понравился – оставляет его до тех пор, пока обе стороны не придут к взаимному согласию” [6. С. 201–202].

О меновой торговле, распространенной у народов Европейского Севера, писали более ранние арабские авторы (сводку известий см.: [29. С. 62–65]). Б.Н. Заходер отметил, что в описании Абу-л-Фиды есть детали, отсутствующие у других писателей, такие как указание на местонахождение народа, ведущего меновую торговлю, к северу от русов, а также ссылка на слова путешественника, очевидца этой торговли [29. С. 64–65]. Предполагается, что этим путешественником мог быть Абу Хамид ал-Гарнати, посетивший Булгар и оставивший в одном из своих сочинений описание меновой торговли у северных народов Восточной Европы [30. С. 32–33, 105].

Таким образом, сообщения Абу-л-Фиды о физической географии Восточной Европы опираются, главным образом, на современные географу сведения. Их источники восходят к сфере политических и коммерческих контактов мамлюкского Египта с Золотой Ордой. Богатство новой информации о Восточной Европе позволило Абу-л-Фиде дать самостоятельные развернутые описания Черного и Азовского морей, Дуная, Днепра, Дона.

В отличие от физико-географического введения к “Таквим ал-булдан”, составленного преимущественно на основе современных географу устных данных, в разделе, посвященном описанию народов Европы, весьма значительна роль книжных известий, среди которых главное место принадлежит сведениям из сочинения Ибн Са'ида. Данные испанского географа встречаются в сообщениях даже о тех объектах, о которых у Абу-л-Фиды была собственная

обширная информация. Сведения Абу-л-Фиды о Руси целиком восходят к сообщениям более ранних источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Закиров С.* Дипломатические отношения Золотой Орды с Египтом (XIII–XIV вв.). М., 1966.
2. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I: Извлечения из сочинений арабских.
3. *Крачковский И.Ю.* Арабская географическая литература // *Крачковский И.Ю.* Избранные сочинения. М.; Л., 1957. Т. IV.
4. *Gibb H.A.R.* Abu 'l-Fida // *The Encyclopaedia of Islam: New edition.* Leiden; London, 1960. Vol. 1.
5. *Lane-Poole S.* A History of Egypt in the Middle Ages. London, 1968.
6. *Géographie d'Aboulféda.* Texte arabe publié d'après les manuscrits de Paris et de Leyde aux frais de la Société Asiatique par M. Reinaud et Mac Guckin de Slane. Paris, 1840.
7. *Reinaud M.* Géographie d'Aboulféda, I: Introduction générale a la géographie des Orientaux. Paris, 1848.
8. *Марков С.Н.* Известия о Севере арабских географов XIV в. // *Летопись Севера.* 1949. № 1.
9. *Abulfedae opus geographicum / Ex arabico latinum fecit J.J. Reiske // Magazin für die neue Historie und Geographie / Angelegt von D.A.F. Büsching.* Hamburg, 1770. Т. 4–5.
10. *Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe en français et accompagnée de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud.* Paris, 1848. Т. II. Première partie.
11. *Géographie d'Aboulféda traduite de l'arabe par St. Guyard.* Paris, 1883. Т. II. Deuxième partie.
12. [*Seippel A.*] *Rerum Normannicarum fontes arabici: E libris quum typis expressis tum manu scriptis collegit et sumptibus Universitatis Christianiensis ed. A.Seippel.* Christianiae, 1896. Fasc. 1, textum continens.
13. *Карамзин Н.М.* История государства Российского в 12-ти томах. М., 1989. Т. I.
14. *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877.
15. *Гаркави А.Я.* Крымский полуостров до монгольского нашествия в арабской литературе // *Труды IV Археологического съезда в России.* Казань, 1891. Т. 2.
16. *Бартольд В.В.* География Ибн Са'ида // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1973. Т. VIII.
17. *Бартольд В.В.* История изучения Востока в Европе и России // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1977. Т. IX.
18. *Коновалова И.Г.* Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днестровских земель // *Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования: 1990 г.* М., 1991.
19. *Коновалова И.Г., Перхавко В.Б.* Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000.
20. *Коновалова И.Г.* Черное море в описании Абу-л-Фиды // *Сборник Русского исторического общества.* М., 2003. Т. 7 (155): Россия и мусульманский мир.
21. *Коновалова И.Г.* Северное Причерноморье в арабской географии XII–XIV вв. // *Вопросы истории.* 2005. № 1.
22. *Mordtmann J.H.* Kara deniz // *Enzyklopaedie des Islam.* Leiden; Leipzig, 1913. Bd. II.
23. *Бартольд В.В.* Азак // *Бартольд В.В.* Сочинения. М., 1965. Т. III.
24. *Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
25. *Ibn Sa'id al-Magribi.* Libro de la extensión de la tierra en longitud y latitud / Edición crítica y notas del Dr. J.Vernet Gines. Tetuan, 1958.
26. *Al-Idrisi.* Opus geographicum sive "Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant" / Consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci. Una cum aliis ed. A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Neapoli; Romae, 1978. Fasc. VIII.
27. *Коновалова И.Г., Руссов Н.Д.* О политическом положении региона Днестровско-Дунайских степей в первой трети XIV в. // *Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма.* Кишинев, 1988.
28. *Ciociltan V.* Hegemonia Hoardei de Aur la Dunărea de Jos (1301–1341) // *Revista de istorie.* 1994. Т. V. № 11–12.
29. *Заходер Б.Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Ч. II.
30. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1151 гг.) / Публ. О.Г. Большакова, А.Л. Монгайт. М., 1971.

© 2005 г. С. И. МУРТУЗАЛИЕВ

РЕЛИГИОЗНО-ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА ПОРТЫ И РОЛЬ НАЛОГОВОЙ СИСТЕМЫ В ИСЛАМИЗАЦИИ БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ (XV – НАЧАЛО XVII ВЕКА)

Некоторые западные политологи, изучающие “зоны/дуги нестабильности”, заявляют, что Балканы взорвали европейский мир “воинствующей этничностью” и противоборством конфессий – ислама и православия. Разыгрывая “карту” исторических обид и несправедливостей, некоторые “аналитики” разжигают и подогревают конфликтотенную ситуацию и в рассматриваемом регионе, и на Северном Кавказе, и в других “горячих точках” планеты.

По мнению А.Я. Анцупова, А.И. Шипилова и Н.В. Гришиной, сегодня можно выделить как минимум одиннадцать областей научного знания, которые так или иначе изучают конфликты [1; 2], в их числе политологи, социологи, историки, религиоведы, экономисты, юристы, психологи, педагоги, специалисты по национально-конфессиональным отношениям и т.д.

Думается, не лишним будет напомнить исследователям “взрыва этничности” о том, что данный “этнический феномен” вовсе не принадлежность только XX и начала XXI в. Вся история цивилизации человечества свидетельствует о том, что этническая активность была одним из основных двигателей исторического процесса. Под ее влиянием тысячекратно перекраивалась политическая карта мира, создавались и гибли огромные империи. Но это вовсе не означает существования в реальной жизни чисто межэтнических или межконфессиональных конфликтов – они, как правило, являются лишь способами достижения и/или защиты своих целей, интересов и т.д. Специфика этих конфликтов проявляется в противоречиях, связанных с различиями в языке, культуре, религии и других социокультурных особенностях этносов.

Наша задача состоит в том, чтобы на примере одной из сильнейших держав Средневековья – Османской империи рассмотреть некоторые вопросы, связанные с проблемой исламизации балканских народов в раннее Новое время.

Для нормального функционирования и развития любой системы необходима прочная нормативно-правовая база. Преобразования, начатые в XV в. завоевателем Константинополя султаном Мехмедом II Фатихом (1444–1446, 1451–1481), состояли в обретении эффективных рычагов управления, вследствие которых сложились основные социально-политические и экономические

Муртузалиев Сергей Ибрагимович – д-р ист. наук, зав. кафедрой истории древнего мира и средних веков Дагестанского государственного университета (г. Махачкала).

институты империи. В период правления султана Баязида II (1481–1512) эти институты были упорядочены и получили довольно четкую религиозно-правовую основу, в немалой степени связанную с деятельностью Мехмеда ибн Фира-Мурзы (умер в 1480 г.) и целой плеяды османских улемов.

Во время правления султанов Селима I Явуза (1512–1520) и Сулеймана Великолепного (1520–1566) они приобрели тот законченный вид, который длительное время считался в османском обществе образцом для подражания.

Положение завоеванных немусульманских народов было весьма сложным из-за одновременного действия сразу нескольких несовпадающих и даже входящих в противоречие между собой правовых систем и норм обычного права. К этим системам относились мусульманское право (Коран и шариат), светское османское законодательство (канун-наме, ферманы, бераты), обычное право мусульман (адаты), христианское, иудейское, армяно-григорианское каноническое право и иные предписания священных писаний немусульман, в какой-то мере (вероятно) решения Вселенских и поместных христианских соборов, а также некоторые унаследованные от Византии и других завоеванных стран государственные законы и, наконец, ограниченное сферой религиозной общины (сельской и городской) обычное право подчиненных народов. Пределы компетенции указанных норм не всегда были четко очерчены. Существовала своеобразная система иерархического соподчинения этих одновременно действовавших видов законодательства.

На завоеванных землях турки-османы широко распространяли идею о том, что если человек добровольно изменил свою религию, значит Аллах предопределил ему быть мусульманином и “вложил душу турка в тело христианина” [3. С. 443, 446]. Поэтому добровольно принявшие ислам пользовались у мусульман большим почетом, нежели те, которые “потурчены насильно” или стали “турками для спасения своей жизни” [4. С. 108]. Это и понятно, ибо добровольцы всегда предпочтительнее тех, кто вынужден был подчиниться обстоятельствам. Одним из стимулов для принятия ислама являлась возможность продвижения по службе, поскольку государственные должности могли занимать только правоверные мусульмане [5. С. 69–70]. Объясняется это тем, что культурно-политическая традиция, унаследованная Высокой Портой от предшествовавших ей мусульманских государственных образований, регламентировала роль и место различных этнических и религиозных групп в экономической и социально-правовой структуре османского общества. В соответствии с этой традицией и османскими реалиями принадлежность к той или иной этнической или этноконфессиональной группе во многом определяла социальный статус и вид профессиональных занятий ее членов [6. С. 70].

Важным аспектом идеологической деятельности османской элиты являлось распространение догмата о превосходстве ислама и мусульман над христианством и его последователями. Существует версия, что этот вопрос обсуждался даже на диспуте (точное время неизвестно) у великого визиря Махмуд-паши (занимал эту должность в 1455–1466 и 1470–1472 гг. [7. С. 118]). Суть спора сводилась к тому, что в “судный день... Мухаммед поведет в рай, а Христос приведет христиан в ад” [7. С. 43]. Распространение подобных идей, а тем более военно-политические успехи Османской империи в XV–XVI вв. способствовали повышению морального духа мусульман, вели к тому, что христиане, вступающие в контакты с мусульманами, обращали внимание на уверенность турок в собственном превосходстве.

Пропаганда преимуществ исламского порядка правления затрагивала и крестьянство враждебных империи пограничных государств. Султан Сулейман Великолепный специально указывал: “Обращайтесь с нашими подданными так, чтобы крестьяне соседних княжеств завидовали их судьбе и предпочитали наше управление власти христианских государей” (цит. по: [8. С. 143–144]). Но такая политика проводилась в сопредельных районах с другими странами и на внутренние области не распространялась. Не случайно великий визирь Лютфи-паша (XVI в.), озабоченный возможностью полного обнищания эксплуатируемых завоеванных народов, а значит и оскудения казны, призывал к тому, что “райю не следует слишком притеснять” [9. С. 5].

Неравноправное положение иноверцев (исключая особые “привилегированные” группы зависимого населения) зафиксировано во всех османских документах, относящихся к налоговому обложению. Изучая налоговую политику Порты, Н.С. Державин выделил тяжелые налоги (харадж или джизье, испендж или девширме, ангария и квартирная повинность), а также военные, чрезвычайные, обыкновенные и “множество... произвольных... которые были тяжелее обыкновенных” [10. С. 19–20]. С юридической точки зрения в налоговой системе Османской империи обычно выделяют две группы налогов: 1) рюсум-и шерие – законные налоги (ушр, закят, харадж), которые восходят к шариату и насчитывают до 80 наименований всевозможных податей и 2) текариф-и урфие – “налоги, собираемые в соответствии с обычаями и традициями... в разное время их насчитывалось до 97 названий” [11. С. 46; 12. С. 31–32].

Одним из налогов, взимавшихся с немусульман, был харадж. В комментариях великого муфтия Абуссууда к канун-наме Сулеймана Великолепного говорилось: если султан во время завоевания не истребил и не пленил людей, а оставил их на своих местах и дал землю для обработки прежним владельцам, они обязаны платить джизье и харадж [13. С. 60–61, 277], мусульман же нельзя облагать этим налогом. Разделение подданных по конфессиональному признаку и более легкое налоговое положение мусульман особо подчеркивалось османским законодательством при обложении поземельным налогом харадж и муваззаф. Мусульманская райя ежегодно платила 20–22 акче с хозяйства, тогда как православное болгарское население платило идентичный по характеру налог, но уже в размере 25 акче [13. С. 97, 249 и др.]. Как было сказано в пояснениях к законам о налогах, османы называют “харадж-и муваззаф чифт” словом “боюндурук”, что означает право на ярмо, хомут (другое значение термина “боюндурук” – иго, рабство [14. С. 398]). “На языке неверных он (этот налог. – С.М.) называется испендж” [13. С. 98]. Само название “испендж”, означавшее нечто вроде выкупа с военнопленных за то, что их оставили в живых [15. С. 79], указывало на более низкое положение иноверцев по сравнению с мусульманами. На дискриминационный характер налогового законодательства в отношении немусульман прямо указывает “Закон о принявших ислам” (1609 г.), предписывавший с перешедших в мусульманство “испендж не взимать” [13. С. 152]. Одновременно со сбором этого налога в “Канун-наме санджака Силистры” (XVI в.) предписывалось дополнительно взимать с “неверных” по “одной курице и одному круглому пресному хлебу” [13. С. 264].

Допустив существование православной общины, Порта собирала специальную подать с “каждой (христианской. – С.М.) башины... по одному акче ресм и божик” – дань за убой свиней [13. С. 248, 325] во время христианских праздников: Рождество, день святого Георгия и др. Об этом говорится в канун-наме

Сулеймана, в “Законе о санджаке Чирмен”, в “Канун-наме санджака Селистры” [13. С. 54, 248, 271]. В докладе (1597 г.) габсбургскому императору Рудольфу II Т. Балина и П. Джорджич писали, что османы забирают у болгар “деньги, вино и все другие вещи, которые им понадобятся... Там, где раньше брали шестьдесят аспр с души... три года назад... начали платить каждый по четыреста и пятьсот аспр, а сейчас... достигли до восьмисот и тысячи аспр” [16. С. 54–55]. Эти данные перекликаются со сведениями Кучибея Гомюрджинского о том, что налог джизье до 1582 г. собирался в размере 40–50 акче, но уже в первой половине XVII в. возрос до 700–800 акче [17. С. 139, 141]. Подобный рост налогов был возможен только в обстановке усиления эксплуатации и “революции цен”.

На фоне налоговых послаблений для мусульманского населения повседневная дискриминация христиан в налоговом обложении являлась одним из действенных методов пропаганды преимущества принятия ислама. Примером тому служит сообщение армянского хрониста Симеона Лехаци, представителя образованных кругов города Львова, совершившего 12-летнее (1604–1616 гг.) паломничество к святым местам на Востоке, во время которого он дважды пересекал Балканский полуостров. Лехаци пишет о том, что когда прибыли сборщики хараджа (“хараджчи”), оказалось, что многие боснийцы приняли ислам, дабы не платить налог. “Тогда... (султан. – С.М.) повелел: “Пусть платят [все], хоть и стали мусульманами”, считать мусульманами только тех, кто совершил хадж [18. С. 61–62]. Возвращаясь во Львов, Лехаци констатирует, что упомянутые выше боснийцы совершили хадж в Мекку и в этот раз хараджчи вынуждены были уехать с пустыми руками. Данный пример убеждает в том, что в конце XVI – начале XVII в. политика исламизации балканского населения, как важный фактор упрочения своего влияния на завоеванных землях, отвечала политическим задачам Порты лишь до известных пределов, хотя роль ислама в сохранении единства и целостности империи все более возрастала.

Побудительные причины перехода христиан в ислам, разумеется, были различны у разных социальных категорий населения. Главными источниками, позволяющими судить о численности принявших ислам, являются османские описи, довольно регулярно проводившиеся в завоеванных землях. Они дают возможность определить результаты исламизаторской политики среди таких представителей господствующего класса как, например, христиане-спахии (получившие земельное пожалование – тимар за военную службу). Попутно заметим, что хотя эти представители завоеванных народов и вошли в состав господствующего класса османского государства, однако полного социального равенства между османами-спахиями и христианами-тимариотами не было [19. С. 32–63; 20. С. 184–197].

Дискриминационный характер османской политики, как и набирающий силу процесс изъятия земельных пожалований у иноверцев и передача их земель мусульманам, привели к тому, что количество христиан-спахий на протяжении XV в. непрерывно сокращалось. В то же время в регистрах возрастает число владельцев тимаров, которые названы “новыми магометанами” или “сыновьями Абдуллаха”. К концу XVI в., к примеру, в Кюстендилском санджаке, где дольше всего сохранялись христиане-тимариоты, регистр 1591 г. отмечает 30 спахий, но 8 из них названы “новыми магометанами”, а остальные – “сыновьями Абдуллаха” и нет уже ни одного христианина [21. С. 233–358].

Таким образом, в конце XVI в. период временного компромисса османской власти с этой частью населения завершается. Это означает, что османы уже основательно утвердились на завоеванных землях, не испытывали более нужды в такой категории господствующего класса, как христиане-спахии и теперь могли поставить их перед дилеммой – принять ислам и сохранить социальное положение и свои владения или остаться верными отцовской (православной) вере, но лишиться тимара и преимуществ своего социального положения.

Об усилении значения норм шариата свидетельствуют приписки на полях копий текста канун-наме Селима I, в которых говорится о неверности положений государственного законодательства, противоречащих шариату, а действительным объявляется то, “что шариат предписывает” [22. С. 34]. Подтверждение этому мы находим в адалет-наме 1595 г., в котором султан Мехмед III (1595–1603) сурово порицает “чиновников-деспотов за пренебрежение к канун-наме” и требует соблюдать нормы шариата [23. С. 472–473].

Такое повышение роли мусульманского права наряду с усилением центробежных тенденций на Балканах способствовало созданию благоприятной обстановки для перехода к более активной исламизации завоеванного населения в конце XVI – начале XVII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анципов А.Я., Шпилов А.И.* Конфликтология: теория, история, библиография. М., 1996.
2. *Гришина Н.В.* Психология конфликта. СПб., 2000.
3. *Hasluck F.* Christianity and Islam under the Sultans. Oxford, 1929. Vol. 2.
4. *Кобищанов Т.Ю.* Профессиональная специализация этноконфессиональных общин на Арабском Востоке в османскую эпоху (XVIII – начало XIX в.) // Вестник Московского университета. 2000. Сер. 13. Востоковедение. № 4.
5. *Френски пътеписи за Балканите XV–XVIII в.* София, 1975.
6. *Гиргас С.* Права христиан на Востоке по мусульманским законам. СПб., 1865.
7. *Записки янычара.* М., 1978.
8. *Еремеев Д.Е.* Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М., 1971.
9. *Тверитинова А.С.* Социальные идеи в турецких дидактических политико-экономических трактатах XVI–XVII вв. М., 1960.
10. *Державин Н.С.* История Болгарии: М.; Л., 1947. Т. 3.
11. *Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А.* Очерки истории Турции. М., 1983.
12. *Тверитинова А.С.* Восстание Кара-Языджи Дели Хасана в Турции. М.; Л., 1946.
13. *Турски извори за историята на правото в българските земи.* София, 1961. Т. I.
14. *Турски извори за българската история.* София, 1977. Т. 6.
15. *Цветкова Б.* О религиозно-национальной дискриминации в Болгарии во время турецкого владычества // Советское востоковедение. 1957. № 2.
16. *Тодорова М.* Подбрани извори за историята на балканските народи XV–XIX в. София, 1977.
17. *Смирнов В.Д.* Кучибей Гомюрджинский и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции. СПб., 1873.
18. *Лехаци Симеон.* Путевые заметки. М., 1965.
19. *Мутафчиева В.* За състоянието на робския труд в османското стопанство през XV–XVI в. // Изследвания в чест на Марин С. Дринов. София, 1960.
20. *Цветкова Б.* Новые данные о христианах-спахиях на Балканском полуострове в период турецкого господства // Византийский временник. М., 1958. Т. 13.
21. *Турски извори за българската история.* София, 1972. Т. 3. Сер. XV–XVI в.
22. *Книга законов султана Селима I.* М., 1969.
23. *Хейд У.* Старинные османские уголовные Канун-наме // Труды XXV Международного конгресса востоковедов (1960 г.). М., 1963. Т. II.

© 2005 г. Б. ИВАНОВА-ЦОЦОВА

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ КОМПОНЕНТЫ В СТРУКТУРЕ ЖИВОПИСНОГО ПОРТРЕТА НА ЗАРЕ НОВОГО ВРЕМЕНИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ*

Жанр портрета на заре Нового времени наследует из Средневековья целый ряд особенностей. Общие для двух периодов и специфические, характерные лишь для портрета Нового времени компоненты, являются объектом данного исследования. До сих пор болгарский портрет не рассматривался в контексте произведений стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Проблему соотношения старого и нового в эту эпоху целесообразно анализировать на примере портретов, связанных с культом предков. Они играют существенную роль в социальной жизни, большой спрос на них определяет их место в культурном пространстве. Культ предков, нашедший художественное выражение в портрете кануна Нового времени и сформировавшийся на основе христианского средневекового мировоззрения в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, является базой для сохранения традиций изображения человека. Эти традиции – в виде средневековых компонентов – имели особое значение в процессе формирования новой концепции человека.

Наша цель – рассмотреть структуру портрета на стадии перехода к Новому времени в диахроническом плане и, выявив средневековые компоненты, обозначить их место в портретном жанре. Способ художественного отождествления личности¹, на наш взгляд, чрезвычайно важен при определении степени развития портрета и его принадлежности к средневековой или новой художественной системе.

Портрет в исследуемый период – это модель, имеющая специфическую семантическую и художественную структуру. Он отражает взгляды общества при переходе от средневекового к новому – ренессансному и просвещенческому мышлению. Портрет в странах Восточной и Юго-Восточной Европы формируется в это время на основе прежних компонентов, таких как *средневеко-*

Иванова Благвеста – д-р искусствоведения, Национальная художественная галерея (София).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Research support scheme. Институт Открытое общество, проект № 384/1997.

¹ Этот термин заимствован у болгарского исследователя Хр. Вакарелского [1. С. 136]. Портретное отождествление выражает систему взглядов и представлений на культурном уровне автора произведения. Здесь закодирована информация, имеющая внешнее воплощение в виде художественного изображения.

вая модель композиции, библейская мифология, фольклорное восприятие. Они присутствуют и в период, когда в искусстве усваиваются новые темы, жанры, формально-пластический язык. Наличие этих компонентов воздействует на становление портрета в новых социальных условиях. На формирование портрета накладывают отпечаток особенности отдельных стран, при сохранении значительного сходства в силу общей принадлежности к средневековому мышлению.

Портретный жанр мы будем рассматривать интердисциплинарно и в сравнительном плане. Начнем с внешних черт, лежащих на поверхности. Сначала проанализируем формальные особенности композиции портрета на заре Нового времени для определения модели, истоки которой мы обнаруживаем в средневековой композиции, затем охарактеризуем символические и знаковые особенности портрета с целью выявления наслоений предшествующего периода. Исследование на двух уровнях – формальном и семантическом – позволит очертить круг средневековых элементов и определить их соотношение с элементами новой эстетической традиции. Сравнительный анализ в синхроническом и диахроническом плане необходим для нахождения общих и специфических черт в структуре портрета на рубеже Средневековья и Нового времени в странах обозначенного региона. Эти страны в разное время и в разной степени подвергались западноевропейскому влиянию, поэтому изобразительное искусство неодинаково отражает средневековые традиции в переплетении с новыми.

Большая часть портретов рассматриваемого периода в польских землях, на Украине, в России, Чехии, Словакии, Венгрии и Болгарии связаны с погребальной обрядностью, ее атрибутами и местами поминаения (могила, семейная капелла в костеле, дом). Портреты соответственно можно классифицировать как погребальные (созданные для церемонии похорон), мемориальные (созданные после смерти в память об усопшем) и как не имеющие отношения к погребально-поминальным ритуалам. Функция таких портретов указывает на связь разных уровней структуры портрета с культом мертвых. Как отмечает П. Петрович, культ мертвых – причина изготовления надгробных памятников, а общественная жизнь только совершенствует их образ² [2. С. 16]. Изображения на надгробиях Хр. Вакарелски рассматривает как знаки, соответствующие времени и обществу и дающие символическое представление о личности. Ученый отмечает, что эволюция надгробного знака проходила в несколько этапов – колонна, лицевой камень, стелла с надписью и изображением, крест с портретом, надписью и/или эпитафией (у христиан) и современные бюсты [1. С. 136].

Социальная функция портрета XVI–XVIII вв., отражающего культ предков, особенно очевидна на материале произведений, созданных в Речи Посполитой. Портрет необходим для “помпезного” погребения (*rompa funebris*) [3; 4], имеющего дохристианское происхождение. В Польше это явление впервые имело место при похоронах короля Сигизмунда I Старого (1548) [5], а к концу

² Вспомним, что во время своего длительного существования и развития портрет в большей степени имел связь с культом мертвых, чем с прославлением живой личности. Начиная с портретной статуи в гробницах Древнего Египта, погребальной маски в Микенах, надгробной плиты в Риме, фаюмского портрета, донаторского портрета в Византии, пройдя через высокие достижения надгробной скульптуры Ренессанса и классицизма, в наше время портрет чаще всего имеет форму фотографии, выполненной на фарфоре и прикрепленной к простой надгробной плите.

XVI в. полностью оформилось [3. С. 9]. Это служит примером синхронности восприятия польской культурой западноевропейских образцов, свидетельствует об ее открытости. Портрет использовался в XVI–XVII вв. и при скромных похоронах польских мещан. Изображение умершего хранилось в церкви как портрет-эпитафия, чтобы последующие поколения не забывали о своих предшественниках. В православных областях Украины в XVI–XVII вв. надгробный портрет не встречается.

Пространство церкви или отдельные ее части, родовые часовни, предназначены для родовой портретной галереи (здесь также прослеживается связь с культом предков). Первыми изображениями в родовых галереях в Польше, Чехии, Словакии и Венгрии часто оказывались портреты донаторов. Эпитафии к ним продумывались заранее, о чем свидетельствует вышивание изображения на хоругви еще до смерти человека (см. ниже). Иначе обстояло дело с шести- или восьмиугольными надгробными портретами, которые ставили до захоронения на боковой стороне гроба. Их заказывали после смерти. Эти портреты после похорон также помещали в родовой галерее на восточной стене, над надгробием, и они выполняли мемориальные функции. В капелле собственно и формируется родовой портретной галерея. Так, например, А. Глатц отмечает присутствие родовых галерей в костелах Словакии в XVII–XIX ст. [6. С. 5; 5].

Вместе с посмертными портретами в костеле часто ставили “фиктивные изображения” родственников в целях продолжения традиции. На этих портретах, созданных спустя многие годы после смерти, модели изображаются живыми – как и в посмертных портретах. Как полагает А. Глатц, место портрета в родовой галерее соответствует принципу обязательного наличия фотографии основателя рода в семейном альбоме. Портреты часто копировали, чтобы они висели не только в костеле, но и в домах родственников [6. С. 5].

На Украине, во Львове, распространены погребальные хоругви. В Польше XVI в. они использовались при похоронах воинов. На них усопший изображен в полный рост или стоящим на коленях. На лицевой стороне представлена сама фигура, а на оборотной – надписи, гербы, имя умершего и дата смерти. После погребения хоругвь вешали над плитой.

Некоторые станковые портреты в Польше и России имеют сходные функции в погребальной церемонии. По мнению Пл. Белецкого, в России в первой половине XVII в. портреты парсунного типа, изображающие модель при жизни, ставили на гроб вместе с иконами (портреты царя Феодора Ивановича и Василия Скопина-Шуйского) [7. С. 50]. Е. Овчинникова же считает, что портрет Феодора Ивановича – изображение светское, а присутствие Спаса Нерукотворного на ковчеге³ портрета Скопина-Шуйского – достоверный признак надгробного портретного изображения [8. С. 62–65].

В балканских странах портрет в Новое время уже не имеет связи с локусом захоронения. Отсутствие захоронений донаторов в этот период в церквях среди православных народов Юго-Восточной Европы объясняется новой практикой, согласно которой умерших хоронят возле церкви (богатых людей, духовенство) или на кладбище. Портрет донатора, однако, остается в храме в период болгарского возрождения. Это обусловлено ростом национального самосознания и

³ Ковчег – своеобразная рама по краям доски, получающаяся в результате углубления плоскости, где расположено центральное изображение.

стремлением укрепить христианство в условиях подчинения Османской империи. В это время строится множество храмов на средства нового социального слоя – мещан (горожан). Соответственно создается немало портретов донаторов, к которым в той ситуации испытывали особое почтение. Настенными портретами украшались как соборные храмы, так и маленькие деревенские церквушки. Таким образом, место захоронения и изображение усопшего разведены в пространстве и функционально не связаны. И все же донаторский портрет имеет семантическую связь с поминальным обрядом. Функции в храме не меняются на протяжении веков, а присутствие манифестирует идею об очищении души через поминальные молитвы и молитвы святому – покровителю рода [9. С. 44].

Портреты донаторов – это часть росписи храма. Они расположены в тех частях, которые возведены как раз на средства донатора. Классическим примером в болгарском искусстве является соборная церковь Рильского монастыря (30-е годы XIX в.), где в 40-е годы на стенах часовен и в оконных проемах самоковские художники нарисовали прижизненные портреты главных донаторов, исполняющие мемориальные функции. Можно найти примеры создания в период болгарского возрождения станковых портретов усопших митрополитов, значение и функции которых идентичны донаторским [10; 11]. Некоторые из них, написанные на основе иконографической схемы Христа Пантократора, сходны с украинским станковым портретом иконописной школы Киево-Печерской Лавры⁴.

В Болгарии второй половины XIX в. был распространен обычай заказывать посмертные портреты горожан. На них, как и на надгробном польском и русском портрете, усопшего изображали живым; на некоторых из них стоит дата смерти. Эти портреты выполняют мемориальные функции и служат способом почитания культа предка в быту путем его изображения. Такие портреты сосредоточены, главным образом, в многоэтничном Пловдиве, что говорит об изменении восприятия портрета в доме: это уже не только знак памяти об умершем, но и зарождение семейной галереи [12]. Первые портреты усопших появляются в домах в 70-х годах XIX в. и несмотря на новизну подобного явления, представляют собой не что иное, как продолжение давней традиции культа памяти предков.

Композиция портретов отличается разнообразием. Смысловым и композиционным центром является фигура человека. Композиции имеют геометрически вертикальный или горизонтальный линейный ритм. Обычно они однофигурные, в Болгарии – двуфигурные. В XVII в. в Польше получают распространение многофигурные семейные портреты (см., например [13. Илл. № 16]). На донаторских портретах в Болгарии над головами изображенных мы видим фигуры Христа, Богородицы или святых. Формальные особенности портрета связаны с его функциями, о которых шла речь выше, и с культом предков.

Исследователь А. Василев указывает на редкие примеры портретов донаторов, не являющихся самостоятельной композицией, на болгарских иконах второй половины XIX в. В композиции “Успение св. Богородицы” портрет ктитора-архимандрита Мисаила выделен живописной рамой в правом нижнем углу как самостоятельная композиция [14. С. 219].

⁴ Независимо от сходства, доказать прямое влияние украинской традиции на русскую и болгарскую не представляется возможным.

Неизвестный автор. Портрет Georga D. Baltazara Horvatha-Stansitha. 1678 г. Словакия

В православной храмовой живописи на Украине, в Болгарии и Сербии на иконах и фресках со сценами Покрова Богородицы, Богородицы на троне, Богородицы с младенцем, Рождества Христа, Коронавания св. Богородицы со святыми, в некоторых сценах, иллюстрирующих Акафист Богородицы, появляются портретные изображения исторических лиц, что стало возможным благодаря прочно сформировавшейся традиции в византийской живописи (см. ниже).

Фигуры на портретах не связаны с реальным физическим состоянием изображаемого. Одинаково изображаются и живые, и умершие. Для обоих случаев характерны плоскостная и статичная фигура и объемное лицо. В России – портреты до поясные или погрудные. В Речи Посполитой доминируют изображения человека в полный рост. Сербский, греческий и болгарский станковые портреты обычно погрудные, а в болгарском донаторском портрете и в изображениях духовенства преобладают доколенные композиции. Существует и другой тип портретов (надгробные в русской традиции, катафалковые – в словацкой), в которых человек изображен в лежащем положении – на смертном одре с закрытыми глазами.

Погребальные хоругви XVI в. показывают развитие от словесного портретного текста к изобразительному. Сначала на хоругви размещали только герб и “конклюзию” – заключительные слова надгробной проповеди, восхвалявшей заслуги и добродетели усопшего [15. С. 199]. Хоругвь Корнякта – самый ранний из известных памятников типа композиции крупной коленапреклоненной фигурой перед распятием [7]. Такие хоругви были распространены в Речи Посполитой и в Белоруссии.

В русском портрете XVI в. фон композиции нейтральный, плоскостный. На Балканах до конца XVIII в. он – темный и глухой, а в Болгарии сохраняется таковым в портретах мастеров местных школ, например Николы Образовова, вплоть до середины XIX – начала XX в. [14. С. 459]. С XVII в. в фон

Н. Мыльников. Портрет ярославской купчихи П.И. Астаповой. 1827 г. Россия.

вводятся детали интерьера, отражающие вкусы того времени. Маркировка пола, занавеси, колонны, окна с пейзажем стол с книгой, распятие – все это элементы композиции портрета.

Атрибуты исключительно важны при интерпретации человеческого изображения, они наделяются социальным смыслом и имеют знаковые функции. Атрибуты в мужских портретах Речи Посполитой – преимущественно оружие; на украинских женских портретах изображены бусы и головные уборы. Для портретов духовенства характерны четки и книги. Четки также встречаются в болгарских портретах донаторов. Книга – атрибут станкового портрета мужчины, цветок – женщины. Использование атрибутов, передача характерных жестов коренится еще в средневековом искусстве и заимствуется в портретном жанре Нового времени, как отмечает П. Мрозовский [17. S. 333–349].

Гербы и имена изображенных – неотъемлемая часть портретов. Обычно они находятся на заднем плане. Герб говорит о происхождении и родовых связях изображенного, имеет репрезентативную функцию, выступает в качестве своеобразного аналога личности. По нему можно прочитать историю рода. Имя изображенного называет конкретную личность.

Надписям в портретах уделяется особое внимание. Надписи с именами изображенных располагаются по обеим сторонам головы. Тексты бывают связаны с биографией изображенного. В портретах, сделанных после смерти, они имеют характер эпитафии и расположены в барочных картушах. Чаще всего надписи, встречающиеся в польском, русском, украинском и болгарском портрете, раскрывают социальные или личные черты человека (особенно часто в

Христо Цокев. Портрет Илии Виденлиева. Ок. 1873 г. Болгария.

польском). В посмертных портретах указывается, что изображенный ушел из жизни, что свидетельствует о мемориальных функциях надписей. Биографические тексты в портрете использовались, подобно житийному тексту в средневековой религиозной композиции. Разница состоит в том, что в основе религиозной композиции лежал вербальный текст, портретное же изображение восходит к изобразительному тексту, созданному предшествующей эпохой. В портрете вербальное начало ненаправленно, в чем состоит его основное отличие от религиозной живописи. Кстати, оно может появляться в религиозной композиции, что характерно для украинской живописи XVIII в. и для болгарской XIX в.

Каждая эпоха выдвигает свои критерии сходства картины с предметом изображения. Способ достижения сходства обусловлен идейными и эстетическими взглядами эпохи. В портрете исследуемого периода сходство с оригиналом достигается всей композицией – атрибутами, надписями и гербами, особенностями интерьера.

Из всего сказанного можно сделать вывод, что сходство в портрете рубежа Нового времени в рассматриваемых странах достигалось косвенным путем – через элементы композиции и значение символов, имеющих архаическую семантику. Художники этого периода ставили перед собой задачу представить изображаемого со всеми его интересами и занятиями. Поэтому они наделяли его набором атрибутов, по которым о нем можно узнать многое. Само же лицо передавало специфику человеческого образа в целом. Степень достижения физического сходства можно анализировать, сравнивая одно изображение конкретного человека с другим, то есть, для этого нужно располагать несколькими оригиналами, а не множеством копий, как в польском и украинском портрете.

Как художественный жанр портрет болгарского возрождения отстает в своем развитии от литературы и литературного портрета. Подобную ситуацию можно объяснить консервативностью донаторского портрета, его активным введением в художественный обиход храмового убранства, когда возведение церковью являлось вопросом сохранения национальной идентичности и культуры. Западноевропейское культурное влияние шло опосредованно, что, в свою

очередь, сдерживало процессы обновления. В XIX в. болгарские художники усваивали итальянское и немецкое наследие, в том числе, и через гравюры тех авторов, которые оказали влияние на искусство Восточной Европы в XVIII в. Прочность средневековых традиций также задерживала развитие болгарского портрета на пути усвоения западного искусства.

Вотивные алтарные композиции XV в. в Чехии, Польше и Венгрии созданы под влиянием поздней готики. Они выполнены на деревянной основе и являются частью алтаря. Фигуры донаторов во весь рост часто представлены в иерархической перспективе; нередко они передают модель церкви святым или же святые держат ее в руках. Изображенные святые обычно являются патронами донаторов (св. Варвара, св. Екатерина, Блаженная Агнешка, св. Георгий) [17. S. 47–48, 83, 120, 19–130, 144]. Если донаторы изображаются с Богородицей, то композиция повторяет художественную формулу Поклонения волхвов [18. S. 15].

Средневековая византийская портретная традиция исходит из изображений царя (императора), иллюстрирующих его деятельность. Портреты размещались в документах [19], рукописях и стенных росписях [20]. Обычно иллюстрировались акты дарения и участия императора в дворцовых и богослужебных церемониях. В центре портретов – личность и совершаемые ею действия. Изображения местной знати создавались по образцу императорского портрета. В православной живописи на портретах мы видим людей, занимавших высокое общественное положение, изображение которых имеет строгую иконографию. Их фигуры могут изображаться в сценах Акафиста Богородицы, Рождественской стихиры, успения святых и Покрова Богоматери⁵.

В Польше портрет в наибольшей степени формировался под влиянием надгробия [23. С. 33]. В XV в. оно трехмерное и горизонтальное. В XVI в., когда наступает контрреформация, идеи Средневековья вновь становятся актуальными и надгробия вновь приобретают двухмерный характер [23. С. 53]. В нишах над саркофагом или по его бокам располагаются аллегорические фигуры святых, сцены бичевания Христа, распятия, восстания из гроба. Совокупность всех компонентов композиции и образует портрет. Сами же изображаемые как бы отрешены от жизни, их лица не несут смысловой нагрузки. Значение имеют фигура, одеяния, атрибуты и жесты. На эту важную особенность польского портрета обратил внимание Мрозовский, объясняя семантику жеста словами Фомы Аквинского: “Почитание Бога требует обязательного телесного выражения, знаков, возбуждающих в человеческой душе духовные акты, которые и ведут к Богу” [16. S. 337]. Фоном портретов чаще всего служит пейзаж или архитектурное сооружение. Они во многом условны. Исходя из принципа реализации образа через атрибуты и жесты, Мрозовский полагает, что средневековый скульптурный портрет можно описывать в категориях прапортрета [16. S. 336].

Итак, сходство в портрете достигается косвенным путем – через изображение атрибутов. И. Данилова справедливо отмечает, что средневековый портрет нельзя оценивать, основываясь на взглядах ренессансной эстетики, когда сходство являлось целью художника. По ее мнению, сходство образа с моделью как раз и состоит в отсутствии оногo, так как во времена Средневековья портретное изображение соотносится с непреходящим и вечным [24. С. 142; 25. С. 142]. На наш взгляд, сходство средневекового портрета с изображаемым ти-

⁵ По вопросу места средневекового портрета в иллюстрациях богослужебных книг имеется обширная литература [21–22].

пологично. Изображение индивидуальности появляется в эпоху Ренессанса и Просвещения. Таким образом, портрет стран Восточной и Юго-Восточной Европы на рубеже Нового времени гораздо ближе к средневековой эстетике, чем к зарождающейся эстетической форме, которая опирается на работу с натурой. На его формирование значительное влияние оказала не только древняя мифология, определившая развитие посмертного изображения. Новые мифологии также влияли на становление портрета.

Рождение сарматского мифа в Польше приходится на XV–XVI вв., когда шляхта занимала главенствующее место в социальной жизни страны. Между композицией портрета и мировосприятием шляхты существует тесная взаимосвязь. Шляхта считала себя носителями ценностей и идеалов своего времени, защитниками земли, веры, членами рыцарского сословия, что отражается на художественно-формальных особенностях и на функциях сарматского портрета. Сарматский портрет выступал знаком рода, служил прославлению традиций. Не всякий портрет выступал с такой функцией. Он мог служить и осмеянию, как, например, в обряде “проводов Мазепы⁶ в ад” придуманном Феофаном Прокоповичем. Ритуал исполнялся перед государем, чиновниками и народом и состоял в следующем. Портрет Мазепы, висевший до того на виселице, палачи волокли по направлению к церкви. Духовенство проклинали Мазепу словами: «“Да будет Мазепа проклят”, а “начальствующий” епископ ударял своим жезлом в “грудь портрета”, произнося анафему. Потом изображение тащили обратно из церкви и пели: “Днесь Иуда оставляет учителя и приемлет дьявола”» [7. С. 185]. Сравним эти проводы с ритуалом похорон. Они разнятся между собой по своей направленности. Общее между ними – это отождествление портрета с почившим. В обоих случаях действие происходит в церкви, и портрет выступает в качестве главного объекта ритуала. Этот пример еще раз показывает, что портрет был тесно связан с погребальным ритуалом. Сохранились документальные материалы, которые наводят на мысль и об участии портрета в погребальной церемонии у болгар. Так, художник Никола Образописов рассказывал, что его мать видела, как ее муж, изограф Иван Николов, рисовал с натуры убитого самоковского митрополита Игнатия I [11. С. 54]. Отождествление усопшего с его изображением мы обнаруживаем в болгарском надгробии XIX в. В отличие от Польши и Украины, оно не носит церковного характера, а связано с фольклорным мировосприятием [1. С. 158; 27]. На некоторых плитах показаны целые фигуры, ничем не отличающиеся от донаторского портрета середины XIX в. (ср. настенный портрет донатора Петко хаджи Неделчева и его сына Неделчо в храме Св. Петки Мулдавской и изображение на надгробном камне в дер. Орлов дол, Тополовградского района). В генетическом отношении они близки к так называемым “бабам” на надгробьях османских турок⁷. С основной биографической идеей на фольклорном уровне связаны и надгробные камни-“куклы”, которые устанавливают на могилах в Болгарии. Подобные памятники известны и другим народам [30. С. 83; 31. С. 321; 32. С. 57; 33. С. 132, 133].

Задача портрета – представить человека перед лицом Бога, потому изображаемый находится в молитвенной позе [16. С. 341, 344]. Моление стоя или в

⁶ Об Иване Мазепе (1687–1708) см. [26. С. 192].

⁷ Бабы – это стилизованные человеческие фигуры: мужские с чалмой, женские с шапкой и косой [28. С. 16]. Подобные факты двойничества встречаются у чувашей. На главных поминках они изготавливают деревянную статую, к которой дома относятся как к умершему, а затем относят на кладбище и оставляют на могиле [29. С. 84].

коленипреклоненной позе отсылает к указу Никейского собора 325 г., запретившего моление на коленях по воскресеньям и в дни Пасхи. Моление стоя, по словам Блаженного Иеронима, выражает радость и надежду на воскресение [34. Col. 442; 16. S. 339]. Моление на коленях, по словам Фомы Аквинского, с самого зарождения христианства символизировало ощущение греховности и вины [16. S. 340]. Таким образом, поза изображенного тесно связана с теоретическими аспектами богословия. В портретах переходного периода к Новому времени эти особенности сохраняются. Молитвенное сложение рук на надгробках означает полное подчинение Богу и признание Его господства над человеком. Прикладывание правой руки к сердцу – ритуальный жест, символизирующий зывание к милости. Эти жесты присутствуют в сербском портрете XVII в. и в болгарском станковом XIX в.

Человек, изображаемый на портрете, часто сопровождается книгой (псалтырь на столе князя Дмитрия Долгорукого (1769)) или текстом, написанном прямо на холсте (евангелие от Луки (12: 4) в портрете Самоковского митрополита Игнатия I (1829)). Заметим, что авторы рукописей изображали себя в виде евангелистов. Также в иллюстрациях эпизодов житий и богослужебных книг участвуют изображения исторических личностей. При рассмотрении сцен Акафиста Богородицы (40-е годы XIX в., соборный храм Рильского монастыря) и Коронавания Богородицы (1811), нартекс церкви Покрова Богородицы, скит св. Луки Рильского монастыря) были обнаружены изображения духовников, отличающиеся особой конкретностью. То же самое можно сказать о религиозной композиции “Возвращение мощей св. Ивана Рильского в Рильский монастырь” (1863 г., церковь св. Петра и Павла, подворье Орлица Рильского монастыря). Множество подобных примеров существует и в украинской живописи. Тема Покрова Богородицы (явление Богоматери св. Андрею и его ученику Епифанию во Влахернском храме в Константинополе⁸) особенно располагает к изображению исторических лиц, например Богдана Хмельницкого.

Функции портретов на заре Нового времени идентичны функциям икон. Портреты умерших царей на Руси ставили на гроб, что было продолжением византийских традиций. Алтарное пространство воспринималось как надгробие Христа, а сам алтарь – как его гроб. Темплон – это граница между материальным и духовным миром [36. С. 126]. Такая символика византийского восприятия лежит в основе связи иконостасной иконы и портрета, помещенного на гроб. Настоятель Киево-Печерской Лавры Антоний Радивилловский писал об изображении святого как изображении конкретной личности. Он считал, что иконы пробуждают память о святых [37; 38. С. 114; 39. Т. 2. С. 67, 68; Т. 3. С. 149]. Отсюда возможна аналогия с посмертным изображением – оно также пробуждает память об умершем.

Чтобы доказать правомерность гипотезы об иконе, иконостасе и алтаре как архетипе надгробного изображения, рассмотрим еще несколько примеров включения портретов в иконы. В XV в. царь Иван III ставит вопрос о том, правомерно ли рисовать на иконах одновременно живых и усопших (святых). По его мнению, введение в композицию исторических современников вместе со святыми разрушает идею предназначения иконы как объекта поклонения [7. С. 15]. Изображение в одной композиции святого и обычного человека характерно для православной иконописи. В католической традиции не принято изображать на иконах исторических личностей, а только донаторов.

⁸ Об иконографии этой сцены см. [35. С. 96, 100–101].

Итак, анализ средневековых компонентов в портрете накануне Нового времени раскрывает их устойчивость в живописи стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Их использование в разных странах имеет различную продолжительность. В целом можно утверждать, что живописный портрет кануна Нового времени практически очень близок портрету Средневековья.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Вакарелски Хр.* Български погребални обичаи. Сравнително изучаване. София, 1990.
2. *Петровић П.Ж.* Мотиви на босанско-херцеговачким стейцима. По испитивањима д-ра Бенца // Сборник Матице српске. 1955. Св. 101.
3. *Williński A.* Źródła portretu staropolskiego. Warszawa, 1958.
4. *Chrościcki A.* Pompa Funeris. Z dziejów kultury staropolskiej. Warszawa, 1974.
5. *Gołomb S.* Pogrzeb króla Zygmunta Starego. Kraków, 1916.
6. *Glatz A.C.* Portret 17–19. storočia na slovensku. Bratislava, 1990.
7. *Белецкий Пл.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Л., 1981.
8. *Овчинникова Е.С.* Портрет в русском искусстве XVII в. М., 1955.
9. *Иванова Б.* Към проблема за типологията на ранния възрожденски ктиторски портрет в България // Проблеми на изкуството. 1991. Т. 2.
10. *Иванова Б.* Средновековното и възрожденското в портретите на българското духовенство през XIX в. // Култура. 1991.
11. *Иванова Б.* За типологията на ранния възрожденски портрет в България // Проблеми на изкуството. 1995. Т. 2.
12. *Иванова Б.* Възрожденският портрет – идейно-художествен език и личност // Годишник на етнографския музей в Пловдив. Пловдив, 1998.
13. *Pocheć-Perkowska T. Wilanow.* Galeria portretu osobistości polskich. Warszawa, 1995.
14. *Василев Ас.* Ктиторски портрети. София, 1960.
15. *Loziński W.* Życie polskie w dawnych wiekach. Lwów, 1921.
16. *Mrozowski P.* Gest portretowy w gotyckiej rzeźbie nagrobnej w Polsce // Portret. Funkcja – forma – symbol. Materiały z Sesji stowarzzenia Historyków Sztuki. Toruń, grudzień, 1986. Warszawa, 1990.
17. *Pesina J.* Pozdne goticke deskove malirstvy v Cechach. Praha, 1940.
18. *Kropacek P.* Malirstvi doby husitke. Praha, 1946.
19. *Ивић П., Џурић В., Ѓирковић С.* Есфигменска повеља деспота Џурђа. Београд, 1989.
20. *Grabar A.* L'empereur dans l'art byzantin. Paris, 1936.
21. *Бакалова Е.* Образите на Йоан Кукузел и византийската традиция за представяне на певци // Музикални хоризонти, 1981.
22. *Бакалова Е.* Аспекти на съотношението словесен текст-изображение в българското средновековие // Проблеми на изкуството. 1991. Т. 1.
23. *Тананаева Л.И.* Сарматский портрет. Из истории польского портрета эпохи барокко. М., 1979.
24. *Данилова И.* Портрет в европейской живописи XV–XVI вв. М., 1975.
25. *Данилова И.* Портрет в итальянской живописи кватроченто // Советское искусствознание. 74. М., 1975.
26. *Субтелини О.* Украина. История. София, 1995.
27. *Маринов Д.* Народната вяра и религиозните обичаи // Сборник за народни умотворения. 1914. Т. 28.
28. *Петровић П.* Мотив људских очиж код балканских Словена // Гласник Етнографског музеја у Београду. 1960.
29. *Фехер Г.* Мадарският конник. Погребални обичаи у прабългарите // Известия на народния етнографски музей. 1926. № 6.
30. *Пронн В.Я.* Русские аграрные праздники. Л., 1963.
31. *Велецкая Н.* Языческие представления о загробной жизни и рудименты их в славянской народной традиции // Македонски фолклор. Скопје, 1969. № 34.
32. *Byhan A.* Beitrag zur Volkskunde der Gagusen. Helsinki, 1933.
33. *Murko M.* Das Grab als Tisch // Wörter und Sachen. 1910. № 2.
34. *Eusebii Hieronimy.* Commentariorum in epistolam ad Erpeosios, Migne. Т. 26.
35. *Кондаков Н.П.* Иконография Богоматери. Петроград, 1915. Т. 2.
36. *Лазарев В.Н.* Основы византийской живописи // Лазарев В.Н. Византийская живопись. М., 1971.
37. *Радивиловский А.* Венец Христов. Киев, 1688.
38. *Дылевский Н.* Рилский монастырь и Россия в XVI и XVII вв. Б. г. Б. м.
39. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Чернигов, 1873.

© 2005 г. И. В. КУЗНЕЦОВА

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ КОРНИ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ

Одна из образных характеристик фразеологии – “черный ящик” историко-культурной и языковой информации [1. С. 8], так как в семантической структуре фразеологических единиц отражены черты этнографии и быта народа, его миропонимание и мировосприятие, аккумулированы знания многих поколений, сохранены отзвуки многовековых народных традиций: календарных, семейных и других обычаев и обрядов, религиозно-мифологических представлений.

Мифология – одна из составляющих духовной культуры народа. Мифологическое мышление – самая древняя форма общественного сознания. Оно не знает отвлеченных понятий и основано на мифологических образах; мышление образами выражает объективную действительность [2. С. 19–91].

Сравнение – универсальная категория языка и познавательная категория человеческого сознания вообще, так как “самый процесс познания есть процесс сравнения” [3. С. 130]. Устойчивые сравнения как древнейший пласт фразеологического фонда любого языка (это вытекает из самой природы сравнения) – ценный источник сведений о культурно-исторических духовных ценностях.

Неисчерпаемой и актуальной темой для исследования фразеологии является воссоздание “фразеологической картины мира” [4], выяснение соотношения понятий *язык – культура – этнос*. Возросший интерес к проблемам соотношения национального и интернационального, языка и культуры, к фрагментам картины мира, закодированным в фразеологических единицах, прояснение этимологической семантики фразеологизмов требуют привлечения иноязычного, диалектного и устаревшего материала, систематизации его с целью выявления типологического и специфического. Этому способствует сопоставительная фразеология, без данных которой так же трудно рассуждать о национальной обусловленности фразеологических оборотов, как и “трудно говорить о специфически местных, узко локальных фразеологизмах” [5. С. 94]. Такой подход показывает, что “внешне атомарные, фиксируемые спорадически в разных говорах и других подсистемах национального языка фразеологические единицы оказываются порождением культурных универсалий, фрагментами общей традиционной картины мира” [6. С. 83].

Богатейший материал, накопленный фразеографией, в том числе и диалектной, демонстрирует довольно активную переключку славянских устойчи-

Кузнецова Ирина Владимировна – канд. филол. наук, доцент Чувашского государственного университета.

вых сравнений: перм. *прийти как огня хватить*; смол. *как огня хватить*; укр. *прийшов як огню вхопити (урвати)*; *неначе огню вхопити*; *як (мов, немов) огню вхопивши*; лемк. *прибігти як вогня вхопити*; бел. *паб'яў як агню ўхапіў*; болг. *дохождам (идвам/дойда) сякаш (като) за огън*; с.-х. *као да си дошао ватре узети*; польск. *<wpaść> jak po ogień*; *przyszedł jak po ogień* – ‘зайти на очень короткое время (обычно о госте)’ – ср. с фразеологическими единицами, в составе которых также есть словосочетание *ухватить огня*, но имеющими несколько иное значение: укр. *бігти (мчатися, летіти) як (мов, немов) огню вхопивши*; бел. *<бяжыць> як агню (жару) ўхапіўшы* – ‘очень быстро бежать, спешить’. Происхождение этих сравнений связывают с обычаем брать углем или пучком соломы огонь у соседей, если огонь в своем доме погас [7. С. 3; 8. S. 217–218]. В пользу этой этимологии можно привести белорусское сравнение *як агню пазычыць* (одолжить, занять). Однако думается, что фразеологизмы имеют более древнее происхождение и мотивируются кражей чужого огня – ср. с лемк. *прити як огня вкрати* ‘прийти ненадолго’. Огонь в печи считался живым, священным, отождествлялся с божеством, покровительствующим семье. Огонь *с в о е г о* домашнего очага – символа богатства, сохраняемого ночью в виде горячих углей¹, в опасные дни и после захода солнца старались не давать в *ч у ж о й* дом, чтобы не передать вместе с ним обилие, достаток и благополучие [9. Т. II. С. 13, 26–27, 41–46, 66–67]; обычай же одалживать огонь более позднего происхождения. Рассмотренные устойчивые сравнения являются фразеологической консервацией одного из элементов быта прошлого, мифологические корни которого забыты. При этом полное аспектное тождество (соотнесенность грамматической формы и компонентного состава) при тождестве значения необязательно, так как семантически и прагматически это несущественно. Достаточно, что фразеологические обороты имеют относительно устойчивую структурно-семантическую модель, допускающую квантитативное или квалитативное варьирование компонентов, не влияющее на их семантику.

При межъязыковом сопоставлении выявляются типологические соответствия на уровне структурно-семантических моделей устойчивых сравнений разных языков: рус. *как (как будто) ушат <холодной> воды <на голову> вылить*; *как (как будто) ушатом холодной воды окатить (обдать, облить)*; *действовать/подействовать как ушат холодной воды*; укр. *як холодною водою облити*; діє як відро холодної води; бел. *як халадзёнкай аблілі*; болг. *като че (сякаш) ме обляха (поляха) със студена вода*; с.-х. *kao <hladnom> vodom poliven*; *kao da si ga polio hladnom vodom*; польск. *jak zimną wodą oblać*; чеш. *jako by ho zimnou (studenou) vodou oblil (polit)*; словц. *<akoby> obliat' studenou vodou* – 1) ‘внезапно привести в замешательство; охладить энтузиазм, пыл, рвение; неприятно удивить; обескуражить’; 2) ‘о чем-л. неожиданном, неприятном, действующем отрезвляюще’ – ср. с нем. *etw. wirkt wie ein kalter Wasser (Wasserstrahl)*; *er stand da wie mit kaltem Wasser über-, begossen* и с англ. некомпаративными фразеологизмами с той же образностью и семантикой: *throw (pour) cold water on somebody (something)*; *turn out in the cold*. Фразео-

¹ Об углях как метафоре золота, превращения углей в золото и наоборот см.: [9. Т. I. С. 200 202; 10. Т. II. С. 56, 59]. Заметим, что в немецком разговорном языке одно из наименований денег – *Kohle* (угли), отсюда фразеологизм *Kohlen schaufeln* (угли сгребать), синонимичный русскому обороту *грести деньги лопатой*.

логический ареал – зона территориального распространения объединенных одной структурно-семантической моделью фразеологизмов – ставит под сомнение утверждение о собственно русском происхождении фразеологизма <как (как будто, будто, словно, точно)> *холодной водой окатить (облить)* [11. С. 76]; вряд ли оборот связан и с практикой разливания водой дерущихся быков, известной в русских деревнях [11. С. 76]. Скорее всего, в нем запечатлен элемент древнего лечебного обряда, известного многим индоевропейским народам, в том числе и русскому, и издавна применяемого в магической практике исцеления, отражающий народное понимание причин заболеваний. Неожиданное обливание водой – один из способов пугания и изгнания болезней (лихорадки, эпилепсии, желтухи); использовали этот прием и для ускорения родов [10. Т. II. С. 426]. Широко практиковалось лечение по принципу имитативной магии, основанной на аналогии – подобное лечит подобное, поэтому особенно эффективным этот метод считался при лечении болезненного состояния – испуга: болезнь, вызванная глубоким душевным потрясением, должна быть искоренена аналогичным стрессом – ср. с перм. *как (ровно, будто) водой облило* ‘очень испугало что-л., привело в смятение, замешательство’. Практика окатывания водой из ушата (ведра) как способ избавления от испуга и его следствий – заикания, икоты до сих пор сохраняется в деревнях Поволжья. По этой же структурно-семантической модели позже образовались рус. *как (словно, точно) холодным душем окатило; действовать/подействовать как холодный душ; болг. обливам/облея (поливам/полея) <като> със студен душ; подействува ми като студен душ* – ср. с нем. *das war <wie> eine kalte Dusche; wie eine kalte Dusche verabfolgen*; англ. *throw a cold douche upon*.

Народная медицина, цель которой – сохранение и укрепление здоровья, предупреждение и лечение болезней, представляет собой сплав реального, основанного на богатейших эмпирических знаниях, и ирреального – магической лечебной практики. Персонификация болезней, анимистические взгляды на причины заболеваний породили и такой прием избавления от болезни, как ее “задабривание”: рус. *годить как лихой болячке; угождать как чирью (чиряку, нарыву) на заднице*; укр. *годити як хирі (<лихий, осінній> трясці); годить як <сирота> болячці; годить (годити) як <гіркій, лихий> болячці; догожає (догоджає) як чирякові <на задку (роті)>; догаджьє як струпові на сраці*; бел. *гадзіць (наравіць) як ліхой баляццы (скуле)*; с.-х. *ugađati kao čiru na guzici (prstu)* – ‘всячески угождать кому-л.’. Следы магии целения сохранились в устойчивых сравнениях с семантикой ‘внезапно прошло, бесследно исчезло (о болезни, боли, хмеле, усталости и т.п.)’: рус. *как рукой сняло (снимет)*; укр. *як (мов, немов, наче, неначе) рукою зняло (як руками одняло, одняв)*; лемк. *як бы руков зняти*; бел. *як рукой зняло*; болг. *махам/махна като с ръка (ръчица)*; с.-х. *kao da rukom odnese; kao da rukom odnijet (odnesen)*; польск. *<ustąpiło (mineło)> jak (jakby) ręka odjął* – ср. с фр. *ôter le mal comme avec la main*.

Мифологическую основу имеют многие устойчивые сравнения славян: рус. *влюбился как черт в сухую ракиту*; укр. *влюбився (закохався) як чорт у (в) суху вербу (грушу); любить як чорт суху грушу*; бел. *улюбіўся (утрепскаўся) як чорт у сухую вярбу (грушу)*; польск. *zakochał się jak diabeł w suchej (starej) wierzbie*; кашуб. *zakochac się jak michôłk w jerzbinie*; чеш. *zamiloval se jako dábel do suché vrby* – ‘влюбился без памяти’. В народном сознании дерева, особенно старые и сухие, являются местом обитания мифологических персонажей: рус.

крутится как черт на бересте²; новг. вертится как шиш на дубине³; укр. забрався як чорт на грушу; вірить як чорт в суху вербу; б'ється як чорт коло сухої верби; женит сі як дідько з сухов вербов; польск. śmieje się jak diabeł w suchej wierzbie; rozśmiał się (chichocze się) jak diabeł w rokitinie; siedzi jak diabeł w rokitinie (rokitie, spróchniałej wierzbie); кашуб. wpasc jak djôbôł na sêché drzewo. Совсем не случайно в фразеологизмах наиболее часто упоминаются верба и груша. Действительно, в демонологии славян они более всего связаны с нечистой силой и являются местом обитания черта (нечисти) (см. [10. Т. I. С. 335, 567]). Идиоэтничность фразеологических единиц проявляется на фоне универсального. Брянское сравнение *влюбился как антонов огонь в гнилушку (гамирушку)* кажется на первый взгляд немотивированным и не имеющим аналогов в других языках. Однако семантика слова *гнилушка* 'старое, гнилое, истлевшее дерево' и перифразы *антонов огонь* 'гангрена', 'болезнь деревьев', 'черт' позволяет считать его этимологом структурно-семантическую модель "влюбился + как + нечисть в <сухое, старое> дерево" [14. С. 40–41], так как для мифологии вообще типичен семантический переход 'болезнь' → 'злой дух'.

Типологические соответствия на уровне структурно-семантических моделей фразеологических оборотов разных языков во многом обусловлены общностью культурных моделей мира у разных народов. Так, болезни рассматривались и как мифологические персонажи, и как враждебная акция со стороны сверхъестественных сил. Человека, переболевшего оспой, имеющего на лице шадрины, характеризуют фразеологизмы компаративного и некомпаративного типа со структурно-семантической моделью "<будто и т.п.> черт + <на нем (на лице, части лица)> + горох молотил": рус. <ряб> *будто черти на нем горох молотили; на лице (роже) черт (черти) <по ночам> горох молотил (молотили)*; укр. *наче (обличчя неначе) чорти горох молотили; лице наче дідько по ньому горох молотив; чорт сім кіп гороху змолотив; горох дідько молотив*; лемк. *як бы чорти горох молотили*; бел. *як чорт (черці) гарох малаціў (малацілі)*; польск. *wygląda, jak kiedy by diabli na nim groch młóćili; diabeł groch na nim młócił*; кашуб. *wëzdrzi, jakbë djôbëł na nim groch draszowôł; djôbëł draszowôł groch na jego gëbie*; словц. *čerti mu na tvári hrach mlátili* – ср. с нем. *als ob der Teufel Erbsen gedroschen hätte*. Национальная специфика, выявляющаяся на уровне структурно-семантической модели, присуща русским фразеологизмам того же семантического ряда: *ряб, будто черти у него на роже в свайку⁴ играли; <эка рожа> словно на ней черти в свайку играли; на лице черт в свайку играл*. Данные обороты образованы по той же модели "<будто и т.п.> черт + лицо + испортил", но в качестве "инструмента" порчи указывают не на трудовую деятельность, а на игру, развлечение, в связи с чем привносится дополнительный семантический оттенок.

² *Береста* – дерево *Ulmus campestris*; род различают по видам: илим, ильма, вяз, берестина, берест, карагач, карайч, карайчник, красная берестина, красный ильмовник [12. Т. I. С. 205].

³ *Шиш* – мифологический персонаж, злой дух, черт. Производные от **dobъ* обозначают части дерева (*дубец* 'ветка', *дубина* 'большая палка'), предметы из него, разные ботанические виды; слово *дуб* в XII–XVI вв. и в современных славянских языках и диалектах часто выступает в родовом значении 'дерево' (см. [10. Т. II. С. 142; 13. С. 31]).

⁴ *Свайка* – игра, напоминающая игру 'в ножички': толстый гвоздь или шип с большой головкой берут в руку и резким броском втыкают в очерченный на земле круг [12. Т. IV. С. 49].

Национальная или ареальная специфика может выявляться в структурно-семантической модели на уровне мотивирующего образа – ср., например, устойчивые сравнения, отражающие способность некоторых демонических существ быстро перемещаться по воздуху и образованные по модели “лететь + как + мифологический персонаж” = ‘очень быстро передвигаться’: рус. <лететь> как ведьма (черт) на помеле; как черт на воздухе летать; бел. ляціць як чорт (чэрці) з некла; кашуб. *lecce jak djôbeł (purtk⁵) z dobrą dėsą do piekła; latac jak rokitnik⁶ (wieszcz⁷)*; чеш. *líta jako věšřtř*; с.-х. *лету као вједогона⁸*. Другие устойчивые сравнения, отмечающие такую особенность некоторых из них, как бестелесность, образованы по модели “худой + как + мифологический персонаж”: рус. <худой> как постен⁹; укр. *марний як тінь; худий (сухий) як трясця¹⁰*; лемк. *худий як коллєра (холера)*; с.-х. *сув као авет¹¹*; кашуб. *chudi jak moga¹²*.

Осколком мифологических представлений о волке являются следующие устойчивые сравнения: укр. *побожний як святого Юрого (Юра) кінь*; бел. *набожны як святого Юр’я конь*; польск. *nabożny by świętego Jerzego koń (jak koń świętego Jerzego)*; кашуб. *nôbożny (nabożny) jak świętego Jerzego kón*; чеш. *zbožný jako svatého Jiří kůň* – ‘неискренний, лицемерный’; укр. *справедливий як святого Юра кінь*; польск. *sprawiedliwy jak świętego Jerzego koń* – ‘крайне несправедливый’; укр. *фальшивий як святого Юра кінь* ‘очень лживый или лстивый’, где конь святого Георгия – эвфемизм волка [17. С. 39]: по верованиям, зафиксированным в украинском и белорусском Полесье, хозяин и покровитель волков св. Юрий ездит верхом на волке [18. S. 447; 10. Т. I. С. 413].

Мотивировка иркутск. *здоровый как волк*; поволжск. *здоровый как бирюк*; с.-х. *здрав као вук (курјак)* – ‘очень здоровый’ связана как с реальными наблюдениями над этим представителем фауны, так и с забытыми большинством носителей языка представлениями о получении от него здоровья. По мнению исследователей, на ранних ступенях развития общества грань между религией и народной медициной настолько тонка, что порой трудно разграничить религиозные обряды и лечебные действия. Часто органы животного, его кровь, жир, желчь, шерсть и другие субстанции наделялись магическо-целебными качест-

⁵ Одно из наименований дьявола.

⁶ *Рокитник* – антропоморфный злой дух с крыльями летучей мыши, вызывающий сильный ветер и обитающий (или отдыхающий) в зарослях ракиты, что и дало ему имя.

⁷ Номинация вампира по обладанию особыми знаниями, хотя кашубам известно устойчивое сравнение *obartniec jak wieszcz* ‘сильно поглупеть’.

⁸ Черногор., зап.-серб. (*вједогона* – мифологический персонаж из категории *двоедушников*, душа которого покидает тело во время сна; атмосферный дух, борющийся со зловредными атмосферными демонами. Подробнее см.: [9. Т. III. С. 196, 234 235; 15. С. 50, 139 141, 158; 10. Т. II. С. 152, 303].

⁹ Одно из диалектных (пск.) наименований тени – бестелесного двойника человека, мифологизация которой имеет глубокие корни. Тень принадлежит этому и потустороннему мирам, отсюда ряд семантических переносов: это и ‘тень, след, отпечаток чего-н.’, и обозначение домового, ассоциирующегося с тенью (например на стене), и призрак, и явление человека в зеркале при гадании, и ‘дух лесных избушек’ [16. С. 70]. В русских говорах слово тень сохраняет значение ‘нечистая сила, злой дух’ – ср. с новг. *тень навалилась (прижимаєт) <во сне>*.

¹⁰ Одно из наименований лихорадки, отражающее ее симптомы.

¹¹ *Авет* – тенеподобный персонаж сербской мифологии, отличающийся худобой и отвратительной внешностью; может выглядеть как мертвец [15. С. 1].

¹² Западно- и южнославянский мифологический персонаж, часто выглядящий как неясно различимая тень человека; призрак.

вами и использовались как лекарство. Способы лечения средствами животного происхождения отличаются богатством локальных вариантов; нередко они не лишены элементов рационального (например, применение волчьего жира или сала). Широко практиковалось лечение органами животных в Киевской Руси; распространено оно было и позже. Некоторые части тела волка наделялись апотропеической силой; оберегом служило и само упоминание волка или название волком (подробнее см.: [9. Т. I. С. 735–767; 19. С. 208; 20. С. 71; 10. Т. I. С. 416–417]. Таким образом, символом здоровья волк стал как в результате чисто эмпирического восприятия человеком этого животного, так и в связи с древними верованиями в его магическую – апотропеическую и целительную – силу.

По одной структурно-семантической модели образованы следующие устойчивые сравнения с антонимичными планами содержания и выражения: укр. *потрібний як вовк на небі*; лемк. *требало як пса до неба*; кашуб. *potrzebny jak swinia w niebie*. Их семантика формируется двуступенчато. Во-первых, компаративная часть содержит “формулу невозможности” – выражение, основанное на реальной невозможности существования описываемой ситуации, но имеющее мифологический подтекст. Волк в мифологической традиции связан с нечистой силой; “хтонические свойства волка роднят его с гадами, особенно со змеей” [10. Т. I. С. 411, 412], а “для всех мифов о волке характерно сближение его с мифологическим псом”¹³ [23. С. 242]. Свинья в мифологических представлениях славян также связана с нечистой силой (лемк. *як кыбы чорт на дикуй свіни зробив*); она, как и волк, – “чертов конь”, одно из средств передвижения дьявола: польск. *jedzie jak diabeł na dzikiej świni*; кашуб. *gonic jak djôbeł na dzèkié swini* – ‘очень быстро’; *jachac jak djôbeł na kulawé swini* – ‘очень медленно’. Во-вторых, в фразеологизмах противопоставлены не только компоненты сравнительной части (небо как чистое пространство и нечистые животные), антонимичны также основание сравнения и компаративная часть.

Рассмотренные устойчивые сравнения синонимичны фразеологическим оборотам, образованным по модели “нужен + как + нечистая сила в церкви (святом месте)”: укр. *потрібний як дідько в церкві*; *потрібно як дідька в Ченстохові*; *потрібний як чорт у Кохавині*; польск. *potrzebny jak diabeł na zwonicy*; *potrzebny jak diabeł w Częstochowie (Kochawinie, świętym miejscu)*; *potrzebny jak Boruta w Częstochowie*¹⁴, а также лемк. *треба як пса до церкви*; польск. *potrzebny jak pies w kościele*; чеш. *platný jako pes v kostele*. Последние, как и с.-х. *дочекаше га ка пса у цркву*; *срећан као нас у Хришћанској цркви*; польск. *co po psie w kościele*, слвн. *sprejeli so ga ko psa v cerkvi*, чеш. *vzácný jako pes v kostele*, мотивированы и тем, что собаку нельзя пускать в церковь, особенно в алтарь, так как в христианской перспективе псы ассоциируются с язычниками или вообще с иноверцами. Такое восприятие прослеживается уже в Новом Завете. В Московской Руси существовал “Чин на очищение церкви, егда пес вскочит в церковь или от неверных войдет кто” [22. С. 47, 50]; старобрядцы Олонецкой губернии “при собаке не молятся Богу” [24. С. 924]. В народной легенде Господь проклинает собаку словами: “Штоб ты цирковныва

¹³ О псе как противнике Громовержца и его отождествлении со змеем см.: [21. С. 51; 22. Р. 46, 63–66].

¹⁴ Места религиозного паломничества в Галиции и Польше, где находятся известные иконы Богоматери; *дідько*, *Boruta* – эвфемизмы черта (последний – по месту обитания; польск. *bor* ‘дремучий лес’).

звону ни слыхала, у Божий храм ни хадила!” [25. С. 100]. Заметим, что и в Древней Греции собак не допускали в святые места – остров Делос и афинский акрополь [26. S. 7–8, 44, 49, 51]. С неуместностью нахождения нечистого существа при церковном обряде погребения, а также с поверьем, что собаки поедают души мертвых [26. S. 31, 34], связано лемк. устойчивое сравнение рассмотренного семантического ряда *требало як пса на погріб*.

В народной культуре славян символом богатства и изобилия, благодаря мохнатости, наличию шерсти¹⁵, стал кожух (шуба, тулуп), что отражено в восточнославянских обрядовых формулах-пожеланиях, содержащих сравнение: рус. *чтобы всего в доме было много, как шерстинок в кожухе; как шуба мохната (лохмата), так ты будь богата; чтобы жених был богатый, как кожух волохатый*; укр. *як цей кожух мохнатий, так буде зять богатий*; бел. *як шуба касмата, будзь так багаты; будзь, зяцю, багатый, як кажух волохатый*.

“Древнейшими символами богатства были ... предметы с общим признаком множественности”, все то, что не “голо” [10. Т. I. С. 203], что мотивировало появление фразеологизмов: рус. диал. *быть в щетине (шерсти), а стать в пуху* (донск.); *войти (вобраться) в перья* (пск.); укр. *убиватися/убитися в пір'я; в (у) пір'я поростати*; бел. *у пер'е абросці; у пух убірацца*; с.-х. *увалити се у перје*; чеш. *narostlo ti (na nět) peří*; польск. *w pierze (pióra) porastać*; в.-луж. *k pjerjat r'ijć* – ‘разбогатеть, стать зажиточным’¹⁶; укр. *мати ся в пірю*; лемк. *жыти як душа у пірю* – ‘жить зажиточно, богато’ (ср. с англ. *in full feather* ‘быть при деньгах, иметь много денег’) и поговорок: рус. *Пошел за шерстью, вернулся стриженным*; болг. *За вълна тръгнал, остриган се върнал* – ‘понести убытки, потерпеть ущерб’ (ср. с нем. *Haare (Federn, Wolle) lassen* с той же семантикой).

Корреляция ‘шерсть (волосы, перья)’ – ‘богатство (деньги)’ обнаруживается в устойчивых сравнениях, в которых реальное переплетено с мифологическим: укр. *грошей як у жаби пір'я (волосся)*; лемк. *богатства як у жабы серсти*; *пінязей як на долони волуйса*; чеш. *má peněž jako (co) žaba chlupů (vlasů, peří)*; *má peněž co na žábě vlasů*; *má peněž co na dlani vlasů*; с.-х. *пун новаца као жаба длака*; *pin para kao žaba dlaka* – ‘быть бедным, совсем ничего не иметь’.

В славянской народной демонологии распространен мотив связи богатства с нечистой силой. Считается, что большим богатством владеют черт, домовый, духи-обогагатели, гномы, змей и некоторые другие мифологические персонажи, но в устойчивых сравнениях славян отмечены лишь некоторые из них: рус. *как юж все в дом тащит* – ‘о бережливом и запасливом человеке’; *богатый как (что) черт рогатый*; укр. *багатий як чорт рогатий (лаба-*

¹⁵ Как и обилие шерсти, волосатость – признак богатства, ср.: рус. *тело в шерсти* – *в добре жить; кто волосат, тот <будет> богат*; укр. *хто волохатий, той буде багатий*; *як вона мохната, така невістка багата*; польск. *kto kosmaty (włosaty), ten bogaty*; *gdo kudłaty, tym bogaty*; кашуб. *chto klatai, ten bogati*; *chto tō szadŭ ręce, będze bogati* – ср. с рус. жарг. *мохнатый ‘богатый’*; укр. *вовна поросла ‘разбогател’*. Представление о шерсти как символе богатства выходит за пределы славянского мира – ср. с нем. *in der Wolle sitzen* (в шерсти сидеть) ‘жить богато, в роскоши’, имплицитующим элемент обрядовых действий, известных и славянам [10. Т. I. С. 203; Т. II. С. 520–521].

¹⁶ Фразеологизмы рассмотрены в: [27. С. 21; 28. С. 95–96]. В других языках фразеологизмы могут иметь также значения ‘стать взрослым, самостоятельным’, ‘опериться (о птенцах)’, ‘не отмеченные в русских говорах’ [5. С. 70].

тий); лемк. *богатий як чорт*; бел. *багаты як (што) чорт рагаты* – ‘очень богатый’ (заметим, что польск. *bogaty jak czart (diabeł) rogaty* имеет семантику ‘очень бедный’); *мати пінязи як дябол плеви*; бел. *грошай як у чорта* <скалок> ‘о большом количестве денег’; чеш. *má všeho <dost> jako čert (červ) plev*; словц. *mat’ peňazí ako <čert> pliev* – ‘иметь очень много всего’. Укр. *сидить як чорт на грошах в (у) болоті* ‘о скупце’ может восходить и к распространенным у славян поверьям о чертях как хранителях кладов¹⁷. Зажиточность, материальное благо (а также удачливость, преуспевание во всем) человека часто объясняются контактом с нечистой силой: укр. *як чорт пугою нагнав*; бел. *як чорт пугаю назганяў* – ‘о большом количестве кого-/чего-л.’; *посябрыцца з белуном* – ‘разбогатеть’; *nieczystaja siła pamaňaje*; кашуб. *krōsnięta szczescę przępnōsza; krōsnięta pomōgajq; zŕi dęch pomōgō* – ‘жить богато, преуспевать во всем’; ср. также с поговорками: рус. *Богатому черти деньги куют*; кашуб. *Vogatęmu djōble na żarnach mięq* – ‘быть зажиточным, богатым’; рус. *Богатому и черт колыбель качает; У богатого черт детей качает*; укр. *Сам біс діти колише; Багатаму і чорт у кашу дбає*; бел. *Багатаму чорт дзяцей калыша*; нем. *Dem Reichen wiegt der Teufel die Kinder* – ‘все удается, везет во всем’. Импликацией верований в то, что богатство приносит черт или дух-обогадатель, являются выражения: рус. *черт на хвосте принес* – ‘о неожиданной прибыли’; <ему> *змеј (юж) деньгі таскаєт*; бел. *змеј гроши носиць*; с.-х. *све му цицкавац носи*; польск. *Vogatęmu i diabeł niesie*; кашуб. *czart pieniądze (przē)nosy* – ‘о человеке, который быстро и непонятно как богатеет’ (поверья о деньгах, приносимых демонами, известны также лужичанам, немцам, литовцам [29. S. 623, 668]) и фразеологизмы со структурно-семантической моделью ‘иметь + духа-обогадателя’ = ‘быть зажиточным, богатым’: укр. *мати хованця*; лемк. *мати хованця у мішку*; чеш. *mít plivníka (šotka, hospodářička, diblíka)*; морав. *míti skřítka*; словц. *mat’ škriatka*; в.-луж. *kubolčika (zmija) měć; won ma zmi-ja*; польск. *wón ma zmija*. С поверьями, что экскременты некоторых демонических существ превращаются в золото, связаны польск. *skrzałtek komu nasrał; Vogatęmu diabli do kieszeni srajq*; кашуб. *djōbeł komus pieniądze srō* (ср. с рус. половицей *Нечем черту срать, так угольями*). Забвение исходного образа оборота нередко приводит к его редукции (опущению конкретизирующего компонента) и как следствие – к затемнению внутренней формы фразеологизма: польск. *cieszę się jakby mi ktoś w kieszeń nasrał* – ‘чрезмерно радоваться’.

Одна из ипостасей нечистой силы в народных представлениях – коза (козел); польск. *Koza a djabeł – to jedno*; это творение черта: рус. *Бог создал овцу, а черт козу*; ср.: укр. *чортово насінне*, польск. *djabełskie stworzenie*, чеш. *čertova rodina* – ‘коза’. Укр. сравнение *любується як чорт молодим козлям* отмечает пристрастие черта к этому животному. Блеяние козы кашубы сравнивают со смехом дьявола: *Koza może się smiōć przez zebę jak djōbeł*. Коза и черт сближаются по внешнему виду (рога, копыта, хвост). Возможно, это способст-

¹⁷ По известным западным и восточным славянам поверьям, клады иногда ‘просушиваются’ – выходят ночью наружу блуждающими огоньками (их тоже называют кладом) или свечой – ср. со словами жития Бориса и Глеба (XI в.): ‘аще бо или серебро или злато скровено будет под землею, то мнози видять огонь горящ на том месте’ [9. Т. II. С. 363–364; 12. Т. II. С. 285]. С блуждающими огоньками связано польское выражение *Czart pokaże zŕoto, a wciqgnie w bŕoto*. ‘Просушивание’ кладов часто приписывается нечистой силе: польск. *czart pieniądze suszy <na bŕocie>*; кашуб. *djōbeł przesuszō (częszczy) pieniądze; na zōmkowiszczu Mamon (= дух, стерегущий клад) przesuszō pieniądze*.

вовало появлению иронических устойчивых сравнений: чеш. *bohatý jak kozel rohatý* (*bohatá jako koza rohatá*) ‘очень богатый’ и польск. *bogaty jak kozieł rogaty*; кашуб. *bogati jak kozieł rogati* – ‘очень бедный’.

Рога – неотъемлемый атрибут черта (ср. эвфемистические и перифрастические наименования жителя преисподней: рус. *рогатый, ангел с рожками, бог с рогами*; укр. *rogatий*; с.-х. *рогона*; польск. *aniołek z różkami*; кашуб. *ten z rogami, purtk z rogami (róžkami), nen czórny z rogami*; нем. *der Gehörnte mit dem Pferdefuß* (рогатый с лошадиными копытами); исп. *el cornudo*; ит. *guello con e corne* (тень с рогами). Рога были “предметом определенных сверхъестественных действий, колдовства” [30. С. 278]. Считалось, что человек, связанный с нечистой силой, которая обеспечивает ему материальный достаток, занимается колдовством, т.е. сам наделяется демоническими свойствами. Сопоставление ‘рогатый’ – ‘богатый’ прослеживается в выражениях: рус. *Кто богат, тот и рогат; Будешь богат, будешь и рогат*; укр. *Мужик багатий як віл рогатий*.

В народной культуре рогами наделялись представители фауны, не имеющие их в реальности, но мифологически ассоциирующиеся с “гадами”, являющимися еще одной ипостасью демонологических персонажей: рус. *богата как вошь рогата* – ‘очень богата’. Символика вшей определяется признаком множественности, вследствие чего эти насекомые соотносятся с однородными мелкими предметами, в том числе и с деньгами (монетами) [10. Т. II. С. 447, 492; Т. I. С. 447–448]: лемк. *мати пінязи як циган уш*; чеш. *и tne je o peníze jako u žebráka o veš* (у меня денег как у нищего вшей) – ‘очень много’ (ср. также с выражениями: рус. *Есть вошь – будет и грош*; болг. *Въшкав с (от) пари* (вшив от денег). Оттенки иронии имеют укр. *багатий як пес рогатий* и *богатий як собака кудлатий*¹⁸ – ‘очень бедный’.

Устойчивые сравнения-эталоны, ориентированные на наиболее типичные, сберегаемые сознанием социума образы, выполняют функцию «межпоколенно воспроизводимых знаков “языка” культуры» [31. С. 14]. Данные фразеологии – неотъемлемая, непосредственно связанная с планом содержания (мировоззрением) часть плана выражения традиционной культуры. Связь эта двусторонняя: факты языка – важнейший источник реконструкции элементов культуры, народного сознания, мифологии и т.д.; решение же многих фразеологических задач невозможно без обращения к широкому культурно-историческому и этнографическому контекстам.

Рассмотренные фразеологические обороты культурно обусловлены, но не специфичны, так как мотивированы представлениями, общими для духовной культуры славян и других индоевропейских народов. Наличие общего культурного компонента в фразеологизмах разных языков “позволяет предположить, что культурные коннотации частично переводимы и что между культурным и национальным в языке не должен стоять знак равенства” [32. С. 132] (см. также [33. С. 260–265]). Исследования, нацеленные на воссоздание национально специфичной “фразеологической картины мира”, но осуществленные на материале одного языка, обнаруживают достаточно большую уязвимость:

¹⁸ Мотив шерсти играет важную роль в мифологических представлениях о собаке: шерсть ассоциируется с богатством, благополучием (ср. с рус. поговоркой *Пес космат (мохнат) ему тепло, мужик богат – ему добро*) и является одним из типичных признаков противника Громовержца. О шерсти как признаке мифологического змея см.: [21. С. 106, 166–175].

«Однако специфические и общечеловеческие, национальные и ареальные культурные традиции трудноразделимы. К фразеологизмам, которые, по Телии (см.: [34. С. 252]), должны были бы выражать особый русский менталитет, без труда можно найти соответствия в других европейских языках. Русскую «фразеологическую картину мира» необходимо четче отграничивать от других языков» [35. С. 357]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Попытки воссоздания языковой картины мира на основе фразеологического материала лишь одного языка приводят к субъективным выводам, и только последовательное межъязыковое сопоставление может выявить национальную специфику фразеологических единиц.

В целом закономерно, что благодаря определенной общекультурной семиотической заданности фразеологии и универсальности человеческого мышления одинаковые реалии часто вызывают у разных народов однотипные ассоциации. Конфронтативная фразеология демонстрирует семиотически значимый характер фразеосюжетов и воссоздает картину мира, заданную глубинными общекультурными архетипами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мокшенок В., Степанова Л., Малински Т. Русская фразеология для чехов. Olomouc, 1995.
2. Фрейденберг О. Миф и литература древности. М., 1978.
3. Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка. Харьков, 1894.
4. Dobrovol'skij D. Phrazeologie und sprachliches Weltbild (Vorarbeiten zum Thesaurus der deutschen Idiomatik) // Deutsche Phrazeologie in Sprachsystem und Sprachverwendung / Ed. by Cs. Földes. Wien, 1992.
5. Ивашко Л.А. Очерки русской диалектной фразеологии. Л., 1981.
6. Подюков И.А. Культурно-семиотические аспекты народной фразеологии: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1997.
7. Подюков И.А. Народная фразеология в зеркале народной культуры: Уч. пособие. Пермь, 1990.
8. Krzyżanowski J. Mądrzej głowie dość dwie slowie. Warszawa, 1975. Т. II.
9. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1865–1869. Т. I–IV.
10. Славянские древности. Этнолингвистический словарь / Под ред. Н.И. Толстого. М., 1995–1999. Т. I–II.
11. Шанский Н.М., Зимин В.И., Филиппов А.В. Краткий этимологический словарь русской фразеологии // Русский язык в школе. 1979. № 4.
12. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1903.
13. Кругликова Л.Е. Дубина стоеросовая (К вопросу о происхождении ФЕ) // Переходные явления в области лексики и фразеологии русского и других славянских языков. Вторые Жуковские чтения. Великий Новгород, 2001.
14. Кузнецова И.В. Из народной фразеологии // Динамика фразеологического состава языка. Курган, 1999.
15. Кулишић Ш., Петровић П.Ж., Пантелић Н. Српски митолошки речник. Београд, 1970.
16. Черепанова О.А. Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.
17. Кузнецова И.В. Религиозно-мифологический подтекст славянских устойчивых сравнений с этнонимами // Frazeologia a religia. Opole, 1996.
18. Івченко А. Польсько-українські фразеологічні контакти та етимологічний аналіз фразеології // Slavia orientalis. Kraków, 1999. Т. XLVIII. № 3.
19. Болтарович З. Українська народна медицина. Історія і практика. Київ, 1994.
20. Кабанова Н.М. Роль мифологических представлений в создании устойчивых сравнений семантической группы 'очень здоровый, крепкий' // Frazeologia a religia. Opole, 1996.
21. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982.
22. Успенский Б.А. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии (статья вторая) // Studia slavica Academiae scientiarum Hungaricae. XXXIII. Budapest, 1987.
23. Мифы народов мира: Энциклопедия. М., 1980. Т. 1.

24. Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
25. Афанасьев А.Н. Русские народные легенды. Казань, 1914.
26. Scholz H. Der Hund in der griechisch-römischen Magie und Religion. Inaugural-Dissertation. Berlin, 1937.
27. Ивашико Л.А. Диалектная фразеология и ее формирование на базе лексики народной речи: Докт. дис. СПб, 1994.
28. Ивченко А.А. Идеографическое и ареальное описание фразеологии верхнелужицкого языка: Канд. дис. Л., 1987.
29. Moszyński K. Kultura materialna. Warszawa, 1967. Т. II. Cz. I.
30. Маковский М.М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов. М., 1996.
31. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
32. Брагина Н.Г. Фрагмент лингвокультурологического лексикона (базовые понятия) // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
33. Гак В.Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
34. Телия В.Н. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
35. Eismann W. *Phraseologie* // Handbuch der sprachwissenschaftlichen Russistik und ihrer Grenzdisziplinen. Wiesbaden, 1999.

R.O. RICHARDS. The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian. UCLA Indo-European Studies. Vol. 2. Ed. by V.V. Ivanov and B. Vine. Los Angeles, 2003. 234 С.

Р.О. РИЧАРДС. Паннонославянский диалект общеславянского протоязыка: с точки зрения древневенгерского.

Проблема реконструкции языковой ситуации на территории древней Паннонии к моменту захвата ее древневенгерскими племенами принадлежит к числу важнейших проблем славянского лингвогенеза. До прихода венгров Среднее Подунавье было густо заселено славянами. Процесс ассимиляции сопровождался полным исчезновением славянских диалектов. Исторические сведения об этой эпохе очень скудны. Крайне ограничен объем языкового материала и круг источников, позволяющих воссоздать древнюю языковую ситуацию, разрушенную венгерским вторжением. Традиционно в круг важнейших источников включаются славянские заимствования в венгерском языке, многочисленные топонимы славянского происхождения на территории Венгрии. Важная роль в воссоздании процесса славянских миграций, в решении проблемы изначального состава славянских диалектов в этом регионе отводится изоглоссам, связывающим некоторые диалекты западных и южных славян. Как отмечает автор, известные науке способы исследования материала не принесли удовлетворительных результатов. Есть основания думать, что на сегодня в значительной степени исчерпаны возможности известных подходов к исследованию названной проблемы.

В работе ставится задача реконструкции диалектной структуры паннонославянского языка на основе анализа славянских заимствований в венгерском языке. Исследование данной проблемы важно во многих отношениях. В предисловии к книге, написанном акад. Вяч.Вс. Ивановым, подчеркивается, что исследования такого рода проливают свет на историческое и доисторическое прошлое венгерского языка и представляют большой интерес для сравнительного финноугроведения, для славянского и балканского языкознания. Исследование Р. Ричардса представляет несомненный интерес в методологическом отношении. Не выходя за рамки традиционной методики, в значительной степени основанной на использовании фонетических критериев, автор разрабатывает процедуру, обеспечивающую более надежную идентификацию диалектных истоков субстратной лексики. Из всех возможных явлений в качестве диагностирующих показателей избираются лишь некоторые наиболее значимые фонетические явления – рефлексыв носового заднего ряда, сочетаний *tj*, *dj*, слав. *c* > венг. *cs* (= *č*). Автор подчеркивает, что решение поставленных задач требует внимательного отношения к фонетике, к тем разновременным процессам, которые привели к существенным изменениям фонетической и морфологичес-

кой структуры славянского слова. В работе обосновывается необходимость детального анализа фонетических явлений с учетом особенностей исторического развития венгерской фонетики, а также тех процессов, которые обусловлены переходом слова из одной языковой системы в другую. При определении диалектных истоков и реконструкции исходной формы славянских заимствований в центре внимания должны быть следующие явления: 1) действующие правила субституции: 1. слав. назальные гласные > венг. *eN*, состоящий из гласного с последующим взрывным, 2. слав. *c* > венг. *č* или *t*, 3. слав. *ž* > венг. *ž*, 4. регрессивное озвончение и падение еров (ср. слав. *redьky* > венг. *retek*) (Р. 54); 2) внутривенгерские фонетические и морфологические процессы (ср. *u* > *o*, *o* > *a*, *i* > *e*, сингармонизм, появление носовых для устранения геминат и т.д.). Фонетические характеристики потенциально могут стать инструментом идентификации славянских источников, средством реконструкции состава славянских диалектов и их связей в названном ареале при условии снятия наслоений, затемняющих исходный облик слова. Только последовательный многоступенчатый анализ с мобилизацией всех средств внутренней реконструкции в системах взаимодействующих языков может пролить свет на языковую ситуацию, предшествующую вторжению венгров. Критерии, выполняющие роль диагностического показателя славянских источников, относятся и к характеристикам, значимым, существенным для реконструкции особенностей славянских диалектов более раннего времени – VI–VII вв.

Работа состоит из четырех глав. От краткого освещения в первой главе основных подходов к характеристике лингвоэтнической ситуации, сложившейся в Паннонии, автор переходит во второй главе к обоснованию методики, используемой при исследовании славянских заимствований в венгерском языке. Анализ материала посвящена третья глава. Основные выводы даны в четвертой главе. К книге приложена библиография, в которую включены основные работы по теме, и словоуказатель.

Интерпретация полученных результатов и, соответственно, реконструкция состава славянских диалектов на территории Паннонии находятся в прямой зависимости от понимания целого ряда проблем и не в последнюю очередь от понимания места Паннонии в том геолингвистическом пространстве, которое занимали славяне в эпоху миграций. Автор склоняется к принимаемой многими исследователями теории, согласно которой прародина славян находилась в карпатском бассейне, а Паннония, занимавшая удобное географическое положение, была тем центром, через который проходили в разных направлениях разные народы, в том числе и славяне.

В последнее время на новом витке развития науки наблюдается возврат к теории Й. Добровского (ср. [1. С. 13 и след.]), согласно которой Среднедунайская низменность была прародиной славян. Славяне не были автохтонами в Паннонии. Те скудные данные, которыми располагают историки, археологи, не позволяют сколько-нибудь убедительно решить проблему славяно-аварских отношений. Остается неясным, пришли ли славяне в Паннонию до аварского нашествия или освоение Паннонии осуществлялось славянами в союзе с аварами (или под их давлением) и т.п. Движение шло из причерноморских степей, устья Дуная, где, как полагают, обитали восточнославянские племена. Поэтому не исключается, что в ходе миграций венгерские племена во второй половине VII в. могли иметь непосредственные контакты с восточными славянами. В первой главе автор, кратко обозревая основные работы, в которых освещаются вопросы диалектного состава паннонославянского языка с учетом исторических, социокультурных, языковых факторов, признает убедительными доводы в пользу гетерогенного состава славянских диалектов, преобладания диалектов западного и южного типа на территории к югу от Балатона.

Известно, что славянские заимствования в венгерском языке имеют единую форму без локальных различий, точно так же идентичный облик имеют отмеченные в разных частях венгерской тер-

ритории топонимы славянского происхождения. Это обстоятельство побуждает исследователей предположить, что “основным источником субстратных заимствований в венгерском языке служили не локальные славянские говоры, а некое койнэ, общее для всех славянских групп древневенгерского государства (притом исходной диалектной базой такого койнэ скорее всего явилась Паннония)” [2. С. 361–362]. Заимствования осуществлялись через межславянское койнэ с соответствующим фонологическим пересчетом. Автор не согласен с этим положением и предлагает свое понимание механизма заимствования, адаптации славянского слова неиндоевропейским языком. В своей аргументации Р. Ричардс исходит из того, что в эпоху освоения Паннонии и Карпатского бассейна праславянский язык функционировал как единый язык, слабо дифференцированный в диалектном отношении – при большой близости славянских диалектов в небольшой части языкового пространства не было необходимости в койнэ. Следующий аргумент базируется на функциональных различиях славянопаннонского языка в центре ареала и на его периферии. Автор полагает, что славянский язык функционировал в центре, т.е. Паннонии, как этнический язык и как *lingua franca* на периферии. Особое значение в этой связи придается принципу лингвистической географии, определяющему соотношение центра и периферии. Этот принцип, сформулированный на основе волновой теории применительно к праславянской эпохе Т. Милевским [3. Р. 134–137] и далее получивший углубленную разработку в трудах О.Н. Трубачева [1. С. 85, 112], касается механизма распространения языковых явлений от центра к периферии. В соответствии с этим принципом диалектные различия имеют тенденцию к ослаблению и угасанию по мере удаления от центра. В работе действию этого принципа приписывается гомогенизирующий эффект (Р. 110). Более того, автор полагает, что сам процесс заимствования способствует устранению диалектных различий, венгерский язык, язык неиндоевропейский, в чисто практических целях сам делает выбор в пользу одного из вариантов.

Большие сомнения вызывают многие из приводимых автором аргументов. Кратко остановимся на них. Начнем с того, что представление о праславянском языке как монолитном образовании противоречит современным знаниям, в основе которых лежит идея изначальной диалектной дифференциации праславянского языка [1. С. 15–16]. Праславянский язык прошел длинный путь развития. Под влиянием внешних и внутренних факторов многократно перестраивалась его структура, менялся характер диалектных различий. Применительно к интересующей нас эпохе паннонославянский язык может быть охарактеризован как сложное в диалектном отношении образование позднепраславянского языка, верхняя граница которого датируется эпохой падения редуцированных (X–XII вв.). Далее в своих рассуждениях автор не учитывает того, что в позднепраславянской эпохе, когда вполне определенно обозначились диалектные различия, когда в завершающую стадию входил процесс формирования облика славянских диалектов и диалектных групп, когда наметились общие культурные процессы и активно шел процесс христианизации славянского населения, сама жизнь требовала общего, понятного, объединяющего всех средства общения. Нам представляется весьма плодотворной идея существования наддиалектной формы общения для обслуживания потребностей церкви, администрации, культуры и т.п. [4. С. 493–524]. Только с этих позиций можно объяснить отсутствие разных отражений славянского слова в венгерском языке.

Автор, следуя классификации Х. Бирнбаума, разграничивает шесть диалектных групп – восточнославянская, лехитская, лужицкая, чешско-словацкая, словенско-сербохорватская, македоно-болгарская. Выделение праславянских диалектов именно в таком составе требует некоторых комментариев. Внутри восточнославянской группы без каких бы то ни было объяснений в качестве самостоятельного образования рассматривается протоньогородский диалект, он противопоставляется всем остальным диалектам восточнославянской группы. А в составе южнославянской языковой группы статус самостоятельных образований получа-

ют протословенский и протосербохорватский, протомакедонский и протоболгарский (Р. 116). При этом автор оставляет в стороне многие спорные вопросы восточнославянского лингвогенеза, а именно вопрос об истоках восточнославянской языковой группы: можно ли предполагать исходный праязык для восточных славян, или эта группа сложилась на основе консолидации диалектов племен, осваивавших новую территорию с запада и юго-запада (ср. [5. С. 175–176]). Объединение автором словенских и сербохорватских диалектов в единую группу плохо согласуется с хорошо обоснованной теорией о разных генетических истоках для кайкавских, чакавских диалектов, с одной стороны, и штокавских – с другой. По совокупности исторических и лингвистических данных восточная группа южнославянских диалектов сложилась на основе консолидации болгарских и македонских диалектов, носители которых разными путями направлялись через Дунай с севера и северо-запада и от устья Дуная [6. С. 381]. Р. Ричардс не касается также вопроса генетических истоков, формирования лужицкой языковой группы, для которой на раннем этапе развития праславянского языка предполагается близость с восточными диалектами южнославянской языковой группы (см.: [7. С. 33–60]).

Предметом лингвистического анализа стал материал в количестве 53 слов. В составе славянских заимствований, сгруппированных по тематическому принципу (топографические термины, строительная терминология, названия животных, растений, болезней, орудий труда, абстрактная терминология и др.), слова с исходным носовым гласным, с начальным *c*, с сочетанием *tj*. Эта часть исследования построена в форме этюдов: в заглавие вынесены реконструируемое праславянское слово, соответствующее ему венгерское слово и значение. Диалекты, с которыми идентифицируются заимствования, вынесены в колонтитул на каждой странице. Автор избегает категоричных суждений и формулирует свои выводы в очень осторожной форме. Авторская версия сопровождается перечислением всех логически возможных вариантов объяснения той или иной языковой ситуации. Возможные объяснения выделены в

самостоятельные разделы и обозначены буквами *a*, *b*, *c*. Каждую словарную статью завершает таблица, в которой дана оценка возможных диалектных источников заимствования по следующим параметрам: фонологически возможно, фонологически невозможно, фонологически вероятно, фонологически невероятно, в отдельных случаях вводятся дополнительно морфологически возможно, морфологически невозможно, семантически возможно.

По мысли автора, наиболее надежными показателями диалектной принадлежности славянских заимствований являются рефлексы носового гласного заднего ряда *ɔ*. Сам факт отражения назального гласного в венгерском языке в виде назального дифтонга типа *-uN* с последующим переходом вокального компонента *u > o* свидетельствует о принадлежности заимствования к тем славянским диалектам, в которых *ɔ > u*, т. е. к возможным источникам могут быть отнесены диалекты восточнославянской, лужицкой, чешской, словацкой групп, а также чакавский и штокавский диалекты, исключаются кайкавские и словенские диалекты с характерным для них рефлексом носового в виде *o*. При определении диалектного источника автор взвешивает, сопоставляет все возможные объяснения и выбирает наиболее вероятное с его точки зрения. При интерпретации фонетических явлений возникает немало трудностей особенно в тех случаях, когда сходные фонологические процессы имели место в славянских диалектах и венгерском языке. В качестве примера можно привести **grɔdʒel/gorongya* (*gy* = звонкий палатальный взрывной). В отличие от славянских диалектов древневенгерский не утратил редуцированные гласные в исходной позиции. В связи с этим обсуждаются две возможности: 1) славянская лексема с редуцированным вошла в венгерский язык с редуцированным гласным, группа *d + j* преобразовалась в венгерском как палатальный взрывной, графически передаваемый как *gy*; 2) заимствование произошло после падения редуцированных, рефлекс дейотации, отраженный в венгерском той же графемой *gy*, совпадает с рефлексом чакавских и штокавских диалектов, но не словенских и кайкавских. С по-

следним выводом трудно согласиться, так как в этих условиях в штокавском диалекте наблюдается переход *-dbye > dje*. При обосновании решений автор подключает разные аргументы, в том числе и подробный анализ фонетических процессов в истории венгерского языка.

Верификация славянских заимствований проводится и по другим параметрам. В списке ранних заимствований слова с начальным *c-*: **cěvь* или **cěvь/csǫ*, **cěrb/cser*, **cěrbje/cserje*, **cěry/csěp ~ csép* и т.п. Из круга возможных диалектных источников для этих заимствований исключается протоновгородский диалект, поскольку, как полагает автор, в этом диалекте не могло быть начального *c-*. Едва ли можно согласиться с таким пониманием явления нейтрализации дентальной и палатальной аффрикат *c* и *č* в новгородском диалекте (Р. 126, 146 и др.).

И, наконец, к показателям диалектных истоков относится рефлекс сочетания *tj >* венг. *cs*: ср. **letjallēncse* (*cs = č*), **sčrejtja/szčrēncse* (Р. 134, 145). Для заимствований с рефлексом *tj >* венг. *cs* в качестве возможного источника называется протословенский диалект.

При определении диалектной принадлежности учитывается семантика слова. Семантическая близость венгерского слова с одним из славянских языков служит дополнительным, а в ряде случаев основным критерием при установлении диалектных истоков заимствования (ср. **gręda/gęręnda, pr q dь/porond* и др.).

Результаты исследования в числовом и процентном выражении представлены в виде таблиц. Исследуемый материал оценивается по количеству реконструируемых паннонославянских лексем, которые могут быть идентифицированы с диалектом на основании единственного фонологического критерия или всех возможных критериев и т.д. (Р. 175–187). Основные выводы автора сводятся к следующему: 1) если исходить из этнолингвистической гомогенности паннонославянского языка, то наиболее вероятно идентификация его с протословено-сербохорватской группой с доминирующим положением в этой группе протосербохорватского диалекта; 2) если исходить из этнолингвистической

гетерогенности паннонославянского языка, то наиболее вероятно, что это был протосербохорватский и проточешско-словацкий диалекты, хотя и не исключается присутствие элементов протолужицкого и протовосточнославянского диалектов; 3) во всех случаях исключается возможность идентификации паннонославянского языка с протословенским диалектом (Р. 188–189). Через все исследование автором настойчиво проводится мысль об отсутствии признаков, позволяющих говорить об участии протословенского диалекта в формировании паннонославянского языка. Основной довод сводится к тому, что из 27 паннонославянских заимствований по отражению носового гласного заднего ряда только в отношении трех примеров можно говорить о словенском источнике. По мнению автора, Фрейзинские отрывки, памятник, датируемый первым тысячелетием, в которой *q* передается как *u* 46 раз и как *o* 31 раз, не относится к числу авторитетных источников, представляющих протословенский диалект. Если же вслед за Гринбергом признать, что словенский рефлекс *q > o* отражает архаичное состояние [8. Р. 119], а рефлекс носового гласного в виде *u* является новообразованием (ср. сербохорватские, лужицкие, чешские, словацкие, восточнославянские диалекты), то это расхождение, по мнению автора, может быть объяснено в терминах центр – периферия (Р. 207).

В заключительной части Ричардс соотносит результаты исследования с теориями, обозреваемыми в первой главе. Характеристика паннонославянского языка как языка преимущественно западнославянского, сербохорватского или словенского типа проходит проверку по одному параметру – отражению носового гласного заднего ряда. Все, что не согласуется с количественными подсчетами автора, признается сомнительным, малоубедительным. В последней главе уже с точки зрения своего материала автор возвращается к оценке теорий этногенеза и линвогенеза паннонославянских славян. К числу спорных и нерешенных следует отнести проблему восточнославянского-венгерских связей. Далеко не все славянские заимствования в венгерском языке могут быть

датированы концом IX в. Теоретически нельзя исключать возможность славянских заимствований до завоевания венграм Среднего Дуная. Но эта возможность отвергается автором. Основной довод фонетический: если бы заимствование произошло до завоевания Среднего Дуная, то в форме славянского слова должны были бы найти отражение те преобразования, которые имели место в фонологической системе древневенгерского языка ($p > \beta$, $k > \gamma$, $t > z$). Кроме того, ни один из вопросов, возникающих при восстановлении исходной формы слова, не может быть разрешен путем обращения к восточнославянской этимологии. Далее, термины земледелия, предположительно относимые к восточнославянским заимствованиям (ср. [9. С. 95 и след.]), не отражают тех изменений, которые должны были произойти при адаптации слова венгерским языком. Обращается внимание еще и на то обстоятельство, что заимствование терминов земледелия возможно при длительных контактах, длительном мирном сосуществовании славянских и венгерских племен, что вряд ли было возможно, если учесть, что древние венгры были кочевниками. И хотя автор признает существование славяно-венгерских контактов, особенно в свете неоспоримого факта присутствия венгров в Киеве около 840 г., но при этом отмечает, что контакты такого рода не были интенсивными (Р. 94 и след.).

В заключительной части автор решительно отклоняет теории, согласно которым древнейший слой заимствований в венгерском языке восходит к болгаро-македонской диалектной группе (см.: [10. С. 69, 72–74]). Но как будто в противоречии с этими выводами находятся приведенные в третьей главе количественные характеристики, указывающие на возможность присутствия в Паннонии диалектов болгаро-македонского происхождения. И чтобы объяснить это противоречие, автор предполагает, что если такие заимствования были, в чем он сомневается, то они могли стать результатом распространения церковнославянизмов в разных редакциях старославянского языка (Р. 196).

Автор пытается с иных позиций осмыслить связи западных и южных славян. В своем фундаментальном исследо-

вании И. Попович [11] объяснял наличие югославизмов в словацких диалектах и западнославянских черт в западных диалектах южнославянского ареала миграциями славянских племен. Соглашаясь с И. Поповичем в том, что в паннонославянском языке доминирующее положение занимал протосербохорватский диалект, автор при этом оспаривает возможность тесных контактов носителей сербохорватских и словацких диалектов, полагая, что наиболее вероятны связи сербохорватских и чешских диалектов (Р. 200). Однако это положение не получает обоснования. По мысли автора, югославизмы в центральных словацких диалектах прямо не могут свидетельствовать в пользу протословенского или протосербохорватского характера языка Паннонии, они лишь могут быть знаком того, что территория Паннонии была заселена южными славянами, весь карпато-паннонский ареал был южнославянским или южные славяне там доминировали. Под натиском аваров или венгров южные славяне перемещались на север в область распространения словацкого языка и на юг, но, двигаясь в южном направлении, они не могли оказать сколько-нибудь заметного влияния на протосербохорватский язык по причине большой близости диалектов. Если теория И. Поповича имеет большую доказательную базу, то предлагаемый Ричардом механизм взаимодействия южных и западных славян можно отнести к сфере умозрительных построений, поскольку он не подкреплен анализом того конкретного материала, на котором базируется теория И. Поповича.

Нуждаются в уточнении используемые автором термины. В работе термин *общеславянский* (= Common Slavic) используется для обозначения реконструируемой исходной системы. В современной науке в этом значении закрепился термин *праславянский*. Сферы употребления терминов разграничены: *общеславянский* относится к сфере распространения слова, а *праславянский* – к исходной системе, восстанавливаемой для славянских языковых групп. Вместе с тем в работе находим такие определения: протословенский, протосербохорватский, проточешкословацкий и т.п. Это означает, что на плоскости праславянского языка для каждого из

названных диалектов предполагается существование некой исходной системы, сохранявшей идентичность на всем протяжении развития. В действительности развитие шло по пути консолидации диалектов, объединения разных компонентов в одной системе.

Исследование Ричардса поднимает много проблем, каждая из которых могла бы стать предметом обстоятельного изучения. Оценка этноязыковой ситуации древней Паннонии дана по одному параметру – рефлексам носового гласного заднего ряда. Возможности материала ограничены для построения общей теории славянского и паннонославянского этногенеза. Однако нельзя отрицать важность, полезность проведенного исследования. Более того, представляется, что последовательное, непредвзятое освещение материала со всех возможных точек зрения поможет внести ясность в понимание некоторых трудных вопросов. Значение проведенного исследования в том, что оно стимулирует интерес к паннонской проблематике, побуждает заново пересмотреть многие факты. Однако нельзя отрицать того, что поставленные автором вопросы требуют комплексного подхода, основанного на сочетании разных приемов анализа и на привлечении всего доступного материала.

© 2005 г. Л.В. Куркина

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Трубачев О.Н.* Этногенез и культура древних славян. Лингвистические исследования. М., 2003.
2. *Хелимский Е.А.* Венгерский язык как источник для праславянской реконструкции и реконструкции славянского языка Паннонии // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.
3. *Milewski T.* Archaizmy peryferyczne obszaru praśl owiańskiego // Sprawozdania z posiedzeń komisji PAN, Oddział w Krakowie, styczeń – czerwiec 1965. Kraków, 1966.
4. *Вечерка Р.* Великоморавские истоки церковнославянской письменности в Чешском княжестве // Magna Moravia. Sbornik k 1100-výročí příchodu Byzantské mise na Moravu. Praha, 1965.
5. *Зализняк А.А.* Древненовгородский диалект и проблемы диалектного членения позднего праславянского языка // Славянской языкознание. X Международный съезд славистов. М., 1988.
6. *Гълъбов Л.* Еровите застъпници и българското диалектно членение // Изв. на Института за български език. София, 1964. Кн. XI.
7. *Шустер-Шевц Х.* Возникновение западнославянских языков из праславянского и особенности серболужицкого языкового развития // Вопросы языкознания. 1983. № 2.
8. *Greenberg M.L.* A Historical Phonology of the Slovene Language. Heidelberg, 2000.
9. *Лизанец Н.* Славянско-венгерские лексико-семантические схождения в говорах карпато-балканского ареала // Советское финно-угроведение 4. М., 1986.
10. *Мобр Е.* Die Ausbildung der Betriebsformen der ungarischen Landwirtschaft im Lichte der slawischen Lehnwörter // Studia Slavica. 1956. Т. II. Fasc. 1–4.
11. *Popović I.* Geschichte der serbokroatischen Sprache. Wiesbaden, 1960.

Славяноведение, № 2

А.В. ПОДОСИНОВ. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий. М., 2002. 488 С. (Древнейшие источники по истории Восточной Европы)

География в позднюю античную эпоху представляла собой своеобразный когнитивный конгломерат, состоявший из фрагментов древнейшей мифографии,

научных изысканий греческих географов, популярных описаний древнеримских ученых и философов, библейской географии. Для современного ученого

ситуация осложняется также совершенно иной ролью географической карты в древнем мире: карта не была еще самостоятельным научным продуктом, но, скорее, популярной иллюстрацией к различным географическим образам мира. Тем не менее, изучение сохранившихся текстов и карт, имеющих отношение к региону Восточной Европы, показывает постепенное картографическое становление образов этой территории, многие из которых перекочевали на средневековые карты, а впоследствии оказали влияние, в той или иной форме, и на современные географические представления.

Римская “хорография” (т.е. описание различных местностей и стран) представляла собой, считает А.В. Подосинов, причудливую смесь страноведческих и этнографических сведений (С. 32); какого-либо концептуального взгляда на мир она, конечно, не формировала. Однако описание карты мира Марка Випсания Агриппы, политического деятеля и географа эпохи Октавиана Августа, включает в себя географическое обоснование: карта как таковая формируется очертаниями морей, рек и гор (С. 43). Авторы географических текстов этой эпохи не смущало смешение географической номенклатуры ранней античности и времен Великого переселения народов – как, например, в “Космографии” Анонима из Равенны (С. 33). Кроме того, они должны были картографически идентифицировать и библейскую номенклатуру: скажем, в “Космографии” Юлия Гонория (IV–V вв.) это география четырех библейских рек, вытекающих из рая (С. 145–146). Части света в библейской традиции воспринимались прежде всего как наследие трех сыновей Ноя – такая точка зрения вполне естественна уже для Анонима из Равенны (С. 219). Карта или ее описание в этой когнитивной ситуации выступала как идеологический суррогат школьной риторики, политических и культурных стереотипов и философской и теологической метафизики.

Римская картографическая традиция в отношении Восточной Европы обнаруживает поразительную историческую устойчивость. Практически один карто-

графический образец (по всей видимости, это была карта мира Агриппы конца I в. до н.э.) (С. 40) транслировался, через посредников, с большими или меньшими искажениями и исправлениями, в течение нескольких веков, вплоть до XII – начала XIII в. Собственно картографических изображений, восходящих к эпохе Древнего Рима, сохранилось очень мало (это фактически карта из Дура Европос и Певтингерова карта) – при этом сами они имеют квазигеографическую форму (С. 84), далекую даже от научных теорий греческих географов. Форма итинерариев и периплов наиболее естественна для таких карт, отсюда и невероятные даже по тем временам искажения географических контуров и смещения географических объектов по отношению друг к другу. Путь здесь – это условная прямая линия, поэтому ландшафт и путевые пункты (города) на Певтингеровой карте совершенно не согласованы между собой (С. 361). Таким же образом стоянки кораблей на Черном море соединены на карте из Дура Европос прямой линией, не имеющей никакого отношения к действительным очертаниям черноморской береговой линии (С. 82). Практические нужды и потребности в реальной земной топологии (связи пунктов и расстояния между ними) подавляли необходимость более или менее правдоподобного воспроизведения контуров природных географических объектов.

Структуры картографических описаний мира зависели, в первую очередь, от классических образцов, но также и от местоположения самого автора описания. Наиболее принятым и наиболее часто встречавшимся порядком описания было описание стран с запада, от Гибралтара (С. 63). Но, например, Аноним из Равенны нарушает этот порядок, ставя Равенну в центр описания и характеризуя страны от дальних к ближним по отношению к этому городу (С. 164). В “Космографии” Псевдо-Этика (V или VI в.) также нарушен классический принцип описания, и Италия рассматривается как центр в описании Европы (С. 154). Нетрудно, конечно, сделать вывод о влиянии политико-географической ситуации на порядок и структуру карто-

графического описания – значение Италии для Римской империи очевидно. Однако можно усмотреть здесь и появление новой картографической традиции, в рамках которой возможно согласование, координирование различных способов описания и представления мира. Появлению этой традиции способствовало, безусловно, совершенно различное количество и качество географической информации об описываемых странах и частях света. С одной стороны, можно было выбирать страны, маркировавшие самые дальние страны ойкумены (Индия, Шотландия, Мавритания и Скифия), как это сделал Равеннат (С. 205). Этой же маркировке пределов ойкумены на востоке и севере служили так называемые алтари Александра Македонского, якобы установленные им в местах наибольшего продвижения его армии, на Певтингеровой карте (С. 376). С другой стороны, надписи на окраинах карт, как правило, фиксировали скудость и недостоверность информации о самых дальних странах и регионах (С. 144). Наконец, эти различия подчеркивались также проведением границ частей света по природным или этнографическим ориентирам. На той же Певтингеровой карте хорошо известные южные границы Европы описывались по природным объектам, тогда как малоизвестные северные границы (побережье “Северного океана”) маркировались порядком проживавших там народов (сведения о которых также были весьма скудны и противоречивы) (С. 281). Иначе говоря, картографическое описание учитывает характер используемой информации, формируя в качестве ответа соответствующие знаково-символические формы отображения и преобразования этой информации. Даже в ситуации подчиненного и иллюстративного значения географической карты в древнеримской картографической традиции можно говорить об известной автономности карты с образно-географической точки зрения как оригинального способа репрезентации и интерпретации окружающего мира.

Ведущий образ Восточной Европы в рамках римской картографической тра-

диции – конечно же, Скифия. Этот образ был унаследован из древнегреческой географической традиции. Хотя еще на карте мира Агриппы Скифия была вытеснена Сарматией (что отражало современную ему политико-географическую ситуацию) (С. 57–58), большинство последующих географических описаний продолжало тиражировать скифские образы. Скифия выступала как собирательный топоним, фиксирующий местоположение различных варварских племен Северного Причерноморья, часто сменявших друг друга (С. 105). Параллельно с этим процессом происходит размножение и расширение образа Скифии; Скифий становится несколько – например, у Равеннаты их как минимум две-три (С. 215). Происходит экспансия этого образа на северо-восток и восток Европы и далее в Азию. По сути дела, образ Скифии становится глобальным географическим (картографическим), содержательно маркирующим всякие отдаленные, малоизвестные, чаще холодные и пустынные земли к востоку и северу от Средиземноморья, населенные, как правило, дикими племенами. В подобной содержательной интерпретации он переключался на средневековые карты и карты Нового времени, а к концу Нового времени, исчезнув с географических карт, образ Скифии стал на долгое время синонимом образа России. Как сателлитный, подчиненный этому образу можно рассматривать образ Рифейских (Рипейских) гор, обязательно присутствовавший в большинстве описаний на северо-востоке Европы; к данному образу было привязано, чаще всего, название племени гипербореев (С. 141). В целом образ Скифии, удерживавшийся на географических картах и в описаниях более двух тысяч лет, есть важное свидетельство инерционности образно-географической репрезентации мира; для которой всегда, как правило, характерно сочетание, с одной стороны, “долгоживущих” и архаичных образов, а с другой – образов сиюминутных, оперативных и быстро сменяющихся.

Развитие картографического описания как образно-географической модели предполагает смешение, контаминацию и дрейф различных образов. Наи-

более яркое свидетельство подобных процессов в римской картографической традиции – это перемещение города Трапезунта вместе с сопутствующей ему местной топонимикой из Южного в Северное Причерноморье. Наиболее четко этот образный казус прослеживается на карте из Дура Европос (С. 92, 95–98). Объяснение, согласно А.В. Подосинову, заключается в следующем: данный казус восходит к карте мира Агриппы, во время составления которой Боспор (Северное Причерноморье) был политически объединен с Понтом (Южное Причерноморье) в единое государство – как раз при политическом участии самого Агриппы (С. 95–98). Это обстоятельство способствовало картографической контаминации двух разных причерноморских районов, обнаруживающейся и на Певтингеровой карте (С. 347). Смещение на север претерпели и менее значимые географические объекты – на Певтингеровой карте это, например, Потамия, оказавшаяся в Восточном Причерноморье; по Страбону же, это область в Пафлагонии на границе с Вифинией (Малая Азия) (С. 365). Иначе говоря, реальные политико-географические процессы прямо связаны с развитием последующих картографических дискурсов; верно и обратное – целенаправленный картографический (образно-географический) дискурс может воздействовать на ход и развитие политической обстановки и международных отношений в определенном регионе.

Итак, в книге А.В. Подосинова римская картографическая традиция, будучи вполне прагматической и ориентированной более на средиземноморское пространство, предстает в качестве в основном транслировавшей базовые образы Восточной Европы, разработанные еще греческими географами. Эта трансляция сопровождалась размещением новых топонимов и этнонимов, не менявшим кардинально образную структуру региона. Учитывая, что Восточная Европа – это, скорее, “изобретение” XVIII в., можно говорить о Скифии как приблизительно образном эквиваленте Восточной Европы в данной традиции. Образ Понта, Черного моря с сопровождавшими его топо- и этнонимическими пластами был, по всей видимости, медиативным образом, смягчавшим когнитивный переход от обустроенного мира Средиземноморья к малоизведанному и опасному миру восточных и северных пределов ойкумены. Отсюда и важный методологический вывод: в политическом и культурном отношении имперские структуры нуждаются, как правило, в когнитивном обосновании своей экспансии, требующей, в свою очередь, построения непротиворечивой образной модели мира – мира, география и картография которого предполагают совмещение разновременных и иногда пространственно очень далеких друг от друга образов.

© 2005 г. Д.Н. Замятин

Славяноведение, № 2

Е.Ю. ИВАНОВА. Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации. СПб., 2003. 208 С.

Книга Е.Ю. Ивановой посвящена исследованию неполных речевых реализаций логико-семантических типов (ЛСТ) предложений – бытия, характеристики, идентификации. Эти разные по семанти-

ке предложения могут быть представлены в речи одинаковой синтаксической конструкцией в форме номинативной именной группы. Актуальность исследования несомненна: вопрос о семантике и

структуре предложений номинативной формы имеет противоречивые лингвистические решения. В работе предлагается анализ номинативных построений с точки зрения логико-семантического и коммуникативного синтаксиса, вводится понятие неполных речевых реализаций логико-семантических и структурно-семантических типов предложений. Это позволяет доказать изоморфизм предложений, имеющих форму номинативной конструкции, и выявить их принадлежность тому или иному ЛСТ, ср. неполные варианты предложений бытия, характеристики, идентификации: *Она быстро выдернула ящик. Рыжий портфель* (В. Набоков); *Дом – в центре города. Голубой особняк* (В. Токарева); *Вдруг у Гриши поднялось настроение: понял, что сюда идет кто-то... Подруга Люськи Лариса. Вот она вошла и сразу встала на диск "Здоровье", начала крутиться...* (Н. Горланова).

В работах Н.Д. Арутюновой, Е.Н. Ширева [1. С. 230–232; 2. С. 47–51] ранее уже говорилось о возможной трактовке предложений номинативной формы как модификаций того или иного ЛСТ. Но мысль о речевых вариантах логико-синтаксических структур высказывалась только в отношении номинативов бытийного значения и в качестве отдельных замечаний – в связи с рассмотрением неполных идентифицирующих предложений.

Целью исследования Е.Ю. Ивановой явилась разработка принципов интерпретационного анализа изоморфных речевых реализаций предложений разных ЛСТ и применение этих принципов к русскому и болгарскому языкам. В качестве основы для лингвистической гипотезы была выбрана классификация предложений, проведенная на логико-семантических основаниях Н.Д. Арутюновой [1. С. 18–20]. Опора на этот подход позволила выявить речевые модификации предложений разной семантики и предположить, что номинативная конструкция, которая может входить в сообщаемое любого ЛСТ, является изоморфной неполной реализацией в рамках логико-семантической типологии предложений. Это определило основные направления исследования. Во-первых, доказательст-

во изоморфизма потребовало от автора выявления общих черт ЛСТ, присущих полным и неполным реализациям, и поиска семантических, грамматических или стилистических различий, которые сопутствуют речевым модификациям логико-синтаксических структур. На материале болгарского языка, где ранее не велись исследования в данном направлении, была осуществлена логико-семантическая классификация болгарских предложений, выявлены их возможные неполные реализации в сопоставлении с русскими. Среди славянских языков болгарский наиболее интересен в этом отношении как типологически отличающийся наличием ряда специфических грамматических характеристик. В работе особое внимание уделяется: а) принадлежности болгарского языка к группе языков *habere*-типологии; б) эксплицитному выражению категории определенности/неопределенности; в) обязательности связки в именном сказуемом; г) отсутствию форм именного склонения.

Вторая область, на которую направляет внимание автор, – собственно исследовательская – разработка и применение интерпретационно-доказательных методик, позволяющих установить семантику выявленных в тексте номинативных образований и проверить применимость данных принципов к болгарскому языку.

Решение этих задач осуществлялось на основе логико-семантического и семантико-прагматического подходов к изучению предложения, учитывающих референциальный статус именных компонентов и способы соотношения номинативных конструкций с элементами контекста, в которых особым образом организируются и возмещаются недостающие элементы семантической структуры.

Особое внимание в работе уделяется **бытийному** ЛСТ. Его семантическая структура, как известно, и в полной реализации не однозначна, так как сообщаемое в предложении не только касается идеи бытия объекта, но и вводит его основные таксономические признаки. Когда же речь идет об однокомпонентном варианте, встает вопрос о том, чем и как выражается бытийное значение в номинативном построении и последовательно

ли оно выражается. Автором выявлены средства, способствующие выражению бытийных логико-семантических отношений при реализации ЛСТ только одним компонентом, и условия, при которых однокомпонентный вариант из-за распада полной трехчленной бытийной структуры не остается в рамках бытийного типа. Поскольку локализатор (компонент семантической структуры, указывающий на область бытия предмета) смещен в предшествующее предложение, его обстоятельственные функции и организующая роль совсем не очевидны. В этом случае основная семантическая нагрузка ложится на синтаксические возможности опорного существительного, поэтому одной из важнейших задач исследования явилось изучение синтаксических свойств лексических классов, формирующих номинативное высказывание.

Из других семантических типов номинативных конструкций особенно интересным в работе представляется исследование предложений **идентификации**. Однокомпонентные их реализации значительно более устойчивы в своей семантике, так как отношения в них рефлексивны и замкнуты на один объект. Возникает ряд сложностей, связанных с отграничением идентифицирующих предложений от других однооформленных: от именующих (когда в номинативном сегменте находится имя собственное), от характеризующих (включенных в начальные этапы опознавательного процесса), а задача различения бытийных и идентифицирующих предложений типа *Пожар!*, *Самолет!*, *Командир!* традиционно относится к сложным вопросам русского синтаксиса. Решение этих проблем осуществляется автором монографии через выявление пресуппозиций высказывания, определение денотативного статуса именных групп и прагматических установок говорящего.

Способы формирования мысли и, соответственно, типы логико-семантических отношений в русском и болгарском языках одинаковы, но конструкции, реализующие тот или иной ЛСТ, различны. В главе 4, предлагающей анализ **болгар-**

ского языка на фоне русского, рассмотрены способы формирования идентифицирующих, характеризующих и именующих предложений, выявлены специфические для болгарского языка конструкции, предложены критерии разграничения разных по семантике биноминативных структур и их неполных вариантов. Важная роль отводится анализу артиклевой маркированности рематической именной группы: наличие/отсутствие определенного артикля хоть и отражает коммуникативные интенции говорящего, но все же не является определяющим фактором при семантической дифференциации именной постройки, так как правила артиклевой маркировки и семантико-прагматические установки не всегда совпадают. Ср. оформленность определенным артиклем идентифицирующей и характеризующей именных групп: *През дърворезба от бръчки едва-едва се разгатват същите черти. Майката* (Б. Димитрова) и *Имаше и един възрастен и мил човечец – Ханс. Най-старият сценичен работник* (В. Пасков).

Самый большой раздел сопоставительной части исследования Е.Ю. Ивановой посвящен бытийным предложениям, в которых находят отражение важные типологические особенности болгарского языка. Во-первых, болгарский язык относится к группе языков, где для выражения обладания используется модель с личным глаголом *имам/ням*, отличная от сообщений о существовании с безличным глаголом *има/няма*, ср. *Имам куче; Нямам кола* и *В гората има вълци; Тук няма стол*. В современном русском языке для тех и других сообщений используется одна и та же модель с локативным оформлением области бытия, в том числе и посессора, ср. рус. *У меня есть собака; В лесу есть волки*. Второе существенное отличие болгарских и русских полных бытийных предложений также связано с активностью предиката *habere*, который не только выражает посессивность, но и (в виде безличного глагола *има/няма*) значительно потеснил глагол *съм* в сфере ядерных экзистенциальных значений.

Таким образом, в болгарских бытийных предложениях используется прежде всего безличный глагол *има*, хотя в ряде позиций сохраняется и глагол *съм*. Болгарские исследователи [3. С. 236–241; 4. С. 191–199; 5. С. 13–19] связывают различия в конструкциях с *има* и *съм* с лексическими и референциальными ограничениями. Е.Ю. Иванова рассматривает экзистенциальные предложения в болгарском языке с точки зрения логико-семантических принципов анализа и выявляет интересные закономерности построений предложений с данными глаголами, обнаруживая в них семантические, денотативные и прагматические отличия.

Автор исследования выявляет базовую коммуникативно-референциальную модель бытийного предложения – конструкцию с глаголом *има* и именем объекта бытия в общей форме. Центр бытийного поля составляют коммуникативные варианты, в которых значение бытийности входит в коммуникативный фокус высказывания, т.е. в рему высказывания, или отмечено акцентным выделением: *Има все пак честни хора; Добри ученици в класа имаше, но нямаше отличници; Има ли желеащи? Такива хора вече ги няма по света.*

Предложения с глаголом *съм* автор относит к периферии поля бытийности. Определенная форма имени объекта бытия не допустима в типичных бытийных предложениях. Е.Ю. Иванова доказывает, что употребление определенных именных групп в предложениях с *съм* есть следствие введения идентифицирующей информации в бытийное предложение (ср. *В куфара има дрехи. – В куфара са зимните ми дрехи*), что создает контаминированную структуру, сохраняющую бытийное значение в тех случаях, когда идея бытия входит в состав сообщаемого.

Интересны наблюдения Е.Ю. Ивановой над употреблением *има* и *съм*, когда грамматически возможны обе конструкции. Говорящий выбирает, учитывая знания собеседника, один из двух способов построения сообщения о существовании: а) говорит об объекте как о чем-то новом для адресата и тогда использует *има*-конструкцию и общую форму существительного (*До вратата има бюро*) или

б) присоединяет собеседника к сфере своих знаний, употребляя глагол *съм* и определенную форму существительного (*До вратата е бюрото*). Как пишет автор, речь идет об “интимизирующем” (подключающем адресата) стиле изложения путем “навязывания” собеседнику **презумпции общего знания**. Так, представляя памятник Петру I, говорящий выбирает *съм*-предложение: *На площада е паметникът на Петър I*, но сообщение о памятнике гораздо менее известной личности будет, вероятно, оформлено *има*-предложением: *Срецу тази сграда има паметник на адмирал Крузеништерн – организатор и началник на първата руска околосветска експедиция.*

Важной характеристикой бытийных предложений с *съм*, как считает Е.Ю. Иванова, является семантика заполненности пространства указанными предметами, следствием чего является требование семантической координации объемов пространства и включенных в него объектов: *В ъгъла на стаята е бюрото; До прозореца е дъската*; ср.: **В стаята е бюрото; *В аудиторията е дъската.*

Противопоставление предложений с *има* и *съм* (по крайней мере с предметными именами) во многом напоминает, по мнению автора, оппозицию глагольных и безглагольных бытийных предложений в русском языке. Проведенный анализ позволил доказать, что классические бытийные предложения (с глаголом *есть* в русском языке и с глаголом *има* в болгарском) обладают набором близких характеристик и закономерностей выражения бытийного значения в коммуникативно сильных позициях. Болгарские предложения с *съм*, как и русские безглагольные предложения, находятся на периферии поля бытийности. Е.Ю. Иванова отмечает, что в языках, где одна и та же лексема способна выполнять и связочные, и бытийные функции, непременно существует группа структур, как пишет автор, “зоны риска”, т.е. включающих этот глагольный компонент с неотчетливой семантической границей. Особенно это заметно в русских бытийных предложениях, которые используют только лексему *есть* в качестве и бытийного, и связочного глагола. Но те же

признаки периферийности демонстрирует и болгарское *съм*. Затемненность логико-семантического статуса экзистенциальных моделей с *съм* особенно проявляется в предложениях, сообщающих о состояниях и временных отрезках.

В работе анализируются номинативные конструкции, употребленные в текстах экспрессивного синтаксиса. Актуализирующая проза относится к контекстам, усложняющим семантическую и синтаксическую интерпретацию неполных реализаций ЛСТ. Расчлененный тип изложения способствует появлению разнообразных конструкций номинативной формы. Не все они являются предложениями. Но вынос парцеллята за рамки базового предложения, по наблюдениям автора, дает возможность более свободного семантического и синтаксического поведения субстантивной группы. Разрыв связей отчлененного субстантива с базовым предложением сопровождается семантическими сдвигами и может получить грамматическое выражение вплоть до изменения формы определенного артикла с краткой на полную: *Никой не познава вкуса на снега. Той сега го знае. Студен и твърд като желязо. Вкусът на смъртта* (Б. Димитрова).

Хочется отметить не только общеметодологическую, но и методическую ценность выводов и наблюдений Е.Ю. Ивановой для преподавания болгарского языка как иностранного. В этом отношении наиболее важными представляются разделы, затрагивающие вопросы о: 1) способах построения болгарских предложений идентификации и именованя; 2) особенностях артиклевой маркированности предложений разных семантических

типов; 3) специфике формирования бытийных предложений с глаголами *има* и *съм*, в частности, стилистико-прагматические и семантико-денотативные ограничения при употреблении предложений с разными бытийными глаголами.

Исследование Е.Ю. Ивановой, осуществленное на основе обширного корпуса текстов русской и болгарской современной художественной прозы (11 тыс. примеров), относится к фундаментальным работам в области семантического и коммуникативного синтаксиса. Оно выполнено в русле современных идей, реализующих логико-синтаксический и семантико-прагматический подходы к изучению предложения и текста.

© 2005 г. З.К. Шанова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: Логико-семантические проблемы. М., 1976.
2. Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н. Русское предложение: Бытийный тип (структура и значение). М., 1983.
3. Ницолова Р. Экзистенциалните изречения с глаголите *esse* и *habere* в българския език в съпоставка с другите славянски езици // Съпоставително езиковедно знание. 1990. Кн. 4/5.
4. Стоянов С. Синонимни изрази с глаголите *съм* и *има* в българския език // Славистични изследвания. София, 1973. Т. III.
5. Недев И. Наблюдения върху синтактичния строеж на екзистенциалните изречения с глагол-сказуемо *има-няма* в съвременния български книжовен език // Български език. 1981. Кн. 1.

Памяти Яна Гавранека

В Праге 1 сентября 2003 г. скончался известный чешский историк Ян Гавранек, отметивший свое 75-летие всего за три месяца до смерти. Историческая наука Чешской Республики понесла невосполнимую утрату.

Профессор Карлова университета в Праге Я. Гавранек исследовал новейшую историю Чехии и Центральной Европы, политическое и культурное развитие чешских земель XIX и XX вв. Родился он 7 июня 1928 г. в Теплицах (Северная Чехия), в интеллигентной семье. Его отец преподавал латинский и греческий языки в гимназии, а затем стал влиятельным чиновником министерства школ, мать занималась переводами с иностранных языков произведений художественной литературы, дядя по отцу, Б. Гавранек, являлся крупнейшим чешским филологом-славистом, хорошо известным и в нашей стране. В период господства нацистского протектората Я. Гавранек, как и другие члены его семьи, оказался в концентрационном лагере по расовым причинам (мать была еврейкой). После Второй мировой войны Ян окончил среднюю школу, затем – философский факультет и аспирантуру Карлова университета. Его кандидатская диссертация написана на тему “Движение Омладины и борьба за всеобщее избирательное право в 1893 г.”. По окончании университета Я. Гавранек работал на кафедре истории Чехословакии и архивистики сначала ассистентом, а с 1964 г. – доцентом. В 1968 г. он совместно с И. Бутвином издал книгу “История Чехословакии (1891–1918 гг.)”, которая стала основным учебником для студентов высших школ, специализирующихся по этому предмету. Я. Гавранек преподавал также курс истории статистики и демографии, участвовал и в создании учебников по этим дисциплинам. Он издал учебные пособия “Введение в изучение истории” (1961) и “Основы статистического метода для историков” (1963, совместно с Й. Петранем).

После событий 1968 г. и наступления эпохи “нормализации” Я. Гавранек был исключен из коммунистической партии Чехословакии и отстранен от работы со студентами. Он перешел в реорганизованный Институт истории Карлова университета и обратился к исследованию истории этого учебного заведения, культуры, студенчества и чешской науки в целом. Я. Гавранеку принадлежат также очерки жизни и творчества многих представителей чешской интеллигенции: профессора истории и первого ректора Пражского Чешского университета В.В. Томека, историков Й. Пекаржа, Ф. Палацкого, Я. Голла, Б. Мендла, языковедов и литературоведов Й. Юнгмана, П.Й. Шафарика, К. Иречка, Я. Мукаржовского, философа Б. Больцано, эстетика О. Гостинского, медика Э. Альберта и естествоиспытателя Я.Э. Пуркине, известных деятелей Пражского Немецкого университета А. Эйнштейна, Э. Махи и многих других представителей культурной и интеллектуальной истории Чехии XIX и XX вв. Именно благодаря трудам Я. Гавранека эта история получила яркое и научно обоснованное изложение.

Я. Гавранек опубликовал также много работ в различных журналах, особенно в “Acta Universitatis Carolinae – Historia Universitatis Carolinae Pragensis”, где он выполнял также функции секретаря и способствовал поддержанию журнала на высоком научном уровне.

Крупнейшим произведением, созданным при самом активном участии Я. Гавранека, является четырехтомная “История Карлова университета”, изданная к 650-летию существования этой высшей школы, старейшей во всей Центральной Европе. Связанную с этой темой проблематику Я. Гавранек изучал практически в течение всей своей жизни. Он отредактировал третий том названного труда (о периоде 1801–1918 гг.), а также принял участие в редактировании четвертого тома (1918–1990 гг.), где ему принадлежит и значительная часть текста.

В 1980-е годы Я. Гавранек возвратился к преподавательской работе в Карловом университете, с 1990 г. руководил его архивом, в 1992 г. получил звание профессора. Владея многими европейскими языками, он участвовал в научных симпозиумах и конференциях не только в Чехии, но и за ее границами. До 1969 г. посещал он и Советский Союз, участвуя здесь в конференциях, посвященных новейшей европейской истории.

Автору этих строк довелось общаться с Я. Гавранек в течение сорока лет. Посещая Прагу, я часто с ним встречалась. Поражали его обширные знания в области истории и других гуманитарных дисциплин, оригинальные суждения и остроумные оценки событий окружающего мира. Беседы с ним были всегда полезны и поучительны. Последняя наша встреча произошла в июне 2003 г., на симпозиуме, посвященном 250-летию Й. Добровского. А в сентябре того же года я присутствовала при отпевании выдающегося ученого. Смерть похитила у нас человека, который мог бы еще многое дать науке. Искренне жаль его. Светлая ему память.

© 2005 г. *Л.П. Лантева*

Славяноведение № 2

Памяти Людмилы Николаевны Титовой (1934–2004)

6 февраля 2004 г., не дожив двух месяцев до своего 70-летия, скончалась Людмила Николаевна Титова, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела культуры Института славяноведения РАН.

Практически вся трудовая биография, научная, творческая деятельность Людмилы Николаевны – видного специалиста в области истории культур славянских народов, блестящего знатока чешской культуры XVIII–XX вв., была неразрывно связана с нашим институтом, в котором она работала, начиная с 1961 г., когда пришла в его аспирантуру под благосклонное крыло своего научного руководителя проф. И.Ф. Бэлзы. Уже в 1964 г. она защитила кандидатскую диссертацию на тему “Йозеф К. Тыл и демократические традиции чешской культуры” и стала активно разрабатывать круг проблем, связанных с исследованием закономерностей и особенностей развития чешской национальной культуры, в первую очередь театральной. Ее весьма интересовал период чешского национального возрождения, позволяющий раскрыть соотношение эпох и стилей, культуры профессиональной и народной, выявить синтез искусств как характернейший признак процесса становления национальной культуры. Итогом этой многолетней и кропотливой работы стала успешно защищенная в 1995 г. докторская диссертация “Драматургия эпохи чешского национального возрождения”.

В 1990-е годы Людмилу Николаевну привлекали такие периоды развития чешской театральной культуры, как 60-е годы XIX в. – рубеж XX в., эпоха авангардизма, послевоенный период.

Людмила Николаевна много и плодотворно работала в архивах Москвы, Санкт-Петербурга, Праги, Будапешта; в частности, обращение к первоисточникам позволило ей отнести зарождение чешско-русских контактов в области театра к началу XVIII в. (“богемская” театральная труппа при Петре I).

Из более 100 опубликованных Людмилой Николаевной работ наиболее полно результаты ее научных изысканий отражают получившие высокую оценку в кругах как отечественных, так и зарубежных специалистов монографии “Чешский театр эпохи национального возрождения. Конец XVIII – первая половина XIX в.” (М., 1980), “Чешская культура первой половины XIX в.” (М., 1991), “Образы и знаки истории в чешской культуре XVIII–XIX вв.” (М., 1996).

В 1998 г. на конференции, посвященной 650-летию Карлова Университета в Праге, Людмила Николаевна была удостоена медали “За большой вклад в область богемистики”.

Людмила Николаевна была активным, энергичным, отзывчивым членом институтского коллектива и потому охотно и с пользой для коллег выполняла обязанности ученого секретаря, руководителя редколлегий изданий, профорга, культурорга.

Жизнерадостная, доброжелательная, мужественная – такой запомнят Милу, Людмилу Николаевну Титову все, кто ее знал.

© 2005 г. *Коллеги и друзья*

Новые книги Института славяноведения РАН

В 2002–2004 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

Агапкина Т.А. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.

**Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период “холодной войны” (1945–1957). М., 2002.

**Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.

За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.

*Исследования по славянской диалектологии. 8. М., 2002.

Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и культура. М., 2002.

**Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.

Литература Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. М., 2002.

Признаковое пространство культуры. М., 2002.

*Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.

*Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.

*Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Т. 2: 1949–1953. М., 2002.

**Софронова Л.А.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002.

*Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.

**Studia Polonica.* К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.

*Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 2002.

*Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002.

Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.

Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. М., 2002.

**Шерлаимова С.А.* Литература “Пражской весны”: до и после. М., 2002.

*Балканские чтения. 7. В поисках “ориентального” на Балканах. Тезисы и материалы. М., 2003.

*Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.

*Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003.

**Грачев В.П.* Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003.

**Досталь М.Ю.* И.И. Срезневский и его связи с чехами и словаками. М., 2003.

**Коровицына Н.В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.

**Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

* Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов (июнь 1924 – декабрь 1926). М., 2003.

**Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.

**Свешникова Т.Н.* Синтаксис румынского глагола. Конъюнктив и его трансформы. М., 2003.

**Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

**Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003.

- *Славянская этнолингвистика. Библиография. М., 2003.
- *Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.
- *Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Справочник. М., 2003.
- *Исследования по славянской диалектологии. 9. М., 2004.
- *Оппозиция сакральное / светское в славянской культуре. М., 2004.
- *Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг. Документы и материалы. Публикацию подготовил д-р ист. наук И.И. Костюшко. М., 2004.
- *Постмодернизм в славянских литературах. М., 2004.
- *Славянский альманах 2003. М., 2004.
- **Струкова К.П.* Общественно-политическое развитие Македонии в 50–70-е гг. XIX века. М., 2004.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

CONTENTS

<i>Vassilyev M.A.</i> (Moscow). Ants, Slovenes, Germans, Greeks: Slavonic Cultural-Lingual Space and Its Neighbors in the Early Medieval Age.....	3
<i>Turilov A.A.</i> (Moscow). "Not inside the place Count lives, but outside" (Bulgarian Society in the End of IX Century in "Skazanie o zheleznom kreste" ("Tale on the Iron Cross").....	20
<i>Mikheyev S.M.</i> (Moscow). Golden Boris's Grivna and Ingling's Family Malediction: Towards the Problem of Varangian Sources of the Old Russian Texts.....	28
<i>Florya B.N.</i> (Moscow). Russian-Swedish Peace Negotiations in Valiesar (1658) and Rzecz Pospolita.....	43
<i>Korzo M.A.</i> (Moscow). Structure and Content of the Catechisms in the Form of ABC-Books Printed in Moscow in XVII – Early XVIII Century.....	61

COMMUNICATIONS

<i>Konovalova I.G.</i> (Moscow). Eastern Europe in the Geographical Work by Abu-l-Fida.....	72
<i>Murtuzaliev S.I.</i> (Makhachkala). Porte's Religious-Legal Policy and a Role of Tax System in the Islamisation of Balkan Peoples (XV – Early XVII Century).....	83
<i>Ivanova-Tsotsova B.</i> (Sofia). Medieval Ages Components in the Structure of Painted Portrait in the Early Modern Times in the Eastern and South-Eastern European Countries.....	88
<i>Kouznetsova I.V.</i> (Tcheboksary). Mythological Roots of the Stable Comparisons.....	99

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Kurkina L.V.</i> R.O. Richards. The Pannonian Slavic Dialect of the Common Slavic Proto-Language: The View from Old Hungarian.....	110
<i>Zamyatin D.N.</i> A.B. Подосинов. Восточная Европа в римской картографической традиции. Тексты, перевод, комментарий.....	116
<i>Shanova Z.K.</i> E.Yu. Иванова. Логико-семантические типы предложений: неполные речевые реализации.....	119

OBITUARIES

In Memoriam of Jan Havranek.....	124
In Memoriam of Ludmila Nikolaevna Titova (1934–2004).....	125
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS.....	126

Сдано в набор 06.12.2004 Подписано в печать 03.02.2005 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 5,8 тыс. Уч.изд.л. 11,9 Бум.л. 4,0
Тираж 544 экз. Зак. 9108

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

E-mail: juslav@rambler.ru

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6

АВТОРАМ И ЧИТАТЕЛЯМ!

Готовится к печати первый выпуск нового ежегодного альманаха *“Вестник истории, литературы и искусства”*. В составе редакционного совета известные российские историки, филологи, искусствоведы: академики – В.Л. Янин, Г.М. Бонгард-Левин, М.Л. Гаспаров, Д.В. Сарабьянов, Н.Н. Покровский, А.Б. Куделин, член-корреспондент М.Б. Пиотровский и другие. Свою задачу авторы этого междисциплинарного издания видят в попытке преодолеть «цеховые» барьеры между гуманитарными науками. Новый альманах будет отличаться комплексным подходом к изучению общественной жизни и культуры, соединяя воедино статьи по социальной и политической истории, истории философии и общественной мысли, литературоведению, истории искусств: живописи, архитектуры, театра, кино и др. На страницах альманаха будут публиковаться архивные и музейные материалы.

В *первый выпуск* войдут статьи об уникальных археологических открытиях на Тамани, роли рукописных книг в истории русской культуры, особенностях китайской поэзии и взаимовлиянии русского и японского искусства. Предполагается публикация дневников российских императриц Елизаветы Петровны и Марии Федоровны, новых материалов о творчестве Бодлера, Гоголя, Пастернака, Мандельштама, Стравинского, по истории русского и зарубежного театра, живописи и литературы.

Альманах рассчитан на специалистов, знатоков и любителей русской и зарубежной культуры.

По всем вопросам просим обращаться по адресу: Москва, 119334, Ленинский проспект, 32А. Телефон (095) 938-52-28, факс 938-19-12, электронный адрес vdi@igh.ru

ПОДПИСКА-2005

ВТОРОЕ ПОЛУГОДИЕ

ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ

1 том Российские и зарубежные газеты и журналы

2 том Книги и учебники

ПРЕС

1 том РОС
И Э
ГАЗ
И Ж

УВАЖАЕМЫЕ ПОДПИСЧИКИ!

Журналы Российской академии наук можно выписать в любом почтовом отделении России по объединенному Каталогу Федерального управления почтовой связи (ФУПС). Академические журналы объявлены в этом каталоге в разделе “АРСМИ”